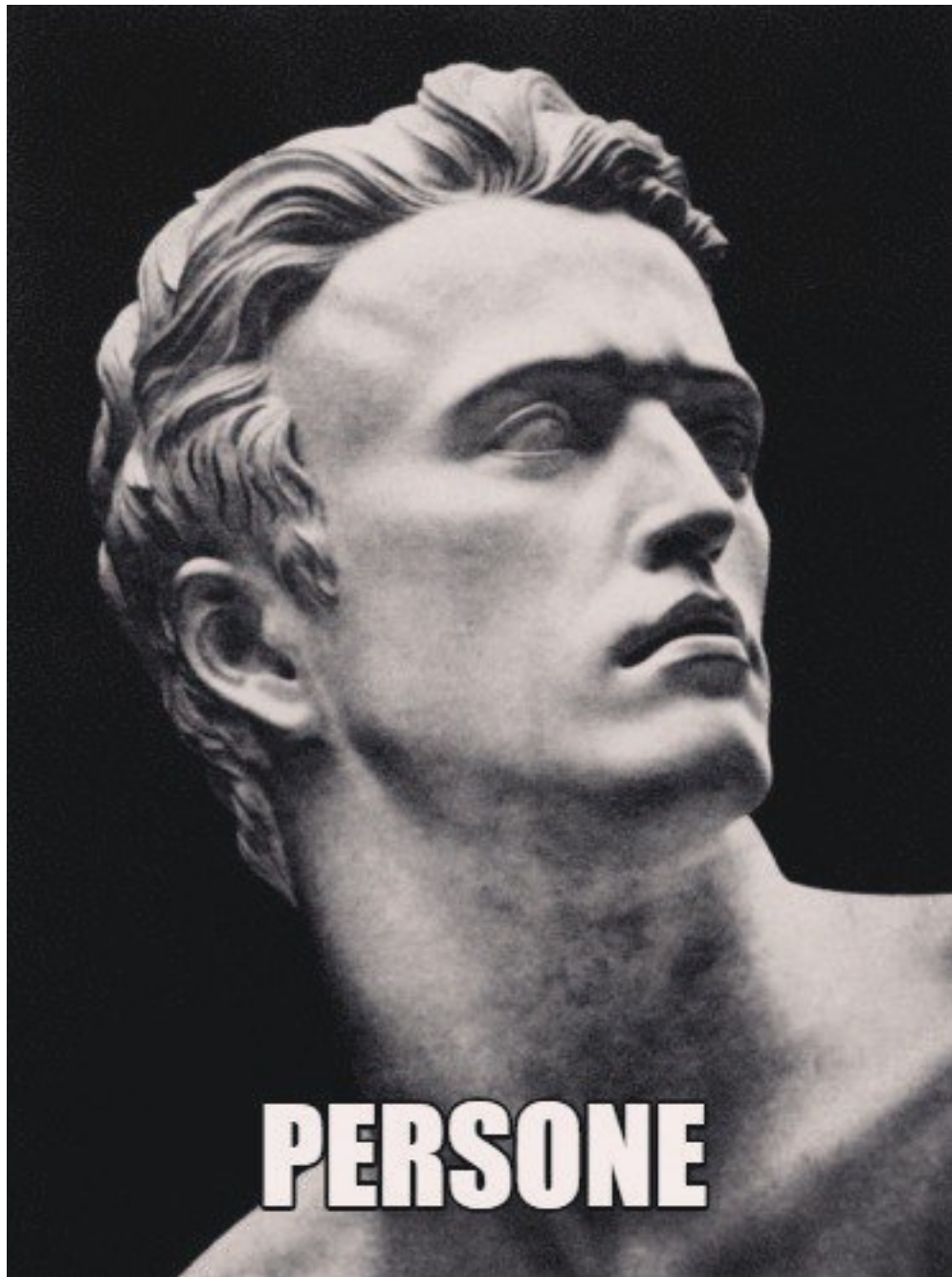

Click

<https://vk.com/intelligenceperson>

The book cover features a dark, textured background. On the right side, there is a vertical strip of lighter material, possibly paper or vellum, which contains handwritten text in a cursive script. The title and author's name are printed in a bold, sans-serif font on the lower right portion of the cover.

Эрнст Юнгер
САДЫ И ДОРОГИ

AdMarginem

Handwritten text on the left margin, partially obscured by the dark cover.

Luigi Turchi

Ernst Jünger

Ernst Jünger

STRAHLUNGEN I

VORWORT

GÄRTEN UND STRAßEN

Klett-Cotta

Эрнст Юнгер

САДЫ И ДОРОГИ

AdMarginem

УДК 821.112.2-94+94(44).083
ББК 63.3(4Фра)62+84(4Гем)-4я44
Ю 50

Перевод с немецкого — Евгений Воропаев

Общая редакция и послесловие —
Александр Михайловский

Художественное оформление —
Андрей Бондаренко

Юнгер, Эрнст

Ю50 Сады и дороги: дневник. — М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2008. — 368 с.

Первый перевод на русский язык дневника 1939–1940 годов «Сады и дороги» немецкого писателя и философа Эрнста Юнгера (1895–1998). Этой книгой открывается секстет его дневников времен Второй мировой войны под общим названием «Излучения» («Strahlungen»). Вышедший в 1942 году, в один год с немецким изданием, французский перевод «Садов и дорог» во многом определил европейскую славу Юнгера как одного из самых выдающихся стилистов XX века.

ISBN 978-5-91103-040-7

© J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, Stuttgart,
1942, 1979

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

1.

На этих страницах упоминается дневник семерых матросов, в 1633 году зимовавших на небольшом острове Святого Маврикия в Северном Ледовитом океане. «Гренландское общество» Голландии высадило их там с их согласия для изучения арктической зимы и полярной астрономии. Летом 1634 года, когда китобойная флотилия возвращалась обратно, на острове был обнаружен дневник и семь бездыханных тел.

Одновременно с этим эпизодом в другой части планеты вновь вспыхнул великий спор о свободе воли. Спор, который в свое время затеяли Лютер с Эразмом и который, вслед

за теологическим, неизбежно повлек за собой и политико-территориальное размежевание. В 1634 году в Эгере был убит Валленштейн¹ — наступил момент некоторого замедления. Смерть же Колиньи² в 1572 году, напротив, представляется нам упрощением и ускорением развития в рамках описываемой картины.

Мы судим так потому, что в централизованном государстве со всеми типичными для него чертами обычно усматриваем цель, которой мировой дух стремится достичь посредством искусных ходов. А посему триумф Ришелье и Кромвеля кажется нам исполненным смысла, тогда как крушение Валленштейна предваряет эру второстепенных и третьестепенных государств.

Но кому вообще известны истинные величины истории и обратная сторона тех медалей, которые чеканит сознание? Кто знает, что потеряла Франция в Варфоломеевскую ночь и что на самом деле предотвратила несчастливая звезда Валленштейна? Однако все это — не более чем досужее мудрствование, коему предаешься, сидя у камина или коротая время в часы бессонницы. Зачастую мы

¹ *Альбрехт Венцель Эвсебий фон Валленштейн* (1583—1634), герцог Фридландский и Мекленбургский, австрийский полководец и государственный деятель времен Тридцатилетней войны; убит собственными офицерами, несогласными с его политикой, направленной на поиски мира.

² *Гаспар де Шатийон Колиньи* (1519—1572), адмирал Франции, глава гугенотов; убит в Варфоломеевскую ночь.

переоцениваем значение политических фигур и отдельных шахматных ходов.

За сто лет до того как люди, умирая от цинги, вели на Святом Маврикии свой дневник, Коперник сделал набросок новой космографии. Вполне справедливо, что даты подобного рода кажутся людям важнее, нежели даты истории государств и войн. Ведь они к тому же сопряжены с несравненно более серьезной опасностью. В 1633 году престарелый Галилей предстал перед судом инквизиции. Приписываемая ему знаменитая фраза «Е pur si muove»¹ относится к числу наших судьбоносных изречений; видно, как крепко разум держится последнего слова.

Между тем мы постепенно свыклись с мыслью, что обитаем на некоем шаре, со скоростью пули несущемся в глубинах пространств навстречу космическим вихрям. Уже во времена Рембо быстрота езды превосходит всякое воображение. И любой антикоперниканский ум, пытаясь осмыслить ситуацию, в какой-то момент понимает, что неизмеримо проще наращивать движение, нежели снова вернуться к спокойному следованию. На этом зиждется преимущество нигилиста перед всеми остальными. Тем же объясняется и крайняя рискованность намечающихся в наши дни теологических акций.

¹ «А все-таки она вертится» (ит.).

Существует предел скорости, за которым все покоящиеся предметы становятся со своей стороны угрожающими и приобретают форму снаряда. В арабской сказке достаточно упоминания Аллаха, чтобы, словно звездой, испепелить летящих демонов.

2.

Те семь матросов уже являются персонажами коперниканской вселенной, для которой, кроме всего прочего, характерно стремление к полюсам. Их дневник — это новая литература, а ее главный отличительный признак — отделение мысли от объекта, автора от мира. Отсюда следует изобилие открытий. Неотъемлемая часть этого мира — добросовестное наблюдение, крепкое сознание, одиночество и, наконец, боль.

Со времени того, первого, при умерших было найдено и опубликовано посмертно множество подобных дневников. Живущие ныне тоже дают возможность познакомиться со своими записками; со времен *diners chez Magny*¹ с этим больше не связано никакого

¹ Торжественных обедов Маньи (*фран.*). Оливер де Маньи (1530—1561), французский поэт, участник «Плеяды», секретарь Генриха II.

риска. Дневниковый характер становится скорее отличительной приметой литературы. Причин тому много, и вышеупомянутая скорость — не самая последняя. Восприятие, разнообразие оттенков могут усиливаться до такой степени, что — как хорошо видно на примере современной живописи — грозят разрушить всякую форму. В противоположность этому дневник как литературный жанр является оптимальным средством. А в тотальном государстве он, по существу, остается последним из возможных способов диалога.

Даже в философском отношении ситуация становится опасной, когда сочинение в чем-то уподобляется вахтенному журналу. «Воля к власти» — первый и наиболее яркий пример. Это заметки, сделанные во время путешествия по морю: они позволяют заглянуть в пучины Мальстрема, откуда внезапно всплывают чудовища. Мы видим штурмана: он следит за приборами, которые постепенно раскаляются, он обдумывает курс и свою цель. Он изучает возможные пути, крайние маршруты, на которых практический ум должен потерпеть крушение. Духовное осознание катастрофы более страшно, нежели реальные ужасы огненного мира. Пойти на риск готовы лишь самые отважные, крепкие умы, они доросли до масштабов события, но еще не знают, какой груз придется взвалить

на плечи. Так была сломлена судьба Ницше, бросать камни в которого считается сегодня хорошим тоном. После землетрясения разбивают сейсмографы. Но не стоит наказывать барометр за тайфуны, если не хочешь быть причисленным к дикарям.

По, Мелвилл, Гёльдерлин, Токвиль, Достоевский, Буркхардт, Ницше, Рембо, Конрад часто оживают на этих страницах в роли авгуров Мальстрема, бездны, затягивающей нас в свою пучину. К числу сих недюжинных умов относятся также Леон Блуа и Кьеркегор. Они предвидели катастрофу до мельчайших подробностей. Их иероглифические тексты зачастую казались нам непонятными, а до некоторых из них мы как читатели созрели только сегодня. Они подобны транспарантам, надпись на которых проступает лишь в огненном зареве нового мира.

И опять Библия выдержала испытание как книга книг, пророческая и современная. Впрочем, не только пророческая. Она дарует высшее утешение, являясь для многих источником всякой мудрости и проводником сквозь все ужасы мира. Погружаясь в чтение, начинаешь отчетливо понимать, что стала необходима как новая теология сама по себе, так и экзегеза в духе XX столетия. Наброски такой экзегезы пронизывают собой настоящие записки. Они сделаны для собственного употребления, но, возможно, укажут кому-

нибудь путь к методике, к самостоятельному
вниканию. Методологическим импульсом я
прежде всего обязан Леону Блуа, чьи труды
также упоминаются на этих страницах. Его
я хотел бы непременно рекомендовать мо-
лодым немцам, хотя и предвижу сильней-
шее возражение. В свое время я превозмог
подобную антипатию — ведь нынче нужно
следовать истине везде, где бы ее ни встретил.
Она, подобно лучу света, не всегда освещает
приятные места. Вообще же литературная
нить тянется по лабиринту дневников, осно-
вываясь на потребности в духовной благо-
дарности, которая, в свою очередь, тоже не
может пропасть для читателя даром.

3.

«Излучения» — таков заголовок для всего
секстета дневников, первый из которых поя-
вился еще в годы войны, а последний — уже
много позже, когда отгремело оружие¹. Те-

¹ «Сады и дороги», «Первый Парижский дневник», «Кав-
казские заметки», «Второй Парижский дневник», «Листки
Кирххорста», «Хижина в винограднике» («Годы оккупа-
ции»). Рус. пер.: Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 —
апрель 1945) / Пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Нотки-
ной. СПб.: Владимир Даль, 2002; Годы оккупации (апрель
1945 — декабрь 1948) / Пер. И.П. Стребловой. СПб.:
Владимир Даль, 2007.

перь все части составляют единое целое, картину катастрофы, которая поднимается подобно грозной волне, с грохотом накатывается и отступает. Она настигла каждого, захлестнув всех сразу.

Излучения — под этим прежде всего понимается впечатление, которое производит на автора мир и его предметы, нежное чередование света и тени. Темы складываются из множества оттенков, нередко противоречивых и даже полярных, как «Восток и Запад» и прочие важные темы нашего мира, которые согласуются внутри нас.

Существуют светлые и темные излучения. Совершенно темными являются грандиозные метастазы страха, что с момента окончания Первой мировой войны вторгаются в наше время и болезненно разрастаются. Они оттеняют даже самую малую радость.

Лучи мы получаем также благодаря человеку, благодаря ближним и дальним, благодаря другу и недругу. Кому известны последствия взгляда, вскользь коснувшегося нас, кому известно действие молитвы, вознесенной за нас неизвестным? Гороскоп показывает концерт лучей при рождении подобно граням алмаза. Первым порывом жизни после оплодотворения является тончайшее излучение — увертюра индивидуализации. В каждое мгновение нас обвивают

пучки света, касаются, обволакивают и про-
пизывают нас.

Кто знает, кто постиг эту энергию вокруг наших тел, наших чувств, нашей души — тот порядок, то балансирование, которое мы не можем не осуществлять? Даже красота противоречит себе, как то доказывает усталость, возникающая вслед за прогулкой по картинным галереям, этим собраниям шедевров. Мы неумоимо направляем потоки света, снопы лучей, пытаемся привести их в гармонию, возвысить до уровня образов. Ведь это и значит жить!

В функционировании высшего порядка космические и земные лучи переплетаются так, что высвечивают осмысленный узор. Его появление — знак того, что жизнь людей, жизнь народов удалась. Цветы — символы таких узоров, отсюда *cultura*¹, и отсюда их роль в сравнениях. Отсюда глубокое и нередко трогательное стремление народа к произведениям искусства. Оно объяснимо, ибо, если осмысленные узоры удались лишь на площади шириной в ладонь, значит, они вполне могут заполнить и более обширные области. При таком положении нет нужды опасаться даже массового упадка. В произведении искусства заложена колоссальная направляющая сила.

¹ Здесь: «возделывание» (лат.).

4.

Излучения — автор улавливает свет, отражая его на читателя. В этом смысле он выполняет подготовительную работу. Чтобы сначала гармонизировать, а затем оценить богатство образов, то есть: согласно тайному ключу снабдить светом, который соответствует их рангу. Свет означает здесь звук, означает жизнь, сокрытую в словах. Некий метафизический учебный курс по символике: установление порядка зримых вещей в соответствие с их незримым рангом. Согласно этому принципу должно строиться каждое произведение и каждое общество. Пытаясь реализовать его в слове, в игре картин, являемой в череде будней, мы упражняемся в высшей дисциплине.

Одно безукоризненное предложение способно доставить не только удовольствие. В нем живет некое распределение света и тени, некое тончайшее равновесие, которое распространяется и на другие сферы, даже несмотря на устаревание языка. Оно таит в себе силу, благодаря которой архитектор чертит план дворца, судья взвешивает последние аргументы за и против, а больной в период кризиса обретает возможность отыскать врата жизни. Запись оказывается крайне рискованным предприятием, требует серьезной проверки и размышления, подобно тому, с каким

ведут в атаку полки. И если есть на свете волшебные кольца, то лишь там, где это сопротивление преодолевается волей к созиданию.

Служение поэта — одно из самых возвышенных в нашем мире. Когда он преобразует слово, вокруг него начинают толпиться призраки; они чувствуют, что в жертву приносится кровь. Поэт не только заглядывает в будущее как пророк, он вызывает его заклинаниями или, наоборот, отвращает его. Низшие, темные уровни господства над словом являются магическими; и Гёте выразил это в стихах:

*Когда бы магия с моей дороги удалилась,
Душа бы сразу заклинаньям разучилась, —*

они намекают на пережитое могущество и страдание.

Как и многие его стихи, эти тоже звучат как молитва. Магия должна быть в слове всегда, иначе оно лишится силы. Только таится она должна в глубине, как в крипте. А над ней уже поднимаются своды языка навстречу новой свободе, которая одновременно преображает и сохраняет слово. Этому способствует и любовь; в ней заключена тайна мастерства.

Преображение дает о себе знать в жизненном росте, в обогащении языка. Если уж мы решили придерживаться образа излучения, то нельзя не упомянуть и о целительных

лучах. Та часть слова, которая вызывает чистое движение, — будь то движение воли или чувств, — должна исчезнуть, уступив место другой его части, что обнажает его чудесную сердцевину.

5.

Шестью этими дневниками мое авторство в период Второй мировой войны и ограничилось, если не учитывать обширной переписки да небольших сочинений. К числу последних относится трактат «Мир»¹, предыстория которого вплетена в парижскую часть записок. Вопреки фактам ошибочно полагают, будто это воззвание стало результатом поражения. До сих пор приходится считаться с таким примитивным истолкованием, да еще и оправдываться перед недоброжелателями. Однако в своей работе я неизменно плыл против течения и никогда не двигался в кильватере господствующих сил. Первый набросок сочинения я сделал как раз во время наиболее широкого развертывания немецкого фрон-

¹ Трактат «Мир» («Der Friede») задуман Юнгером как манифест еще в декабре 1941 г., закончен в сентябре 1943 г. Сначала распространялся в списках, впервые напечатан в Амстердаме в 1946 г. (из-за запрета британских оккупационных властей публиковаться в Германии).

та. Цель сочинения была чисто личная; оно должно было служить моему совершенствованию — в известном смысле стать упражнением в справедливости.

Приближение катастрофы свело меня с теми людьми, которые отважились на ужасный риск: низвергнуть колосс прежде, чем он обрушится в бездну и увлечет за собой бесконечную похоронную процессию. Я не только иначе оценивал обстановку, но и чувствовал себя частью другой субстанции, если не считать таких мусических умов, как Шпайдель¹ и Штюльпнагель². Прежде всего я придерживался убеждения, что без Суллы всякая претензия на плебисцитную демократию неизменно должна привести к дальнейшему укреплению низменных сил.

¹ Ханс Эмиль Шпайдель (1897—1984), полковник, начальник штаба оккупационных войск во Франции (располагался в отеле «Мажестик»), при котором служил Эрнст Юнгер. Был главным вдохновителем встреч в отеле «Рафаэль» и салоне «Георг V» (так называемый «кружок Георга»), в которых помимо образованных офицеров участвовало немало известных немецких интеллектуалов, в том числе Фридрих Зибург, Герхард Небель, граф Подевильс (см. «Парижские дневники»). Был арестован вместе с другими заговорщиками после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1940 г., однако признан невиновным. После войны служил командующим сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе.

² Карл-Хайнрих фон Штюльпнагель (1886—1944), генерал, с марта 1942 года командующий оккупационными войсками во Франции. Один из руководителей заговора против Гитлера.

И все же бывают ситуации, когда не следует рассчитывать на успех; тогда, конечно, оказываешься вне политики. Так поступили и эти мужи, а посему они морально выиграли там, где проиграли исторически. Их жертва венчает не победу, а поэзию.

Я счел за честь внести свою посильную лепту, и потому дал своему сочинению подзаголовок «Воззвание к молодежи Европы». Между тем его влияние ощущалось и в узком кругу единомышленников, которые как бы ждали условного слова. Роммель прочел его до того, как отослал свой ультиматум. Прямое попадание бомбы, настигшей его по дороге в Ливарот 17 июля 1944 года, лишило план тех единственных плеч, что только и были способны выдержать неимоверную тяжесть двойного бремени: войны и гражданской войны, — единственного мужа, который был достаточно наивен, чтобы противодействовать крайне безыскусному плану покушения. Гибель Роммеля стала недвусмысленным предзнаменованием его краха. В те дни я научился тому, чему меня не могли научить все исторические книги, и даже «Кориолан» Шекспира, к которому я часто обращался за поддержкой. В моих записях об этом упоминается лишь вскользь, ибо их задача — не политическая, а педагогическая, автодидактическая в высшем смысле: автор приглашает читателя участвовать в своем развитии. Кроме того, нелишне

замечать, что в ту пору я уже устал от мельтешения картинок политической истории и не рассчитывал, что еще один поворот калейдоскопа все изменит к лучшему. Новый плод должен вызреть в человеке, а не в системах.

В этом смысле сочинение о мире уже стало для меня историей тогда, когда сопротивление в Германии угасло. Я посвятил его своему сыну Эрнстелю, который незадолго перед тем был освобожден из тюремного заключения и добровольцем пал под Каррарой. С его смертью связана для меня такая же горечь, как и с моим авторством. Я, пожалуй, предвидел, что мы погрузимся в те пласты, где больше не остается заслуг и где ничто, кроме боли, не имеет ни веса, ни ценности. Но боль возвышает нас в сферах иных, в истинном отечестве. Там ничто уже не в силах повредить нам, если здесь мы смогли выстоять в безвыходном положении, на оставленном посту.

«Мир» тем временем курсировал в виде оттисков и списков. У пуль и книг свои судьбы. Некоторым видится парадокс в том, что воин ведет речь о мире. Возражая на это, хотелось бы сказать, что лишь его подпись дает кредит слову. Не напрасно древние привлекали к мирным договорам народных богов войны, которых представляли жрецы.

Я просто пожелал своему сочинению счастливого пути. Мое положение в ту пору было сродни положению семерых матросов

в Ледовитом океане, а в таком настроении человек легко срывается в ненависть. Она никогда не была моей вотчиной. Напротив, вполне возможно, я обратил взор к одной из тех звезд, которых никогда не достигнуть при жизни. Так сочинение это стало для меня еще дороже, ибо авторство — это отцовство, а наши симпатии всегда на стороне тех детей, коим судьба не даровала счастья.

6.

В первом из шести дневников, «Сады и дороги», изображено немецкое продвижение по Франции. Книга быстро приобрела известность. В ту пору мне нравилось играть картинками-загадками, из которых люди (или те, кто хотел оставаться ими) могли бы извлечь описание нашего положения. К числу таких картинок относится и упоминание 73-го псалма. Минул год, арабеска получила хождение; тогда благодаря министру народного просвещения появление нового переиздания оказалось напрямую зависимо от того, будет вычеркнуто место или нет. Когда я ответил отказом, «Сады и дороги» включили в список запрещенных книг, и в нем они оставались довольно долгое время. Смена авторитетов в современном государстве изменяет

аргументацию, но не практику насилия. При любом отклонении от нормы тебя, на всякий случай, объявляют опасным. Гонители смеются, облавная охота идет дальше.

Благодаря некоторым встречам я узнал, что этот первый раздел серии дневников под названием «Routes et jardins»¹ вскоре обрел друзей и во Франции. Хорошая идея дружбы между обеими странами вследствие противодействия злых сил постепенно утратила вес, и все же многое будет зависеть от того, удастся ли отстоять ее снова. То, что ее осуществление во время войны было невозможно, — большая трагедия для ее сторонников в обеих странах. Я видел, как они за нее погибали.

Единственный способ избежать катастрофы (коль скоро война уже разразилась) заключался в незамедлительном заключении мира с Францией, подобно тому как Бисмарк заключил мир с Австрией. Демон масс всегда предпочитал мимолетные триумфы и холод ненависти. Говоря принципиально, было бы даже лучше, чтобы при выяснении сути конфликта доискивались до первопричин. Речь, в конце концов, шла о том, есть ли будущее у национального государства в XX веке или же оно обречено. Вопрос разрешился в пользу империй, как и было предсказано. В этом отношении Германия проиграла вой-

¹ «Дороги и сады» (фр.).

ну вместе со всеми национальными государствами, точно так же, как она проиграла Первую мировую вместе с другими монархиями. Соответственно, в ту пору я считал разумным примкнуть к России, тогда как сегодня очевидна комплементарная связь Германии не только с Францией, но и со всеми европейскими государствами.

Можно предвидеть, что при любом обострении напряженности между Востоком и Западом основным пострадавшим окажется Германия. И эта напряженность не уменьшится, если обе чудовищные державы, грядущий подъем которых столь отчетливо осознал уже Токвиль, разрастаясь, укрепятся и начнут притягивать к себе державы, лежащие между двумя полюсами. Подобный сценарий развития раскол бы Германию на атлантическую и континентальную части, как в свое время Тридцатилетняя война рассекла ее на северную и южную половины. На основании этого мы и обязаны содействовать мирному разрешению проблемы, и наш вклад, согласно сложившемуся положению вещей, может быть только духовным.

7.

Излучения. Что касается формы, то автор является приверженцем как волновой, так

и корпускулярной теории света, а это значит, что действовать должны как идеи, так и картины — и притом одновременно: в языке логические фигуры сплавляются с идеограммами *style image*¹.

Мы верим, что создание нового стиля скрывает в себе единственный неуловимый шанс сделать жизнь терпимой. Такого рода стиль обретается лишь в продвижении вперед. Последний сухостой романтизма уничтожило пламя. Равным образом стала очевидной и безотрадная пустота классицизма. Путь к огню лежит через музеи. Консервативное притязание, — будь то в искусстве, политике или религии, — выдает вексель на несуществующие уже больше активы. Так говорил Гюисманс, духовный наставник толпы верующих, которых сегодня паника гонит к алтарям.

Реализм, напротив, меньше обещает, но чаще сдерживает слово. Он враг умозаключений, у которых не все в порядке с логикой, и не наполняет векселями незримые фонды. С этим тут все в порядке — но разве мы исчерпали тайны зримого? Позитивизм и натурализм предоставляли как-никак лишь грубые выкройки, отражали только поверхностный рельеф. Здесь еще доделывать и доделывать. В зримом содержатся все указания на не-

¹ Образного стиля (*фр.*).

зримый план. И то, что один из таких планов существует, должно быть доказано на моделях. Сюда относятся попытки сплавить язык иероглифов с языком разума. В этом смысле поэтическое произведение возводит колонны в виде образов, оно возлагает дух перед еще незримым храмом в качестве жертвы.

В такой ситуации взоры обращаются к христианству. Однако его нынешним представителям далеко даже до научных умов XIX столетия, которые хотя бы создали целостное представление о мире. Но ситуация не безнадешна, и новые столкновения говорят о том, что у господствующих сил появляются соперники нового типа.

8.

Еще несколько слов о размежевании частной сферы и сферы авторской. Между ними всегда будет проходить граница, и граница небесспорная. По той же причине рукописи сильнее, чем напечатанный текст. Точность кроется не в деталях. Не последнюю роль играет и вопрос вкуса. Так, к примеру, Джойс считал важным регистрировать в «Улиссе» все подробности использования отхожего места.

Ряд эпизодов, насколько я знаю из отзывов, уже дал повод для критики. В особен-

ности это касается изображений ужасного; а потому было искушение подретушировать текст. Однако я смог удержаться от соблазна, поскольку хотел обрисовать читателю идею целого. Разговор сегодня возможен только между теми людьми, у которых есть эта идея целого; при этом они, разумеется, могут вполне занимать самые разные позиции.

Вести дневник значит упорядочивать случайные факты и мысли — такие задачи и должен ставить перед собой автор. В этом состоит его единственное утешение. Когда государством управляет техник, переделывающий его в соответствии со своими идеями, конфискация грозит не только эстетическим и метафизическим экскурсам, но и чистой радости жизни. Уже давно канули в Лету те времена, когда собственность слыла воровством. Считается роскошью даже иметь собственный характер, который Гераклит называет демоном человека. В борьбе за него, в желании его сберечь, и заключается одна из великих, трагических тем нашего времени.

Этой темы я тоже намерен коснуться после всех своих экспедиций в огненные и ледяные долины рабочего мира. Временной интервал, отделяющий автора от своего произведения, позволяет действовать в предельно удаленных друг от друга областях и пластах, которые зачастую отличаются между собой, как негатив и позитив. И все же только вместе они дают

реальность. Мир, рождение которого мы наблюдаем, не будет отражением однообразных мотивов и принципов — он, как любое творение, возникнет в споре. К числу великих размежеваний относится прежде всего определение границ свободы воли и предопределения. В нашей голове, в нашей груди располагается та арена, где под покровом времени сходятся в поединке судьба и свобода.

Сады и дороги

КИРХХОРСТ, 3 апреля 1939 года

Впервые работал в новом доме. «Королева змей» — быть может, мне придет в голову более удачное заглавие, а то нас, чего доброго, еще примут за офитов¹. Порой мне кажется, что я не до конца проникаюсь воздействием записи, когда мысленно перечитываю ее. Например, короткое предложение кажется мне незавершенным, хотя я все же уверен, что именно емкая фраза часто производит неизгладимое впечатление. Предложение в том виде, как его записывает автор, отличается от предложения, каким его воспринимает читатель. Случись мне обратиться к запискам или письмам, которые вышли из-под моего пера

¹ *Офиты*, т.е. змеепоклонники, — одна из гностических сект.

давным-давно, проза представляется мне крепче, сочнее.

После полудня в саду. Земля легко поддается обработке: песок Люнебургской пустоши, подстилающий темные пласты перегноя. Поскольку я еще не отвык от вязкой почвы виноградника в Юберлингене, мне доставляло удовольствие ощущать, как он соскальзывал с лопаты.

КИРХХОРСТ, 4 апреля 1939 года

Поработал скверно, о чем можно было догадаться заранее по тому, как я спал, что мне снилось. Хоть и не каждый день возвращаешься с добычей, однако ж, на охоту отправляешься ежедневно — вот так и я: первую половину дня провожу, вылепляя и отбраковывая предложения, уподобившись горшечнику, бьющему изготовленную посуду. Состояние это наступает довольно быстро, и тогда можно спокойно отправляться на прогулку. Но если я, тем не менее, остаюсь, значит, в этом усилии скрыт какой-то смысл. Мало что делают напрасно.

В полдень перекапывал грядки, посеял редис и купырь. Читал Торнтон Уайлдера, «Мост короля Людовика Святого»¹. В од-

¹ *Торнтон Уайлдер* (1897—1975), американский писатель, мастер исторического жанра. Указанный роман написан им в 1927 г.

ном месте автор приводит приметы настоящего искателя приключений, в том числе умение завязывать беседу с незнакомцами. Пожалуй, это и в самом деле отличительная черта первостепенной важности. Если мы взглянем на своих знакомых, то можем по пальцам пересчитать тех, знакомству с которыми мы не обязаны посредничеством третьего лица. Людей, с которыми мы вступали в отношения напрямую, мы чаще всего встречали при необычных обстоятельствах — в путешествии, во время праздника или несчастного случая. В эротической сфере тоже знакомятся напрямую, например при первом обращении или в момент приглашения на танец. Элемент приключения есть и в том, когда в темном помещении, — к примеру, в театре, — мужчина протягивает руку незнакомой женщине. Впрочем, случается это чаще, чем принято думать. Эдмонд довел эту тактику до совершенства и как-то даже прочитал мне о ней длинную лекцию. Вспоминаю, что с ним я тоже познакомился непосредственно; он заговорил со мною в метро. В любой круг мы почти всегда вступаем лишь будучи представленными, как то и положено общительным существам. Искатель приключений, обычно замкнутый, помогает себе собственным талантом. Авторство тоже можно рассматривать в качестве духовного приключения, ведь любой автор располагает

некоторым числом знакомых, которых приобрел благодаря прямому обращению.

Кажется, что непосредственное знакомство считается высшим способом завязывания отношений. Так, любовные пары воспринимают случай, который свел их вместе, как исключительный. А в качестве завязки романа часто используется случайная встреча двух не знакомых ранее людей.

КИРХХОРСТ, 5 апреля 1939 года

«Королева змей». Мои сегодняшние наброски о мавританцах¹ меня не удовлетворяют; в моем воображении этот орден живет отчетливее, чем в изложении. Показать, как в пору упадка, когда скапливается масса затхлой материи, рационализм становится самым твердым принципом. Затем: когда вокруг доктрины аморальной техничности образуется кружок, злой дух притягивает автохтонные силы, чтобы вернуть себе прежнюю власть, тоска по которой всегда живет на дне их сер-

¹ Слово «мавританцы» обозначает у Юнгера «техников власти», для которых характерна «смесь человеконенавистничества, атеизма и превосходного технического ума». Таким образом автор пытается описать совершенно новый человеческий тип, свойственный XX веку (ср. примечание к записи от 23 мая 1940 года). Часто с «мавританцами» связывают указание на национал-социалистов, которые также выведены как «лемуры».

дец. Так в современной России просвечивает старая царская Россия. Таков и Старший лесничий¹; в подобных фигурах нигилизм находит своего хозяина. Впрочем, в отношении Петра Степановича к Ставрогину ситуация кажется перевернутой: техник пытается заключить союз с автохтоном, ощущая у себя недостаток легитимной силы.

Описывая отношения такого рода, лучше всего, конечно, целиком положиться на продуктивную фантазию, но делу в любом случае не повредит, если детально проработать их конструкцию. Впрочем, следует избегать того, чтобы рассказ приобретал чисто аллегорический характер. Он должен, совершенно вне временной соотнесенности, уметь жить исходя из собственной сути, и даже хорошо, если останутся темные места, которые порой не под силу объяснить даже самому автору,

¹ Фигура Старшего лесничего впервые встречается во второй редакции эссе «Сердце искателя приключений» и новелле «На мраморных утесах». В отличие от мавританцев Старший лесничий — фигура с ярко выраженными демоническими и в то же время анархическими чертами. Он обладает властью не технического свойства, а властью исконной, рожденной из господства над лесом. Его царство — первобытная стихия девственного леса, его слуги — бестиальные существа; он презирает мысль и искусство, порядок и возделанную землю. Неправильно отождествляют Старшего лесничего с Гитлером, который выведен у Юнгера под вымышленным именем Кньеболо. Если все же искать реальные прототипы, то в Старшем лесничем заметны скорее черты Германа Геринга.

именно они, как я со временем понял, нередко являются залогом позднейшего плодородия. Так, характер Старшего лесничего, когда он привиделся мне в одну из ненастных ночей в Гарце, представлялся мне еще темным; а уже сегодня я вижу, что черты, отмеченные в нем тогда, не лишены смысла даже в более широком контексте.

После полудня на болоте. Совсем близко, у неширокого оврага, вспорхнула парочка уток и описала вокруг меня круг. Селезень в свадебном наряде, с видом эдакого бравого молодца: чего стоит один завиток на гузке и шелковистая, отливающая металлической зеленью шея! Чрезвычайно красивы места, где этот цвет переходит в роскошную и очень нежную черноту; такова наивысшая степень зеленого. Я представил его себе чернильным порошком, который в растворе дает большое количество великолепной зеленой тинктуры.

Затем в саду. Сажал горох, салат, мангольд, лук и морковь. Как же славно поблескивали горошины своими матовыми, серо-зелеными строчками из темных бороздок. Подумав о том, что мне придется тут же покрыть их землей, я вдруг понял, насколько необычной, едва ли не колдовской является работа на грядках.

Когда копаешься в почве, земля сообщает рукам свои свойства; она делает их суше, изнуреннее и, как я полагаю, духовнее. Рука

претерпевает в почве очищение. Перебирать пальцами в рассыпчатом, податливом грунте, согретом солнцем и брожением, — это несказанно приятное чувство.

Среди полученной почты письмо от Элизабет Брок из Цюриха. Она пишет, что на заданную тему «Description exacte d'un objet»¹ получила от одной из своих учениц описание вареного омара, от которого я-де пришел бы в восторг. Должен, конечно, признать, что уже сама идея кажется мне замечательной; речь идет о вещи роскошной и торжественной.

КИРХХОРСТ, 7 апреля 1939 года

За работой мне бросилось в глаза, что я, быть может, слишком скрупулезно опускаю на письме безударное «е». Для предложения, безусловно, не все равно, звучит ли в нем «erfreuen» или «erfreun»². Между тем я по себе вижу, что читатель сам по мере надобности либо читает безударное «е» окончания либо его опускает. Во всякой хорошей прозе читатель сотворчествоует от своего лица. Осмотрительность же, на мой взгляд, следует в особенности проявлять там, где пропуск этого гласного звука придает слову непривычное

¹ «Точное описание предмета» (*фр.*).

² Полная и краткая форма немецкого глагола, означающего «радовать».

звучание или нарушает стихотворную форму. То же самое относится и к перестановке слов в пределах одного предложения по причине распределения нагрузки — здесь стихотворению тоже подобает предоставлять больше свободы, нежели прозе. То, что в прозе достигается за счет ритма, не должно оставлять следов; и напряжение тем более благотворно, чем менее оно ощутимо. Это соответствует общему закону, согласно которому рука мастера, проходясь еще раз по готовому произведению, сглаживает все шероховатости.

Кроме того, думаю, мне следует в дальнейшем избегать слишком частого употребления указательного местоимения «тот». «Его глаза сверкали тем блеском, который придает употребление белладонны». Своеобразное воздействие этого местоимения заключается в том, что оно попусту тратит время понятливого и искушенного читателя. Сильно воздействовать оно может лишь при констатации чего-то необычного либо при упоминании редкого факта. Здесь, однако, как в случае лести, должно срабатывать правило экономности.

В первой половине дня в небольшой церкви, ее кладбище притулилось прямо к моему саду. Церковь очень красива. Проповедь на Страстную Пятницу о распятом Христе и двух разбойниках. Сакральный тон проповеди, словно тонкая, отслоившаяся фольга.

У протестантов это еще слышнее, чем на юге, где «верой единой» дело не ограничивается. В Норвегии меня когда-то поразили богослужения, в ходе которых тебя, как на воображаемых канатах, словно подтягивали вверх.

После полудня — визит к новому соседу; кофе с печеньем, прогулка по двору и дому. Затем вместе с Перпетуей¹ и Луизой приводил в порядок библиотеку; переезд, к сожалению, плохо сказался на книгах. Череду долгих столетий без потерь преодолевают лишь добротные старинные переплеты из пергамента.

КИРХХОРСТ, 8 апреля 1939 года

Продолжил возиться с библиотекой. Даже расставил справочники на верхних полках. Копал землю в саду, в том месте, где земля падает яркими, красно-бурыми комьями и, как медь, сверкает на срезе.

Аттагенус — я привык видеть в нем первого посланца весны — несколько запоздал

¹ *Перпетуя* (Perpetua) — под этим именем, что по латыни значит «Постоянная», автор выводит в дневниках свою первую жену Грету Юнгер, урожденную фон Йенсен (1906—1960), мать их двоих сыновей, Эрнста (Эрнстеля) и Александра. Их бракосочетание состоялось 3 августа 1925 г. в Ганновере. В письмах и воспоминаниях она называет своего мужа «Повелитель». В книге «Силуэты», опубликованной в 1955 г., Грета Юнгер выступает как талантливый эссеист. Опубликована ее переписка с Карлом Шмиттом.

в этом году и, появившись, произвел ревизию в моих бумагах. Крошечное создание, величиной с рисовое зернышко, он имел изящные, с утолщениями на концах, усики и пару белых, как мел, пятнышек на щитке спины. Еще его темная юбочка бывает окроплена белыми брызгами. Он с успехом развивается в оконных щелях и стыках половиц, а комнатное тепло способствует его созреванию, словно в оранжерее. Всегда приятно видеть старого знакомого, когда жучок вдруг начинает кружить вокруг лампы и затем ползет по листу рукописи, как по какой-то пашне. Я наблюдаю за ним, и комната кажется мне обжитее и просторнее.

КИРХХОРСТ, 9 апреля 1939 года

Среди просторов полей там и сям высятся темные перелески. Березы на обочине проселочных дорог еще не обзавелись листвой. Вдоль придорожных канав на деревьях цветущие сережки, обсыпанные роями пчел и желтых мушек. Большие сгустки лягушачьей икры, в обрамлении гидрастисов похожие на саговый пудинг; ее черные ядрышки уже изрядно развились. По всей округе стеклянным звоном разносится глубокое кваканье жерлянок. У весны есть своя земноводная сторона, прохладное, нежное очарование, с любовными играми на подтаявшем льду.

В лягушках — когда в воде они кажутся как бы стоящими на вытянутых задних лапках — меня всегда трогает их сходство с человеком; впрочем, у более высокоорганизованных ветвей позвоночных животных оно снова сходит на нет. Это что-то вроде первого рывка природы вперед к человеческому существу, который впоследствии возобновляется все напористей и напористей. Этим, пожалуй, объясняется, почему мы считаем лягушку такой же забавной, как и обезьяну. Даже во время спаривания самец совершенно по-человечески хватается самку руками.

Соответственно, человек тоже обнаруживает в себе черты земноводных. Это особенно чувствуется, когда он, откинув назад голову, дает возможность любоваться частью своего подбородка и горла. В некоторых местах хорошо видно, как спешила природа, кроя для нас животные платья.

Припоминаю, что ребенком при виде лягушек испытывал неопишуемый восторг. Однажды в полдень, возвращаясь из начальной школы, я увидел за витринным стеклом аквариумного магазинчика крупных, пестреющих зелеными и черными крапинками прудовых лягушек. То обстоятельство, что столь великолепные создания выставлены на продажу, меня изумило, и я вошел в магазин несколько смущенный, но в то же время горя страстным желанием приобрести один

из таких завидных экземпляров. К сожалению, в тот момент появился мой дедушка и увел меня оттуда. Тогда-то, должно быть, я понял, что должен чувствовать человек, владеющий рабом, — я имею в виду очень древнее, доримское, даже доалександрийское наслаждение. «Этот человек принадлежит мне, он — моя собственность, мое непреложное и неоспоримое достояние; мне так нравится с ним забавляться». Надо полагать, здесь кроется одно из самых глубоких отношений между людьми, какие только возможны. А если посмотреть с другой стороны? «Я — твой раб» — разве нельзя себе представить, как эту фразу произносят таким тоном, который не удалось описать ни одному из наших историков? Подобный тон относится к детству человеческого рода, он жив в нашей сумрачно-прекрасной волшебной стране, какую Геродоту довелось увидеть собственными глазами. Это-то и придает его книгам особое значение.

Перечитывая запись, замечая, что выше, в третьем предложении, мне не нравятся «цветущие сережки». Не нравятся справедливо, ибо скрывают в себе плеоназм, который, впрочем, следует оставить в качестве предостережения. Однако похвально то, как он был выявлен — благодаря эстетическому недовольству *a priori*; а затем уже подтягивается и логическое обоснование.

«Королева змей». Мои описания мраморных утесов — осмотрительность, дабы не вышло пышного полотна в стиле какого-нибудь «Тигана»¹, рисующего Изола-Белла. Автор пытается дать представление о прекрасном, описывая читателя словесами. А между тем высшее же воздействие прекрасного заключается не в экстазе; мы покоряемся обаянию волшебства. Так, у нас может возникнуть глубокое удовольствие, подобное дурману, который окончательно лишает нас твердой почвы под ногами и мешает стойко держаться образов. В обаянии же волшебства, которое распахивает нам глаза вместо того, чтобы смежать их, мы как раз достигаем самого глубокого представления, какое только возможно достигнуть сознанию. Пред ликом красоты наблюдение должно усиливаться; есть состояние, когда время начинает замедлять свой бег, а краски, словно в безвоздушном пространстве, сверкают все ярче. Описание прекрасного предполагает меру, отстранение и острый взгляд; словоблудием здесь ничего не добьешься.

¹ Имеется в виду роман Жан-Поля. *Жан-Поль* (1763—1825), настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер. В бытописательных повестях и романах («Геспер», 1795; «Зибенкез», 1796—1797) сочетал просветительские идеи с сентиментализмом. Способствовал формированию эстетики романтизма.

А потому такие слова, как «неописуемый», не подходят для живого изображения. Увлечение превосходными степенями равным образом является признаком импотенции. Естественно, бывает и так, что словесная форма неспособна вместить в себя все богатство, выдержать жар и лопается, как мыльный пузырь. Когда речь идет о сферах, лежащих вне слова, тогда меняются и средства. Чистые мелодии способны проникать глубже, чем язык, обнаруживая еще большую невесомость.

Я нахожу, что в знаменитой картине «Колдовство любви» суть колдовских чар передана весьма удачно — особенно потому, что, кроме всего прочего, передает тот испуг, какой охватывает нас перед самым разоблачением.

Прототипы мраморных утесов: скалистый склон у маяка Монделло, по которому я взбирался с Магистром¹. Затем проход с Корфу до Канони, долина Родино на Родосе, вид от монастыря Суттомонте в сторону Коркулы,

¹ Имеется в виду *Хуго Фишер* (1897—1975), философ, автор исследований о Гегеле, Марксе, Ницше. В 1933 г. написал свой главный труд «Ленин, Макиавелли Востока». В годы нацизма эмигрировал в Англию, после войны жил в Мюнхене. В книге «Кто будет господином Земли» (1962) критически рассматривал проблемы технической цивилизации. Юнгер познакомился с ним в Лейпциге, в 1929 г. путешествовал на Сицилию («Из золотой раковины») и в 1933 г. в Норвегию («Мюрдун»). В образе Магистра изображен в новелле Юнгера «Посещение Годесхольма».

проселочная дорога от Глетчермюле к Зип-плингену на Боденском озере. Соколиные и совиные гнезда на отвесных стенах Коринфского канала. Акрополь; скалы, вздымающиеся в Рио, так что на ум невольно приходят орхидеи и змеи. Автор обязан много путешествовать, чтобы увидеть на собственном опыте, что может приносить Земля. Однако потом образы должны смешиваться и становиться текучими подобно меду, собранному с многих цветов. Только из элементов воспоминаний дух черпает для себя пищу.

Во второй половине дня ярко светило солнце — на болоте, среди водяных мхов я охотился на мелкие виды гидрофилусов. Пока я их рассматривал, сидя на корточках, из ситника на темное зеркало торфяного среза выскользнул крупный паук-серебрянка — густо-коричневый, бархатистый, с белой фетровой оторочкой на тельце. В эти весенние дни все залито резким светом, повсюду пестрят берзовые побеги и стебли вереска, так что порой возникает впечатление свежестыранности. Эта необычная картина, видимо, объясняется контрастом все еще зимней растительности с почти уже летним освещением.

КИРХХОРСТ, 11 апреля 1939 года

Посеял лук, шпинат и майскую редьку. Увидел, что горошины проросли — к своему об-

легчению, потому что меня преследовала почти навязчивая идея, что ничего не взойдет. Должен сказать в свое оправдание, что все наши усилия по ускорению роста не идут ни в какое сравнение с настоящим приростом, который за одну ночь получается сам по себе и без нашего участия. Нам не хватает, прежде всего, одной добродетели, которую можно было бы назвать «искусством-давать-себя-одаривать». В этом следует оставаться ребенком, и тогда счастье придет само собой. Мною давно подмечено: деньги — я имею в виду не абстрактные, а конкретные деньги, к примеру наследства, подарки и выигрыши — переходят к совершенно определенному получателю. И случается это не столь уж редко, как кажется, ибо любой даритель оказывает предпочтение тому, кто умеет принимать подарки. Потому-то мы все раздаем детям.

Подобное отношение оправдывается при разделе наследства и образует скрытое основание возникающих вследствие этого пререканий и ссор. Родители непременно хотели бы видеть дельными всех своих детей, но их любовь обращена все-таки к тем из них, которые остаются детьми дольше других. Поэтому они склонны одаривать щедрее всего самого младшего, сея тем самым семена раздора между братьями. Таким образом дельный и бывает уязвлен, как некогда Каин.

Сон. Я как будто слышал чей-то летописный рассказ или увидел распахнувшийся передо мной титульный лист старинной хроники: «Питие по-шведски». Из собравшейся по случаю означенного события толпы жена выволакивает на плечах не выдержавшего испытания мужа. На беду у того завязывается пустячное препирательство с одним из собутыльников, попойка продолжается, но на сей раз все заканчивается гибелью. Холодная механика насилия, куда человек попадает, словно в мясорубку, пытается вырваться из нее, снова затягивается и гибнет. Сцена разыгрывается на рыночной площади; все здания, одежды и лица соответствуют стилю времени, и лишь питье подается из современного пожарного крана с бронзовыми насадками, какие можно видеть на наших улицах.

Замечательным было и пробуждение. Из глубины сна я поднимался наверх, словно сквозь какой-то водоворот, и, задолго до того как вынырнуть на поверхность, слышал за окном рев автомобиля. Находясь в глубине сна, я все же сумел распознать этот звук — подобно тому, кто, живя в иных мирах, не теряет связи и со здешним миром. В тот миг, когда я достиг верха, мое сознание защелкнулось, подобно пружине, и причинная связь восстановилась.

Поездка в Бургдорф, одно из старых гнезд Нижней Саксонии, будто высушенных долгим окуриванием. У садовника прикупил «разбитых сердечек»¹, которые мне очень нравятся. Они были обильно политы, и продавец объяснил это так: им - де нужно «выкупаться». Ремесленники почти всегда говорят лучше людей образованных, которые обращаются со словами, как с разменной монетой. Так от одного незнакомца я на днях получил стихотворение, в котором воспевались «звуки водолазного колокола в глубине» — наглядный пример образа, рожденного из пустоты понятия.

На дороге — молодая ведьма с рыжими волосами. Они бывают светлой и смуглой породы — поразительно, как глубоко и в той и в другой живет дух огня. Складывается впечатление, будто к кострам для сожжения еретиков их притягивало какое-то внутреннее влечение, вероятно, гороскопического характера. Методы порчи скота, впрочем, тоже осовременились: недавно я прочитал, как какую-то старуху осудили за то, что она подбрасывала в чужие хлева зараженную вирусом ящура солому.

¹ Плачущие сердца (*Dicentra spectabilis*).

КИРХХОРСТ, 14 апреля 1939 года

Первый раз в своей новой обители за микроскопом. Когда я разрубил в саду толстый, изрешеченный крупными дырами буковый сук, на колоде остался черный с зеленым металлическим отливом жучок, покрытый длинными волосками: *Xestobium plumbeum*. В своей коллекции я обнаружил лишь его разновидность с красно-бурыми надкрыльями, которая попала мне в сети бороздок валежника среди трав под старыми буками. Ловля живущих в древесине тварей — особое искусство.

КИРХХОРСТ, 16 апреля 1939 года

«Королева змей». Я собираюсь присвоить этому капрично новый заголовок, а именно «На мраморных утесах». Единство красоты, величия и опасности, как мне представляется, проявится в нем еще ярче.

Оторвавшись от работы, я выглянул в окно. По дороге в восточном направлении торопливо двигалась колонна орудий. Все происходило как на войне перед началом крупного сражения. На этих неделях немцы вступили в Богемию, Моравию и Мемель, а итальянцы заняли Албанию. Все признаки указывают скорое на начало войны; потому я пытаюсь внутренне смириться с тем, что

буду вынужден прекратить работу. И это, как назло, в тот самый момент, когда я ощущаю некое просветление, когда начинаю особенно высоко ценить время. Во всяком случае, перу придется бездействовать, исключение составит лишь дневник. Работа будет возложена на глаза, ибо в зрелищах недостатка не будет.

КИРХХОРСТ, 18 апреля 1939 г.

Углублял дорожки в саду. Разрубленные лопатой черви, приплясывая, извиваются — мгновенная вспышка боли, как от прижигания ляписом. Понятно, почему червь — символ боли и почему с ним сравнивают незащитного, страдающего человека. Во-первых, само положение — близость к земле — олицетворяет нечто низменное, лишенное, в отличие от змеи, юрких движений, чешуи и жала. Во-вторых, это голая, безволосая, совершенно незащищенная кожица, слепота и, прежде всего, кривизна, из-за чего все тело превращается в одно сплошное чувствилище.

При виде извивающегося червя всегда испытываешь сочувствие и отвращение, как и в случае свиньи, с которой его сближает сам характер боли. Допускаю, что таким образом происходит расплата за беззаботное существование — червь в тучной земле живет как у Христа за пазухой, свинья же унижается до

положения ненасытной толстомясой утробы, а потому такой оборот в их судьбе можно если и не одобрить, то, во всяком случае, с ним согласиться. Но есть и такие животные, которые страдают весьма возвышенно.

У иных червей, живущих добычей, — например у эррантий и, в особенности, у сагиттов, — имеются чрезвычайно красивые виды, какими мне случалось любоваться на море. Здесь видишь, что образ жизни, а вовсе не кровное родство определяет благородство. Племя червей таит в себе много загадок, и необходим острый глаз, чтобы прочесть их иероглифическое письмо — так, скажем, в них заложено многое из того, что связано с нашей сексуальной природой.

По поводу низменного характера боли добавлю следующее: может быть, грубые мучения тоже выпадают на долю совершенно определенного рода людей? Легко представить, что разные гнусные преступления, как правило, совершаются в отношении таких типов, которые имеют особое отношение к физическому и телесному уровню страданий. Совершенно аналогично тому, как женщины, откровенно возбуждающие сладострастие, обладают наружностью, которая провоцирует свирепого насильника на развратные посягательства. Такой характер страха и боли часто обнаруживается у особ, целиком одержимых стремлением

к сладкому и роскошному удовольствию. Наибольшей опасности подвержены те, кого в народе называют кровососами, а публичные девки притягивают мясников. Голый страх всегда призывает ужасную кару. Тот, кто убегает, словно приглашает к преследованию; а человек, замысливший что-то недоброе, сразу бросается на свою жертву, стоит ему заметить малейшие признаки страха. И потому очень важно при встрече с сомнительного вида личностями (например, если с тобой вдруг заговорили в лесу) соблюдать правила безопасности. Как люди, мы несем на себе некую печать суверенности, сломать такую не просто, если только мы сами ее не повредим. Звери тоже чувствуют ее силу. Следует только, подобно Марию, знать, что ты неприкосновенен.

КИРХХОРСТ, 21 апреля 1939 года

Лесок позади нашего дома называется «Филлекуле» и прежде, по всей видимости, служил участком, на котором зарывали в землю павший скот, ведь *fillen*, давно вышедший из употребления глагол, означает «свежевать» и «сдирать шкуру». Слово это можно было бы использовать там, где в «Мраморных утесах» изображается хижина живодера. Впрочем, и здесь над нечистым местом продолжает витать легкий запах, хотя на нем уже давным-

давно ничего не закапывают. Такая площадка, устраиваемая, как правило, от глаз подальше, почти всегда является неизменным спутником человеческого поселения.

Завершил чтение писем Эразма, подарок астролога Линдемманна. Многие, особенно из написанных в молодости отрывков, пропитаны у него навязчивой цитцероновской эссенцией. Риторический пыл не согревает, а тщеславный восторг речи разрушает элемент общения, который неизменно должен составлять суть письма. Получателю всегда неприятно чувствовать, что автор упражняется на нем в фехтовальных приемах. Однако дальше попадаются весьма красивые описания, наподобие живого изображения Томаса Мора, в чьей домашней обстановке он превозносит господствующую там атмосферу счастья. Всякий, кому довелось в ней пожить, ощущал на себе ее благотворное влияние. В переписке с Лютером обращает на себя внимание различие умов, живущих в рамках порядка, и умов экстраординарных. Эразм сам хорошо его сформулировал в одном из абзацев письма к Цезариусу¹. «Я дошел до последнего рубежа, словно до края моря; изменю ли я себе, коли не стану бросаться в пучину?»

¹ *Иоганн Цезариус* (1468—1550), немецкий гуманист, известный тем, что издал сочинения Плиния Старшего со своими исправлениями.

Разница двух умов заключается также в том, что один из них у последней черты проявляет осмотрительность, а другой без колебаний ее переступает. При взгляде на этих двух фехтовальщиков понимаешь, что Ницше был не прав, сожалея о том, что церковь сама не смогла прийти к сублимации. Историческая система тоже, чтобы выстоять, время от времени обращается в огонь подобно космосу. Иной раз представляешь себе, как династия французских королей могла бы существовать до сегодняшнего дня. Тогда мы жили бы в эпоху утонченно-хрупкого рококо, а вместо техники имели бы окончательно сформировавшуюся *chinoiserie*¹. Однако мировой дух допускает филигранную работу лишь там, где немного мешкает, а рождением изящных вещей мы обязаны тем мгновениям, когда он проявлял забывчивость.

Благие же наставления, которые Эразм адресует Лютеру, таковы, что любой человек дела неизбежно должен ими пренебречь. Когда живешь, с головой погрузившись в бумаги, необходим лисий ум, чтобы выдержать в такой атмосфере. Это хорошо видно на рисунках Дюрера, но еще лучше — на медали Метсиса, где точно схвачено сочетание лисьего ума и могучего характера. Совершенно бесспорны черты высокой духовной силы.

¹ Китайственность (*фр.*).

В этом свете Европа была меньше, и ее столицы располагались ближе друг к другу, нежели сегодня, когда перелетаешь из конца в конец за считанные часы.

КИРХХОРСТ, 22 апреля 1939 года

В почте — письмо от господина Ренье из Парижа. «Donner tout Stendhal pour une seule poésie de Hölderlin. Donneriez-vous une bouteille de Chambertin pour un civet de lièvre? On a besoin de Stendhal comme on a besoin de Hölderlin. Dans l'ordre des nourritures il n'y a pas plus d'hierarchie que dans une vue que le regard découvre d'une montagne»¹.

Этот отрывок из письма находится среди прочих замечаний о «Сердце искателя приключений»², которое, как я вижу, он читал в первой редакции. Он касается сравнительной оценки Стендаля и Гёльдерлина и ясно по-

¹ «Отдать всего Стендаля за одно стихотворение Гёльдерлина. Вы отдали бы бутылку «Шамберте» за рагу из дичи? Мы нуждаемся в Стендале так же, как нуждаемся в Гёльдерлине. В порядке пищи не больше иерархии, чем в том зрелище, которое открывается взгляду на вершине горы» (*фр.*).

² Имеется в виду эссе Э. Юнгера «Сердце искателя приключений». Первая редакция вышла в 1929 г. с подзаголовком «Заметки днем и ночью». Вторая — в 1938 г. в сильно переработанном виде и с новым подзаголовком «Фигуры и каприччо». Рус. пер.: Юнгер Э. Сердце искателя приключений / Пер. с нем. и послесловие А.В. Михайловского. М.: Ad Marginem, 2004.

казывает заблуждение, лежащее в такой рискованной затее. Правда, пока в нас не умерла воля, мы склонны сталкивать знаменитости между собой; в этом суждении, кроме того, чувствуется отголосок настроения, которое было следствием проигранной войны. Поэтому я и не включил этот пассаж во вторую редакцию, которая вышла из печати около года назад.

Но в ту пору он казался мне настоящим украшением книги, удачным фехтовальным уколом. Всегда находятся умы, которые укрепляют нас в наших слабостях, лишь бы только в споре мы были на их стороне; и встречаются они, к сожалению, намного чаще, нежели те, кому удастся высказать весомое суждение по существу дела.

КИРХХОРСТ, 25 апреля 1939 года

Получил по почте свой военный билет, отправленный командованием округа Целле. Так я узнаю, что государство внесло меня в реестр в чине лейтенанта для поручений. Политика в эти недели напоминает время непосредственно перед мировой войной. Чем-то новым является повышенная сентиментальность масс, что резко контрастирует с ужасающей динамикой технических средств. Допускаю, что и то и другое имеет под собой одно и то же основание, и что мно-

гие пребывают во власти иллюзий. Страх во все времена внушало только одно существо — человек, для которого оружие — дополнительный орган и образ мыслей.

Еще пришла открытка от Фридриха Георга¹, в конце недели он собирается приехать из Лайснига².

Утром, когда впервые за много дней погода, наконец, прояснилась, размышлял в саду то о работе над «Мраморными утесами», то о новой напасти, землеройных крысах. С садом дело обстоит как и вообще с жизнью, в которой на всякую выгоду отмеряется и свое лихое. Если почва прекрасно взрыхлена, то и высыхает она быстрее; тот, кто снимает в тропиках десятикратный урожай, получает новую мороку с его продажей. Мы можем рассчитывать лишь на жалкий выигрыш и должны быть этим довольны.

КИРХХОРСТ, 26 апреля 1939 года

Копался в саду, чтобы не ударить в грязь лицом пред братом. Снова посеял горох с красивым названием «Английская сабля» и обез-

¹ *Фридрих Георг Юнгер* (1898—1977), младший брат Эрнста Юнгера, поэт, писатель, философ. В своей лирике ориентировался прежде всего на античность и классический период поэзии, предпочитая форму оды. На русский язык переведены его философские эссе.

² Город в Саксонии, где с 1919 г. жили их родители.

опасил его от воробьев, натянув поверх него старые гардины. Еще раз поохотился у болота на гидрофилий, поскольку намерен некоторые их разновидности закрепить на целлон¹ для изучения нижней поверхности. Участки, на которых пахотный слой почвы на пустоши сглажен и срезан лопатой. На толстом торфе, словно на черном гумне, — колокольчатый вереск и росянка, цветущие травы да молодая березовая поросль. По краям, с еще розовыми нераспустившимися цветами, высокое верескообразное травянистое растение — занесенная к нам, очевидно, из Канады кальмия. На оживленной поверхности — вышедшие на охоту жуки-скакуны, то переливающиеся шелковистой зеленью, то слегка матовые, мшистые. Один экземпляр, пойманный больше ради забавы, оказался разновидностью, носящей название *Connata* — у нее пара светлых пятен соединяется посередине на щитке спины в виде бантика.

«Мраморные утесы». Пока в голову не пришло более подходящего имени для фигуры брата, который сначала выступал у меня под именем Профундус². Но трехсложное слово звучит в предложении слишком уж тяжело. А посему я до поры до времени использовал довольно бесцветное имя Феликс. Быть мо-

¹ Род пластмассы, используемой в энтомологии.

² От лат. *profundus* — глубокий; основательный и т.п.

жет, я решусь-таки на Otto либо Otho¹, что позволит чисто вокалически вписаться в любое выражение.

КИРХХОРСТ, 28 апреля 1939 года

Беспокойная ночь. Сначала мне привиделся Кньеболо², болезненный, меланхоличный и замкнутый. Он протянул мне горсть конфет в чудесных золоченых обертках; их ему якобы подарили на именины целую уйму. Затем я увидел картину жизненного пути, который представлял собой как бы расположенный уступами сад. Там были лабиринты, зеркальные отражения и множество преград, позволявших продвигаться только в одном направлении; а еще ворота, ведущие на волю.

Потом я наблюдал новое флуоресцентное свечение — из золота и лазури. Я встряхивал в плоской вазе кристаллы и шарики, которые озарялись то чистым золотом, то сияющей голубизной, и во время этого покачивания из сосуда доносились легкие раскаты грома.

В кругу прославленных мастеров я представлялся буквоедом.

¹ Под этим именем Фридрих Георг и будет фигурировать в указанном романе.

² Под этим именем выведен персонаж, основным прототипом которого является Гитлер. Kniebolo — причудливое имя, фонетически напоминающее словосочетание «knebelnder Diabolus» — букв. «связывающий дьявол».

В двенадцать часов дня — в комнате Перпетуи у радиоприемника. Перпетуя, Луиза и толстая Ханна сидели на стульях, тогда как я, почти как в Мавритании, возлежал на диване. Затем сажал картофель, причем в этих краях для прокладки борозд используют мотыгу с широкими лопастями и размашистые грабли. Инструмент этот называется Tog (произносится как Toch), что, вероятно, связано с волочением (Ziehen). Пересадила штокрозы. Перекинулся словечком со стекольщиком, при взгляде на которого я — впрочем, впервые в жизни — подумал: «Вот так и ты когда-нибудь будешь выглядеть», — ибо приметы старости сочетались в его облике с симпатичными чертами какого-то детского простодушия. Маленький Александр¹ каждого величает «дядей»: дети пребывают в уверенности, что все люди братья.

Мощную балку амбарных ворот здесь называют Dössel.

КИРХХОРСТ, 29 апреля 1939 года

Перед тем как заснуть, я долго размышлял о голубом цвете, увиденном вчера в плоской вазе. Мне хотелось подобрать ему название, но лишь столкнувшись с невозможностью

¹ Имеется в виду младший сын автора, родившийся в 1934 году.

отыскать хотя бы приблизительное сравнение, я осознал характер того, что тогда лицезрел. Я оказался по ту сторону цветового мира.

Мне снилось, что я прислушивался к разговору крестьян о ландшафте. Один из них произнес: «В лето болото - то ужась как уха-ет», — то есть ужасно, под чем, как мне тотчас же стало ясно, он подразумевал, что острым лемехом плуга слой почвы взрезается до самого основания.

В четыре часа я проснулся и до половины шестого слушал удары церковных часов. Когда мы вот так мним себя бодрствующими, то чаще это все-таки бывает дрема, в которую мы погружены, — так мы состригаем сон.

Из Парижа, от *Herkules*, пришел последний номер «*Crapouillot*», «*Les Bas-Fonds de Paris*»¹ с картинками и описаниями лупанариев, а также с кратким словарем аргю. В нем я обнаружил слово *chialer* (эквивалент «плакать»), что, собственно говоря, должно означать: «*chier des yeux*»². Я выписал себе это словечко в качестве примера того, до какой степени язык может заполняться нечистотами. Слово зачастую насчитывает столько синонимов, сколько оттенков имеется в самом обществе.

¹ «Подонки Парижа» (*фр.*)

² Ассоциативно это можно перевести с французского как «мочиться глазами».

Вечером встретил на автобусной остановке Фридриха Георга.

КИРХХОРСТ, 30 апреля 1939 года

Кафедральные соборы как окаменелости, которые вкраплены в наши города, словно в поздние осадочные отложения. И все же мы очень далеки от того, чтобы по этим массам сделать вывод о той жизненной мощи, которая была заложена в них и которая их создавала. Породившая и наполнявшая их когда-то пестрая жизнь чужда нам сегодня больше, чем аммониты мелового периода; и гораздо проще по костям, найденным в сланцевом руднике, восстановить облик древнего ящера, которому они принадлежали. Можно даже сказать, что нынешним людям эти творения говорят столько же, сколько глухому — формы скрипок или тромбонов.

После полудня в душную погоду с братом на болоте. Разговор о различии нигилизма и анархии. Фридрих Георг усматривает различие, кроме всего прочего, в том, что нигилизм может принимать формы порядка. Вероятно, не будет ошибкой сказать, что внешние принципы организации возрастают в той мере, в какой утрачивается внутренняя гармония. Так, число врачей увеличивается в той пропорции, в какой пропадает целебная сила.

Потом со стороны болота пришла гроза с градом.

КИРХХОРСТ, 1 мая 1939 года

Град нанес серьезный урон растениям; так, с нашего миндального деревца он посбивал весь цвет. Теперь он лежит на земле возле ствола, словно розовая сорочка.

Первый месяц на новом месте. Особенно приятно отсутствие малейшего намека на дискомфорт, настолько он опротивел мне в маленьких новостроечных виллах. Дом выстроен в стиле нижнесаксонского хутора; к жилому помещению вплотную притулился большой амбар с хлевами, которые я со временем намерен заселить животными.

КИРХХОРСТ, 3 мая 1939 года

Поездка в Бургдорф, напару с Фридрихом Георгом. Вдоль дороги — сияюще-желтые цветы одуванчика — львиного зуба. Название этого растения выбрано очень удачно; оно, так же как лев, солярной природы. В деревнях — крепкие дубы, похожие на последние деревья Донара¹. Часто будто пелена спадает с глаз; крестьянские дворы явственно встают передо мной в своем древнем языческом

¹ Громовник, бог грома в германской мифологии.

блеске. Я вглядываюсь в самую глубь, в нетронутое нутро древней родины и верю, что так по смерти мы видим распахнутыми настежь двери отчего дома, и гумно залито торжественным светом.

В Бургдорфе на велосипеде Фридриха Георга сломалась седельная пружина, и мы завернули к молодому кузнецу. Небольшая мастерская, пропахшая железом, была загромождена бесполезными вещами, главным образом развинченными колесами, которые пылились и ржавели по углам. Другие висели на стенах, словно жертвенные дары в храме Вулкана. Когда совершенно безучастно созерцаешь такого рода места, человеческая работа зачастую приобретает странный смысл.

КИРХХОРСТ, 4 мая 1939 года

Поскольку мой кабинет располагался в самой глубине дома, то с помощью Перпетуи и Луизы я оборудовал себе на чердаке отшельническую келью. У меня издавна было пристрастие к пыльным чердакам; они напоминают царство забвения.

Мне кажется, что в необитаемых помещениях накапливается некая материя, некий духовный гумус, из которого сила воображения извлекает богатую пищу. Когда в Юберлингене мне случилось спать в погребе, ко мне в изобилии стекались сны. И совсем уж

нестерпимым оказался натиск видений, когда во время войны я занимал в Души пустующий блиндаж, расположенный среди садов. Я покинул его после первой же ночи. Сюда же можно отнести, пожалуй, и истории о гостях, которые ночуют в запыленных каморках старых замков и видят там призраков. В помещениях, где мы долго живем, эта неведомая сила истощается; они чем-то похожи на культивированную почву. Становится ясно, почему первой ночи и снам в новом доме придают в народе мантическое значение.

КИРХХОРСТ, 6 мая 1939 года

«О боли»¹. Если я буду вносить изменения в эту работы, можно было бы дополнить ее разделом о горечи. Горечи старения, в особенности у женщин, горечи разочарований, о совершенных несправедливостях и неоправданных промахах, наконец, о горечи смерти, которой не избежать никому. Горечь возникает лишь во второй половине жизни, когда вместе с морщинами на лице с роковой неотвратимостью проступают и линии судьбы. Еще она свидетельствует о чем-то вроде потерянной невинности.

¹ Это эссе было написано в 1934 г. и вошло в книгу «Листья и камни» (1934). (Рус. пер. см. в книге: Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000.)

КИРХХОРСТ, 9 мая 1939 года

Погода все еще прохладная и влажная. Сажал капусту и сельдерей.

Влажность как стихия жизни. Напор соков в предвкушении наслаждения: слюнки, которые текут у нас изо рта при виде лакомого кусочка, кипение крови и секреты желез во время любовной игры. Мы буквально налиты соком. Пот и слезы означают, что жизнедеятельность в самых глубоких недрах здоровья еще не угасла. Скверно дела обстоят у того, кто уже больше не может ни потеть, ни плакать. Затем гумидное¹ в духовном, к примеру, сочное, болотистое и лесная свежесть в стихотворении. Прежде всего — набухающее, половодье слов и картин, где плавают твердые корпускулы.

Влажность у Рубенса, особенно в тех местах, где плоть прорисовывается розовым цветом. Там бесподобно все, что изображает радость жизни. У романских народов стихия влажного более скрыта, часто словно бы заключена в раковину. С тем же связан и голод по северной крови или, скорее, жажда ее.

Иного рода свойства сухого. Сладость, аромат. Обращение Ницше к сухому, к пустыне, к златовяленным финикам, от Вагнера к Бизе. Интенсивная жизнь, возникающая

¹ Humidus (лат.) — влажное, сырое; богатое осадками, с обилием отложений.

благодаря настою. Оазисы. Цистерны. Гаремы. Интарсия¹.

КИРХХОРСТ, 10 мая 1939 г.

Столовую свеклу, редис, кустовую фасоль высеял на грядки, а кормовую капусту и брюкву — на опытном участке. Из капусты, помимо обыкновенной, посадил темно-красный сорт, почти с черным отливом — из пристрастия к оптике. Еще у меня будет виться по жердям турецкая фасоль, с красными цветами. Куры тоже должны быть одной, ласкающей глаз породы. Только так можно рассчитывать и на экономический успех. Нужно несколько раз в день ощущать радость, обращаясь к растениям и животным, чтобы налюбоваться их видом, а вечером, перед тем как заснуть, нужно увидеть их мысленно.

Стоит только мужчине добиться одной женщины, как он тотчас же становится смелее и в отношении остальных; успех одновременно распространяется на весь пол.

КИРХХОРСТ, 14 мая 1939 года

Сегодня, во второй половине воскресного дня, меня посетил один читатель двадцати

¹ Вид инкрустации на дереве; фигурное или узорчатое изображение из деревянных пластинок, разнообразных по текстуре и цвету.

трех лет от роду, который служит ефрейтором в Брауншвейге. Мы вместе выпили кофе под сенью буков, а затем отправились на болото. Меня поражает, что всякий, с кем я знакомлюсь таким образом, испытывает страдания, а помочь ему ничем не можешь. Время имеет сходство с опасной тесниной; людям приходится протискиваться сквозь нее. У меня, прежде всего чисто физиогномически, складывается впечатление, что они почти полностью живут в сознании и чересчур много заняты мыслями о положении, в котором находятся. У них проявляются симптомы страха перед экзаменом; к тому же они из породы постоянно бодрствующих людей, и странно, что воля к счастью и к нетореным путям так слабо развита в них. Здесь тебя никогда не покидает чувство, будто ты разговариваешь с бегунами на длинную дистанцию или, что еще безотраднее, с бегуньями на то же безмерное расстояние. Где же мировой дух держит сегодня в резерве своих сновидцев и спящих?

КИРХХОРСТ, 15 мая 1939 года

Темная лилия, что подобно маленькой пальме всходит на краю клумбы с хризантемами. Словно танцовщица — одежды в рискованном повороте, она энергично отбрасывает от себя мутовки своих узких листочков. Я гляжу на это растение и наслаждаюсь блаженством,

которое оно источает своим медленным ростом и близостью к земле. В нем, будто в статуе, сосредоточена чудесная сила. Ему чужда спешка; оно знает, что достигнет созревания в срок.

КИРХХОРСТ, 17 мая 1939 года

С тех пор, как я поселился в мансарде, мне редко случалось увидеть Фридриха Георга раньше полудня. Сегодня после обеда мы говорили о «style imagé», порицаемом Мармотелем¹. Из сказанного по этому поводу Фридрихом Георгом мне больше всего понравилась мысль, что в языке можно различать не только образное письмо и язык понятий — в качестве третьего можно назвать вдохновенный стиль.

Потом о Брейгеле и «Блудном сыне» Босха. Эту картину мы несколько лет тому назад обстоятельно рассмотрели во время аукционных торгов, и уже тогда она произвела на нас обоих неизгладимое впечатление. Седовласый сын, у которого давным-давно ничего не осталось, кроме нищеты, дыр на одежде да бесприютности. Видно, что домой ему уже

¹ Жан-Франсуа Мармотель (1723—1799), французский писатель. Прославился своими трагедиями, комическими операми и философским романом «Белизар» (1766). С 1763 г. член, а с 1783 секретарь Французской Академии; с 1771 г. историограф Франции.

никогда не добратся, и в этом художник превосходит суровость библейского текста. Притон на заднем плане — мир, предстающий в виде балагана фиглярства и надувательства, у стены притона мочится пьяница, а шлюха в окне выставила напоказ свои груди. Давно забыт тот, кто оставил здесь свое наследство, честь и здоровье. Недуг порастил самую сердцевину. Ужасающее воздействие полотна объясняется тем, что вся неудавшаяся жизнь здесь как бы сжата до одного мгновения. По силе такого схватывания с живописью не сравнится ни одно другое искусство.

После захода солнца сажал помидоры. Растения принимаются сразу, не чахнут, если рассаду опускать в жижу из воды, тучного торфа и земли. Этот рецепт порекомендовал мне маклер Бельц из Юберлингена. В нашей школе жизни много учителей, и некоторым из них мы обязаны одним-единственным навыком.

КИРХХОРСТ, 19 мая 1939 года

Свояк заехал за нами на машине, и мы провели весь день в Липпском лесу и у озера Штайнхудер-Меер. В Ребурге¹ мы долго бродили вокруг отчего дома и смотрели на окно мансардной команты, в которой Фридрих Георг и я ютились так много лет, пока не разразилась

¹ В Ребурге семья Юнгеров жила с 1907 года.

война. Видели мы и окно эркера в зале, где мы, когда родители были в отъезде, вчетвером справляли наши первые галантные праздники. Как много воды с той поры утекло!

Проходя мимо деревьев, отчетливо сохранившихся в памяти после стольких лет, я поразился, насколько мало выросли липы и шаровые акации. Стволы плодовых деревьев и буков стали гораздо толще, но всех превзошла плакучая ива. В 1912 году мы посадили у водоема маленький прутик, который теперь разросся до исполинских размеров. Такие различия, конечно, во многом зависят от добротности почвы. Однако яснее всего разница между прошлым и настоящим проявилась в сократившихся расстояниях, которые сохранились в моей памяти как отмеренные пешком отрезки пути. Теперь мы пролетали между этими пунктами за считанные минуты. Но в какие-то мгновения я целиком погружался в старое время, со всех сторон окруженное лабиринтами нового.

В полдень в Бад-Ребурге, в гостинице Тегтмайера, который учился с Фридрихом Георгом в одном классе. За бокалом вина мы предались воспоминаниям. Было приятно видеть, с какой уверенностью тот посреди разговора иногда поднимался со своего места, чтобы поухаживать за другими гостями, и как затем снова усаживался за наш столик с улыбкой, как бы указывающей на то, что от

роли хозяина он опять возвращается к роли старого друга. Мы отметили в нем одну черту, какая весьма подходила б ему, будь он пастором, однако не портила его и как трактирщика. Впрочем, всякое сословие покоится на сакральном фундаменте.

Потом мы пили кофе в миниатюрном замке, в укромной комнатке для пирушек, расположенной в башне, откуда открывался вид на первозданный ландшафт, прорезанный водами, болотами и топями, — дикая местность, по которой проходил Германик. Глубокая меланхолия лежит в ней и горечь.

Потом — в Штаттхагене, где в серной воде кратерного источника мы увидели букеты цветов, которые, не изменив ни формы, ни красок, стоят там уже долгие годы — зрелище, на мой взгляд, удивительное и вместе с тем отталкивающее. Так мог бы сохранять головы поверженных врагов какой-нибудь деспот, чтобы, прохаживаясь по саду, с неустанным постоянством любоваться их видом. В Кирххорст возвращались по автобану. По такой дороге я ехал впервые, меня поразила высокий уровень техники — *machina machinarum*¹.

¹ Совершенная машина (лат.). У английского философа Т. Гоббса этот термин обозначает государство. Скорее всего, Юнгер берет его именно из «Левиафана» (1651), который он в это время обсуждал с К. Шмиттом. См. комм. к записи от 17 июля 1939 года.

В почте — альбом с иллюстрациями Тулуз-Лотрека, к которому приложена открытка от Рене Жанэ. Чтобы в полной мере насладиться этими красками, нужно понимать прелесть увядающих цветов. Здесь есть что-то сатанинское, что особенно отчетливо видно на картине с названием «Au salon»¹, где в гранатово-красных тонах изображен ад похоти. В других работах тот же эффект, но с позитивным оттенком. Например, на картине «Mailcoach»² мимо нас раскаленным снарядом проносится карета, а земля взрывается под копытами чистокровных рысаков. Такие вещи, несомненно, еще долго будут доставлять удовольствие; и все же, созерцая их, замечаешь, как глубоко еще сидит в нас образ XIX столетия.

КИРХХОРСТ, 26 мая 1939 года

Скверное настроение, в общем-то беспочвенное, когда вокруг все цветет. Развесистые кусты золотого дождя, своим роскошным сиянием украшающие сад, служат доказательством тому, что в изобилии нет недостатка. К тому же я каждое утро работаю над «Мраморными утесами». Завершил изображение

¹ В салоне (*фр.*)

² Mail-coach — почтовая (дорожная) карета (запряженная четверкой лошадей) (*англ.*)

патера Филлобиуса. Надеюсь, мне удалось избежать католических клише.

Во второй половине дня — в Бургдорфе, где я всегда охотно бываю. В городе есть какое-то сухое и твердое ядро, которое смогло выстоять во всех перипетиях истории.

Правда, в нем не чувствуется и никакого подъема, высокого полета. Когда я смотрю на эти старые дома, у меня появляется надежда, что человеческий род так скоро не истребится. Ко мне приходит запоздавшее, но неотвратимое понимание того, что в жизни именуется постоянством.

На кладбище, утопающем в цветах. Всегда отрадно видеть играющих там детей, пока их матери хлопочут у могил. На одном из холмиков — кустик плачущих сердец. Он весь усыпан цветами, а потому хорошо подходит для кладбищ. Алые цветы в форме капель, как медальоны, покачиваются в ласковом дыхании ветра. Я задумался о собственном надгробном камне, где должны быть лишь имя да две даты. Думать об этом было приятно.

На обратном пути я сделал привал на небольшой вырубке неподалеку от Байнхорна и на самом солнцепеке присел на дубовый пенек среди полураскрывшихся папоротников, побеги которых еще покрывал коричневый бархат. Настроение немного улучшилось и, как то часто бывает со мной в такие моменты, во мне проснулся тонкий охотник. Еще дорогой

мне без труда попался долгоносик *Magdalis*, который своим названием обязан шипам, расположенным у него на шейном щитке. Вслед за тем я обнаружил под дубовой корой крошечного *Laemophloeus duplicatus*, которого позднее определил под микроскопом не только благодаря двум поясам, украшающим его головку и шейный щиток. Я даже ясно разглядел тоненькую центральную линию, которую можно увидеть не всегда. Потом из заплесневелой древесины дуба я извлек одного *Scolytus intricatus* — да к тому же самца, на что указывала пара тонких волосяных кисточек, торчащих на его лобной части. Напоследок следовало бы еще упомянуть пятнистого *Bitargus*, с которым я впервые свел знакомство минувшим летом в Клостерфорсте между Юберлингеном и Бирнау. Как часто бывает в подобных случаях, он больше не кажется мне редкостью — потому что узнаешь не только животных, но, прежде всего, способ видеть их в великом ребусе природы.

КИРХХОРСТ, 27 мая 1939 года

Постепенное улучшение. В «Мраморных утесах» я, пока временно, заменил название «гадюк-медянок» на «пиковых гадюк», что в зоологическом отношении более двусмысленно. Еще я допускаю, что на мраморных утесах могут обитать коршуны. Наконец, сле-

дует осведомиться о породах крупных собак, чтобы достаточно точно изобразить борьбу во время травли. Встреча собак со змеями видится мне как столкновение крови с одной из ее квинтэссенций — ядом.

После полудня с Фридрихом Георгом в Моормюле, где мы за чашкой кофе брали у шофера уроки вождения, после этого — в Хеессель и по узким проселкам — в леса вокруг Колсхорна. У одного перекрестка мы залюбовались старым дорожным указателем из дубового дерева, похожим на одну из тех сатурнических фигур, какие любит изображать Кубин¹. Здесь я впервые за этот год услышал звонкие переливы иволги в дубовых кронах.

Во время поездки Фридрих Георг, обычно немногословный в том, что касается его работы, объяснил мне структуру своего нового

¹ *Альфред Кубин* (1877—1959), выдающийся австрийский рисовальщик. На раннем этапе творчества входил в мюнхенскую группу экспрессионистов. Выступал также на литературном поприще, сам иллюстрируя свои произведения. Его фантастический роман «Другая сторона» (1909) содержит 52 больших рисунка. В год смерти из печати вышла его автобиография «Демоны и ночные лики». Кубина связывала с Э. Юнгером сердечная дружба, десятилетиями сопровождавшаяся напряженной перепиской. Юнгер ценил в его рисунках их визионерское содержание, их изобразительный язык повествования о распаде и разложении. В 1944 г. Кубин сделал иллюстрации к книге Э. Юнгера «Мюрдун. Письма из Норвегии», которая в 1943 г. была опубликована в Осло.

сочинения «Иллюзии техники»¹. Хромоту Виланда и Гефеста он назвал типичным дефектом. Затем говорили о природе огня, похищенного Прометеем у богов. На очередном изгибе беседы мы принялись обсуждать оргию Дмитрия Карамазова — блистательный и ужасный образец славянской услады. За этим символически маячит отцеубийство. Во время разговора из знойного ельника прямо у нас из-под ног вспорхнула горлица — светлое опахало хвоста, само изящество.

Вечером еще успел удобрить в саду капусту, сельдерей и помидоры. На этот случай годится моя присказка, что в пряностях набиваешь уверенную руку не за один год.

КИРХХОРСТ, 29 мая 1939 года

На Троицу визит из Гослара: мэтр Линдемманн. Разговоры о гороскопах, травах, садах, медицине. Проводив гостя на автобус, мы собрали цветы яснотки, растущие в саду

¹ Речь идет о большом философском эссе Ф.Г. Юнгера, которое впервые было напечатано под измененным названием «О совершенстве техники» в 1944 г., однако тираж сгорел во время бомбежки. Лишь в 1946 г. у Витторио Клостерманна увидело свет первое издание «Совершенства техники». В одном письме брату Э. Юнгер писал, что «Совершенство техники» и «Рабочий» относятся друг к другу, «как негатив и позитив». Рус. пер.: *Юнгер Ф.Г. Совершенство техники* / Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2002.

в изобилии; он порекомендовал добавлять ее в чай. Урожай стоит рядом со мной: глубокая тарелка, доверху наполненная белыми лепестками нежно-зеленого оттенка с четырьмя едва различимыми черными крапинками.

КИРХХОРСТ, 1 июня 1939 года

Старый поваленный дуб возле Гроссхорста. Мы навещаем его душными вечерами и устраиваем там субтильную охоту¹. Жуки-усачи, бархатно-черные с бархатисто-желтыми ленточками иероглифов. В пылу совокупления они блуждают по горячей коре, едва держась на ногах от похоти и солнечного восторга, затем, разъединившись, как бы в раздумье, застывают еще на некоторое время в одной позе и с шумом улетают. Затем — красный *rhymatodes*, пурпурно-ворсистый, которого я до сих пор встречал лишь однажды, в 1915 году в Сен-Леже во Франции. Еще — бупрестида и прекраснейший из них — *chrysobothris*. Бронзовый, с золотистыми впадинками, он расправляет крылья, а под ними оказывается вторая пара, похожая

¹ Так автор обозначает свои энтомологические занятия. Также возможен перевод «утонченная охота». Книга под названием «*Subtile Jagden*» вышла в 1967 г. Выбранные главы в рус. пер.: Юнгер Э. Тонкий охотник. / Пер. с нем. А.В. Михайловского // Лицейское & гимназическое образование, 1999, № 5, с. 88—93.

на сияюще-зеленое шелковое женское белье. Потом я сбился со счета.

КИРХХОРСТ, 4 июня 1939 года

В саду царит сильная засуха. Поэтому после захода солнца мы таскали воду ведрами и лейками. После такой поливной кампании вечером можно спокойно вычеркивать два рабочих часа, когда я обычно привожу в порядок бумаги и пишу письма. И все же время потрачено не впустую. По осени думаю вкопать торф вместе с листвою, чтобы почва лучше держала воду.

С утра — в церкви, где читает проповедь новый пастор из Изернхагена. Во второй половине дня — к Филлекуле. По дороге Фридрих Георг сделал мне второй доклад об «Иллюзиях техники». Вечером я прочитал три его стихотворения с гранок, которые Херберт Штайнер¹ прислал мне из Цюриха. Из них мне больше всего пришлось по душе стихотворение под заглавием «Мать», в нем была какая-то энергия. Фридрих Георг высказался в том смысле, что стихи, в которых чувствуется волнение стихий, ему сегодня больше не удаются, потому что его язык отныне больше об-

¹ *Херберт Штайнер* (1892—1966), издатель литературного журнала «Корона», который играл значительную роль в европейской культуре 1930-х годов.

ращен на изображение неподвижного. Затем беседа о поэтическом образе любовных чар, о Рембо, Родене, об Эрехтейоне на Акрополе. Близость Фридриха Георга с детских лет служит мне огромным утешением.

КИРХХОРСТ, 5 июня 1939 года

В палящий зной мотыжил картофель, чтобы поскорее погибла сорная трава. И все ж эти дни я нахожу гораздо менее изматывающими, нежели духоту в разгар лета на Боденском озере, когда горячий воздух дрожит под стеклянным куполом. Мне даже кажется, что такое тепло стимулирует.

Шатобриан. Людовик XVIII пишет Деканжу о его книгах, что читает их «*un peu en diagonale*»¹. Вийель высказывает следующее мнение о Шатобриане: «Я не ревную к тому, что в нем значительно больше ума, чем во мне. Однако рассудок у меня сильнее, чем у него, тут не ум дает указания рассудку, а наоборот».

Между тем уже само это замечание предполагает наличие ума.

За ужином я потчевал всех шербетом из цветов акации. Фридрих Георг с удовольствием отметил его восточный аромат, добавив, что в охлажденном виде он стал бы, возможно, еще лучше.

¹ «Немного по диагонали» (фр.)

КИРХХОРСТ, 10 июня 1939 года

В сильный зной мы пасынковали высоченную иву, которая росла перед айвовыми и сливовыми деревцами и отнимала у них свет и воздух. Сделать это посоветовал мне сосед Кольсхорн, ныне лежащий при смерти. Мы разговорились о том, насколько глубоко, быть может, его судьба соотносится с судьбой дерева. Затем о мандарине у Дидро, который описывается в похожей связи. Речь идет о том, что способ, каким в Париже совершается отцеубийство, находится в полной гармонии с тем, встает ли китайский мандарин со своего ложа с правой или с левой ноги. Мысль, в своей духовной механике весьма характерная для восемнадцатого столетия, сколь и поучительная в отношении магии, сокрытой в изящных завитках и вычурных фразах.

Изысканное благоухание очищенной ивовой древесины и коры, от которых в жару растекается прохладный запах свежей огуречной мякоти.

КИРХХОРСТ, 11 июня 1939 года

Снова у грессхорстского дуба. В жарком поле беседуем о том, что дарвинизм нанизывает все творение словно на стальной стержень. Фридрих Георг: «Животные в нем похожи на цветы из оцинкованной жести». Шопенгауэр

в своих высказываниях по сравнительной анатомии показал всю ничтожность такого рода попыток еще до их появления. В этом его большая заслуга, по крайней мере, перед думающими людьми. Тем не менее, по законам духовной механики такие теории должны быть пройдены в полном объеме, и при этом принести плоды, ибо внутри себя они остаются истинными. Конечно, на низших, эмпирических ступенях истина более утомительна и связана с более интенсивным движением. На сей счет есть поговорка: дурная голова ногам покою не дает.

На чашку кофе к нам зашел один финский профессор с женой и ребенком и передал мне привет от Магистра из Осло. Он высказал мнение, что осенью Польша, похоже, развалится, хотя это представляется мне не столь уж бесспорным. На примере гостя я уяснил себе положение отдельного ученого, которое нынче оказалось в большой опасности. Оно напоминает положение рабочего у станка. Человек обособился от труда, ставшего автономным, и отныне сам перестает быть незаменимым. Его можно сменить, как механическую деталь, да к тому же результаты, которых он добивается, и даже его достижения, рождаются вне его и инструментуют ход событий больше, нежели если бы они были сцеплены с ним. Незаменимость человека убывает вместе с его оригинальностью,

а с ней — и уважение к нему. Зато надежность таких людей, как Пауль Герхардт¹, напротив, в годы гонений неизмеримо возрастает.

КИРХХОРСТ, 15 июня 1939 года

Закончил Шпенглера. «Всемирная история второго дохристианского тысячелетия», одно из последних его сочинений, в котором все нити очень прочно удерживаются в руках. Что ни говори, а этот автор в своих заблуждениях куда значительнее оппонентов со всеми их истинами. Тайна его языка заключается в том, что он имеет сердце и ему по плечу великие катастрофы. В прозе Шпенглера заключено стремление доходить до последних пределов.

КИРХХОРСТ, 18 июня 1939 года

С субботы на воскресенье — визит Эдмонда² и Арнольта Броннена³. Встреча прошла

¹ *Пауль Герхард* (1607—1676) — один из самых известных немецких авторов протестантских церковных песнопений.

² Под этим именем в дневниках Э. Юнгера фигурирует литературовед *Эдмунд Шультц-старший* (1901—1965), с которым автор познакомился во второй половине 20-х годов, живя в Берлине. Э. Шультц был знатоком творчества Ф.М. Достоевского, и не без его влияния Юнгер в те годы запоем читал русских классиков: Карамзина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого и др.

³ *Арнольд Броннен*, настоящее имя Арнольд Броннер, (1895—1959), австрийский писатель и драматург. Наряду

в приятной атмосфере. Эдмонд не отпускал от себя сына, как две капли воды похожего на покойную мать. То же кроткое, ночное выражение совиных глаз, с тяжелыми, подернутыми белым пушком веками. Чтобы сделать подобное наблюдение, надо все-таки дожить до седины, надо видеть смену поколений.

В почте — письмо от Шторха. Он где-то в Бразилии по двенадцать часов в сутки сушит бананы перед раскаленной печью в компании какого-то негра, а ночами корпит над своими дневниками. Полагает, что вызовет изумление своей работоспособностью. Действительно, есть в нас резервы непознанного свойства. Правду говорит пословица, что вместе с дыханием Господь наделил нас и силой для него. То же касается и лишений.

КИРХХОРСТ, 21 июня 1939 года

«Мраморные утесы». Работа продвигается медленно, потому что я стараюсь довести текст до совершенства, отшлифовать каждое предложение, хотя впечатление, возможно, мало изменилось бы, разрабатывай я неко-

с Б. Брехтом и Ф. Брукнером принадлежал к числу главных авангардистов Берлина 20-х годов. Для его политической позиции характерны метания от крайне левых к крайне правым взглядам, и наоборот. Автор романов, пьес и воспоминаний.

горые отрывки не столь въедливо. К сожале-
нию, мне не хватает раскованности. До-
биваться легкости вдвое труднее, потому что
приходится переделывать уже законченные
места. Это противоречит законам экономии.
Я вспоминаю при этом маленькую статуэтку,
виденную мною в каком-то монастыре Байи¹:
поверх грунтовки она была позолочена и рас-
крашена поверх золота, а не наоборот.

В опусе оживает то целое, которое не
складывается из суммы предложений. Целое
подобно рельсам: читатель словно на кры-
льях проносится над всеми неровностями
и незавершенностями замысла. Оно рождает
в читателе вдохновение — бесценный дар.

КИРХХОРСТ, 25 июня 1939 года

На кофе пожаловал д-р Остерн, прибывший
с Родоса. Мы беседовали о дороге вдоль по-
бережья у Трианды и о долине Родино, еще
памятной мне своей удивительной свеже-
стью. Он считает, что в этом месте находи-
лась риторская школа. Затем о Крите, где
мне хотелось бы провести следующее лето; он
мне очень рекомендовал.

С почтой — дневники Жида² с 1889 по
1939 год, подарок Эркюля.

¹ *Байя* — одна из провинций Бразилии.

² *Андре Жид* (1869—1951), известный французский писа-

КИРХХОРСТ, 3 июля 1939 года

Сад начинает давать по-настоящему хороший урожай. Грядки постепенно освобождаются под повторную высадку.

Во сне я увидел эскадрилью боевых самолетов над вымершим пейзажем, один из них при третьем залпе зенитной батареи, загоревшись, рухнул на землю. Сцена разыгрывалась посреди абсолютно механизированного мира; я созерцал ее со злорадным удовлетворением. Впечатление было более сильным и пронзительным, чем во время мировой войны, потому что нарастала рациональность происходящего. Ничего случайного — самолеты, словно заряженные электричеством, кружили над точно так же стоящим под напряжением миром. Попадание приводило к возникновению смертельного замыкания.

Потом раздольные поля, по которым бежали уборочные машины; управлявшего ими человека было не видно. Лишь по одной стер-

тель, лауреат Нобелевской премии (1947), переводчик (Гёте, Шекспир, Пушкин и др.), автор многочисленных рассказов, романов, пьес, стихов и воспоминаний. Первая его встреча с Э. Юнгером состоялась в 1937 г. Летом 1938 г. Юнгер снова посетил его во время своего очередного пребывания в Париже. В своем дневнике за 1942 г. А. Жид высоко отзывался о первой книге Э. Юнгера «В стальных грозах» и сожалел, что в момент их встречи еще не читал «Садов и дорог», «иначе наша беседа протекала бы совсем по-другому».

не шла огромная борона. Ее тянули запряженные в нее охристого цвета рабы, подгоняемые исполинским надсмотрщиком. Он бил их, пока они не начинали кричать и не падали, потом он бил их, пока они не переставали кричать. Здесь тупое применение силы неприятно сочеталось с тупым страданием, что доводило меня до отчаяния.

Днем, когда я возился в саду, этот сон снова пришел мне на ум. Теперь я посчитал его неким предостережением; я отдавал себе отчет в той ответственности, какую несет с собой такого рода проницательность.

КИРХХОРСТ, 4 июля 1939 года

Во второй половине дня к нам завернул д-р Герстбергер: он живет в Фишерхуде у фрау Рильке. От знатоков я слышал, что его считают одним из самых сильных наших талантов в музыке. Хотя сам я не могу судить об этом, однако нахожу подобное утверждение вполне обоснованным. По внешнему виду можно очень точно увидеть, достиг ли человек высот в своей специальности — если распознать в нем ту часть, которая составляет его особенность. В центре тяжести мы взвешиваем также и скрытый вес. Разговор о Вагнере, Верди, Бизе.

В саду у ограды из рассеянных ветром семян зацвел душистый горошек. Изысканные краски — нежная краснота лосося, кремо-

во-желтая и фиолетовая, словно нанесенная кисточкой на сырой грунт.

КИРХХОРСТ, 7 июля 1939 года

Закончил: Леон Блуа¹, «*La femme pauvre*»². Самый коварный подводный риф в любом романе — соблазн включить в действие собственные рефлексии, а потому самые умные и становятся его жертвой. Здесь прямо-таки россыпи идей для томика эссе.

Блуа представляет собой сдвоенный кристалл из алмаза и нечистот. Наиболее часто употребляется им слово «*ordure*»³. Его герой Маршенуар говорит о себе, что войдет в рай с короной, свитой из человеческого кала. Мадам Шапюи хороша только в качестве тряпки при корыте для обмывания трупов в лепрозории. В каком-то парижском саду, который он описывает, стоит такой смрад, что даже кривоногим дервишем, этим живодером, который убирал павших от чумы

¹ Леон Блуа (1846—1917), французский писатель католического направления. Не добившийся при жизни широкого признания, он тем не менее оказал серьезное влияние на литературу неокатолического модерна (Бернанос, Мориак, Клодель и др.). Э. Юнгера привлекала в нем, прежде всего, не сокрушаемая никакими человеческими падениями вера в Бога.

² «Бедная женщина» (фр.).

³ Грязь, отбросы, мусор; экскременты (фр.).

верблюдов, овладела мания преследования. У мадам Пуло под черной сорочкой — грудь, похожая на вываленный в грязи кусок телятины, который, обоссав мимоходом, за ненужностью бросает даже свора собак. И так до бесконечности.

А между тем эти сцены пересыпаны отточенными и верными сентенциями вроде «La fête de l'homme, c'est de voir mourir ce qui ne paraît pas mortel»¹.

На странице 169 пример того, каких образов следует избегать: «La ligne impérieuse du nez aquilin, dont les ailes battaient continuellement»².

КИРХХОРСТ, 9 июля 1939 года

«Мраморные утесы». Удивительно, как в ходе работы у меня ускользает из виду целое. При вышивании то же самое — внимание поглощено иголкой и стежком; остальная ткань остается вне поля зрения.

«Упаковка» предложений, фрагментами которых я в большинстве случаев свободно владею. Однако мне стоит труда уложить их, словно в некую коробку — по возможности

¹ «Праздник человека состоит в том, чтобы видеть, как умирает то, что не кажется смертным» (фр.)

² «Повелительная линия орлиного носа, крылья которого не престанно бились» (фр.)

экономно и рачительно. В идеальном предложении каждое слово должно обладать той долей акцента и веса, каких оно требует.

КИРХХОРСТ, 17 июля 1939 года

С 13 по 15 июля в гостях у нас был Нигринус¹: нынче он изучает в Гамбурге этнологию. Мы отправились в жаркие сосновые леса в окрестностях Колсхорна и там беседовали о масках, оружии, рыбной ловле, островах Южного полушария и о жизни в каменном веке, которая по праву считается наиболее гармоничной, если уж говорить о потерянном рае. В смысле нарастающего движения модернизм начинается еще с эпохи металлов. И там же лежит перелом, отделяющий сказку от мифа. Я рад, что он занимается этими вещами, и все же он выразил страстное желание видеть скорейшее начало войны.

Мне бросилась в глаза физиогномическая перемена в нем. Пламя жизни, опаляя нас, оставляет на нас метки, похожие на рубцы от ожогов. На щеках, где у детей обычно расположены ямочки, образуются раны, словно от сгоревшего пороха. Глаза, прежде походившие на сверкающие зеркала, обретают тогда остроту, и все же в их глубине таится зверь,

¹ Манфред Швариц (1914—1988), впоследствии редактор передач о культуре на Баварском телевидении.

который должен прыгать через горящие обручи. Человек нередко выходит из жизненного пожара обжегшийся и растерянный, как то довелось мне наблюдать у княгини.

Затем 15 июля прибыл Карл Шмитт¹, однако гости только успели поприветствовать друг друга. В К. Ш. меня издавна поражала какая-то ладность и стройность мысли, которая производила впечатление действительной власти. За бокалом вина она проявляется еще сильнее: тогда он сидит неподвижно, с ярким румянцем на лице, будто некий идол.

Мы перебрали множество тем и коснулись императора Андроника²: на него я вы-

¹ *Карл Шмитт* (1888—1985), крупный немецкий юрист и политический философ. Преподавал право в университетах Бонна (1922), Берлина (1926), Кельна (1933). Противник Веймарской республики и автор знаменитого трактата «Понятие политического» (1927), где вводится различие «друг—враг» как основной принцип политики. В 1933 г. возглавил кафедру права в Берлине, а в 1934 г. выступил с теоретическим оправданием политического убийства Рема. После Второй мировой войны, получив запрет на преподавание, вел тихую жизнь ученого в г. Плеттенберг (Вестфалия). Юнгер и Шмитт впервые встретились в Берлине в 1930 г., их общение и насыщенная переписка продолжались до самой смерти Шмитта в 1985 г.

² *Андроник I Комнин* (ок. 1123—1185), византийский император с 1183 г. Демагогическими речами добившись поддержки народных масс, захватил престол. Проводил разрушительную политику террора по отношению к аристократии, не улучшая при этом положения простого народа. Свергнут знатью Константинополя с помощью народных масс, подвергнут истязаниям и казнен.

шел благодаря Блуа. Долгие годы проправив как тиран, он был, в конце концов, свергнут и попал в лапы византийской черни. Изо дня в день та подвергала его смертельным пыткам, а он в страхе тщился сохранить жизнь и сознание, как оберегают свечу от слишком сильных порывов ветра. Угнетенные, точно рой насекомых, сводили счеты со свергнутым тираном. Последние слова: «О Боже, почто допускаешь ты, чтоб нескончаемо попирали ногами и без того уже сломанный стебель?» Затем увидели, как он поднес ко рту руку, быть может, чтобы отсосать кровь, натекающую туда из раны.

Карл Шмитт симпатичен тем, что, несмотря на свои пятьдесят лет, все еще способен удивляться. Ведь большинство людей весьма скоро начинают воспринимать в жизни новый факт лишь в той мере, в какой он имеет отношение к их системе либо полностью отвечает их интересам. У них атрофировано удовольствие от явления как такового и его многообразия в себе — тот эрос, благодаря которому дух принимает новое впечатление подобно семени.

КИРХХОРСТ, 18 июля 1939 года

Во время эпидемии холеры в Гамбурге слово «гамбуржец» стало употребляться в Германии как ругательство. Тогда же моему отцу случилось услышать в Ганновере, как два

уличных мальчишки кричали вслед какому-то приезжему: «Эй, гамбуржец!» Сей факт произвел на него сильное впечатление.

Странное недовольство при воспоминании о некоторых событиях. Хотелось бы еще раз пережить их; кажется, будто ты позабыл самое главное в том моменте. Быть может, это признак того, что существует некое абсолютное событие, которое переживается в событии эмпирическом лишь отчасти.

Мысль, что в жизненном ландшафте есть некие пещерные входы, сокрытые при свете дня. В сумерках мы вступаем в них и затем идем, потерянные для мира, как гейстербахский монах. Такова преисподняя, таковы безумие, магия, смерть. Ужасно, когда мы видим, как ближние рядом с нами исчезают, скрываются из виду. Когда человеческий голос отзывается эхом, он звучит как-то особенно, в других условиях такой звук не услышишь.

КИРХХОРСТ, 19 июля 1939 года

После купания неспешно идем и беседуем о положении звезд, под влиянием которого находятся эти годы. Люди подобны созданиям, живущим в мутной воде и не знающим своего местонахождения. А ведь более острый глаз разглядел бы их, увидел в них вехи, стоящие в строгом порядке. Быть может, недостаточное понимание обстоятельств является сущест-

венным моментом в механизме истории, ибо влечет за собой слепоту в отношении реальной опасности и тем самым порождает отвагу с ее судьбоносными поступками. Между тем есть знаки, благодаря силе которых ситуация в один миг может проясниться. Они, словно ракеты, вспыхивают в темном предгорье.

Купальня: небольшой пруд в старом глиняном карьере, который лежит по дороге в Лонэ. Округлая поверхность его почти до середины заполонена коричневыми листьями частухи; оводы выписывают над ней причудливые фигуры. Вода глубока и покойна, и с глинистого дна прохладным бульканьем поднимаются кверху пузырьки гнили. Берега вытоптаны пасущейся скотиной; красотки-девушки и другие стрекозы греются в камышах — в алую, пепельно-голубую, черную и зеленую сеточку, а еще бесцветные, с темным бантиком крыльев, они выставляют на солнышко свои тельца, похожие на тонкие яркие побеги бамбука. Ласточки прилетают с крестьянских дворов и, охотясь на поденок, чиркают грудками по воде. Крошечный затон, точно ресницами, опушен камышом и высоким ситником. Даже в нем водится рыба и гостит нойвармбюхенский аист, который знай себе нанизывает лягушек на клюв. Здесь тоже правит Нептун через своих слуг, водяного и того духа, что обитает в источниках. А посему тут царит отрадная свежесть, которую дарит стихия.

КИРХХОРСТ, 23 июля 1939 года

С Фридрихом Георгом, который вчера завершил свою работу о технике, в зоопарке, где был воскресный вход со скидкой. Вид народных масс действует угнетающе, однако не следует забывать, что взираешь на них холодным оком статистики. Отдельный человек всегда значительнее, чем представляется такому взгляду. И часто он подобен зерну, которое в засуху совсем высохло, стало невзрачным, но все же в самой своей сердцевине скрывает зеленый росток. В первую очередь следует думать о том, чтобы, прежде всего, сохранить человека в себе.

Крокодиловый сторож, птица величиной со скворца, подвижная, с очень приятным переливом серого и розового цветов. Если бы земные звери, как мне нередко мнится в часы уныния, все оказались истреблены, они, тем не менее, сохранились бы в неприкосновенности. Они покоятся в Творце, а уничтожается только их видимость. Всякое разрушение отнимает у образов лишь тени.

КИРХХОРСТ, 28 июля 1939 года

Ближе к вечеру я закончил «Мраморные утесы». Мне кажется, что они получились приблизительно такими, как я и задумывал, — за исключением тех мест, где ум излишне пе-

ренапрягался, так что язык оказывался под давлением и кристаллизовался; там он уподобляется потоку, несущему глыбы. Я же добиваюсь того, чтобы в прозе не было колебаний и поворотов, чтобы она была основательной, прочной. Предложения должны входить в сознание, как гладиаторы на арену. Однако здесь одного желанья мало.

КИРХХОРСТ, 9 августа 1939 года

На несколько дней сюда с визитом наведлся Бодо¹, с прежней самоуверенностью, подчас напоминавшей мне манию. Просто поразительно это соединение острого, всегда бодрствующего интеллекта со странной, порой граничащей с чудачеством личностью. С одной стороны, в нем, безусловно, есть гофмановские черты, с другой, он напоминает даровитого кантианца, какие еще попадались лет сто назад. Он выходец из одной

¹ Также Бого или Богумил. Под этими именами в дневниках фигурирует *Фридрих Хильшер* (1902—1990), один из наиболее ярких консервативно-революционных публицистов периода Веймарской республики, противник национал-социализма, автор политико-философской книги «Рейх» (1931). В 1933 г. порвал с евангелической церковью и основал подпольную общину «Свободной церкви», выступив как провозвестник нового религиозного учения с элементами пантеизма. Несмотря на миссионерский пыл Хильшера (особенно в 50-е годы), Юнгер поддерживал с ним переписку до 1980-х годов.

неизвестной мне силезской провинции, но в нем вместе с тем живет и нечто совершенно чужое, тамерлановское, что обнаруживается даже физиогномически. А отсюда, вероятно, и свойственный ему способ мыслить большими пространствами с элементами абстрактной жестокости. Еще ему свойственна приветливость, и я вспоминаю приятные ночи, проведенные вместе за пуншем. Однажды, навестив Бодо в его берлинском жилище, я нашел его в библиотеке за изучением нарисованной им же самим карты огромной империи. Перед окном он рассыпал птичий корм; оттуда вдоль книжных полок вели хитрые цепочки семян, привлекая синиц и зябликов вглубь помещения. Получалось, он как бы сидел в вольере. Две вещи достойны в нем похвалы — во-первых, неподкупное чувство духовной иерархии и, во-вторых, объем его теологических познаний.

Тем временем я продолжаю переписывать набело рукопись «Мраморных утесов». Подготовка предложений — будто выравниваешь рельсы. Сегодня я решил в некоторых случаях отступать от правила, согласно которому при большом количестве подлежащих глагол непременно должен ставиться во множественном числе. Это оказывается излишним там, где подлежащие могут рассматриваться как одно понятие и где их можно словно бы заключить в скобки. «Старая хлеб-соль пом-

нится». Речь идет об одном из пограничных споров между логическим и грамматическим содержанием языка, которые никак не утихнут. Аналогично поступаешь при большом количестве подлежащих, простым перечислением которых желаешь риторически усилить единство. «Муж, супруг, отец имелся здесь в виду!» Здесь характер подлежащего проскальзывает сквозь череду имен и передает последнему скипетр, управляющий предложением. Можно было бы вспомнить в этой связи о бильярдных шарах, когда сила удара передается от одного к другому. И один из грамматических корней тоже, без сомнения, возникает из механики.

КИРХХОРСТ, 10 августа 1939 года

В окрестностях Лонэ, пошли собирать грибы. Однако нашли только небольшое количество боровиков на поляне да один-единственный каштановый гриб в сосновом бору. Разговор при виде мертвого голубя — о голубе, который живет во всех голубях и который никогда не будет растерзан ни одним ястребом. Затем об идее Платона, этом неисчерпаемом источнике разговоров и различий, что длятся уже много сотен лет.

Осень едва заметными приметами уже заявляет о себе, и посему я возобновляю си-баритскую привычку проводить в постели

лишние полчаса за чтением. Сегодня, например, читал «Сирийскую богиню», сочинение Лукиана, подлинность которого (пожалуй, вполне справедливо) подвергается сомнению. Даже в те времена еще многое сохранилось от красочного и пугающего очарования мира Геродота. Так, будучи просвещенным римлянином, уже знавшим о существовании христиан, можно было спокойно смотреть на два громадных фаллоса в переднем дворе храма, где высился бронзовый член Комбабуса¹. Была мантическая практика: на один из этих фаллосов дважды в год забирался человек, как вскарабкиваются на пальмовый ствол, и просиживал там семь дней как в аистинном гнезде. О подлинном смысле этих действий автор, совсем не по-лукиановски, а на манер Геродота, умалчивает.

КИРХХОРСТ, 12 августа 1939 года

Ближе к полудню я завершил переписывание набело «Мраморных утесов» и, снабдив первоначальный текст датой, положил его в шкаф для бумаг. После обеда в облюбованном нами небольшом бургдорфском кафе подробно обсудил с Фридрихом Георгом, как с первым читателем, фигуры новеллы. Сразу

¹ Или: Камбабус — евнух-жрец Кубалы (Кибелы), Великой Матери, в Передней Азии.

же выявились такие черты, о которых я и не задумывался, записывая на бумагу, но теперь они стали для меня очевидными. Так построения отъединяются от автора и продолжают жить своей жизнью в тех местах, о которых ему ничего неизвестно. Однако в языке должно быть что-то недосказанное, должна сохраняться первичная материя, в противном случае все построения скоро поблекнут. Они должны нести с собой землю.

Коснулись мы и политических ауспиций, и Фридрих Георг резюмировал: «Или они запретят книгу в первые же две недели, или не запретят никогда».

КИРХХОРСТ, 16 августа 1939 г.

Сны о поездке в лифте, неприятные, как почти все сны, связанные с техникой. Кроме того, лестницы без перил или внезапно обрывающиеся в хаос бездны. Мир как запутанная архитектура.

Беспорядок мира в иные дни становится почти непреодолимым, так что просто отчаиваешься когда-нибудь обуздать его. Тогда я привожу в порядок письменный стол, белье, садовый инструмент, но делаю все с глубокой внутренней неохотой. Не последнюю роль, видимо, играет сознание того, что все, что бы мы ни создали и ни накопили, обратится в прах. Подобные дни лучше всего проводить

в постели и, конечно же, не начинать в них ничего нового.

С почтой — роман «Aldeia das águias»¹ португальского писателя Гуэдеша де Арморима с посвящением автора, которое я не разобрал.

КИРХХОРСТ, 19 августа 1939 года

Два дня в Гамбурге. Даже когда посещаешь большие города через короткие промежутки времени, в глаза всякий раз бросается нарастание автоматического характера. Примечательно, что в равной степени возрастает ощущение летаргического сна, отсутствия, выпадения из мира. Читаешь это по лицам отдельных людей, наблюдая, как циркулируют массы, с каким видом сидят за рулем машин шоферы. Кажется, что в сущности своей они лишены даже малейшей капли сознания, хотя форма говорит об обратном.

В технике, без сомнения, есть что-то одурманивающее. Достаточно вспомнить о чистой геометрии форм на автобанах — квадратах, окружностях, овалах и прямых, от которых водителю приходится уклоняться, чтобы попросту не заснуть. То же самое касается и ее ритма — быстрых, бравурных и поющих тактов, ее включений и выключений, плав-

¹ «Деревня плутов» (порт.).

ной работы и монотонности одной большой колыбельной песни. Это особенно хорошо видно там, где она воздействует на образное восприятие. Пропаганда с ее черно-белыми схемами и монотонным повторением оказывается не чем иным, как разновидностью техники. Зрители, толпой вытекающие из кинотеатра, похожи на массу очнувшихся ото сна людей, а наполненные механической музыкой помещения чем-то напоминают атмосферу опиумного притона.

Лучше всего полностью автоматизированное состояние передано в новелле «Низвержение в Мальстрем» Э. А. По, которого Гонкуры в своих дневниках давно и справедливо назвали первым автором XX столетия. В них можно четко различить образ действия обоих братьев: один из них, ослепленный жутким зрелищем механицизма, движется в бессознательных рефlekсах, тогда как другой действует вдумчиво, с чувством — и выживает. В этой фигуре По, кроме того, явлена в сконцентрированном виде и ответственность элит, становящихся все малочисленнее.

КИРХХОРСТ, 26 августа 1939 года

В девять часов утра, когда я, еще лежа в постели, изучал Геродота, Луиза принесла наверх приказ о мобилизации, в котором мне предписывалось прибыть к 30-му августа

в Целле. Я совсем не был удивлен, поскольку картина войны изо дня в день вырисовывалась все отчетливее.

После обеда — в Ганновер, где кое-что еще нужно было привести в порядок и завершить, к примеру, приобрести камфару для моих коллекций.

КИРХХОРСТ, 28 августа 1939 года

Во всех странах продолжается мобилизация. Еще, казалось бы, мог появиться *deus ex machina*¹. Но что это могло бы дать? Максимум — отсрочку. Накопилась такая масса противоречий, что разрешить ее можно было только огнем.

ЦЕЛЛЕ, 30 августа 1939 года

Отъезд. Наверху я не без иронии рассмотрел себя в зеркале в лейтенантской форме. Между тем у многих мужчин в Европе, которые даже не помышляли о том, чтоб снова становиться под ружье, дела сегодня складываются, вероятно, аналогичным образом. Что до меня, то подобные вещи я объясняю влиянием Рака в своем гороскопе, благодаря которому я не раз оказывался в прежних состояниях, причем с пользой для себя.

¹ Бог из машины (*лат.*) — театральный термин Античности, означающий внезапное появление спасительных высших сил.

Когда я спустился по лестнице, внизу, в прихожей, мне была вручена телеграмма, подписанная фон Браухичем¹ и возвещавшая о присвоении мне очередного звания капитана. Я воспринял это как знак того, что Арес не утратил ко мне благосклонности.

Перед домом я остановил одну из направлявшихся в Целле машин; она принадлежала двум гамбургским купцам, которые после прерванных торговых операций возвращались из Парижа. Рапорт командиру резервного батальона в гигантской казарме, куда толпами стекались призывники. За трапезой я познакомился с офицерами, большинство из которых имели награды за Мировую войну, среди них были и юристы верховного земельного суда. В городе, чтобы закупить снаряжение. На время устроился в «Песчаной кружке».

ЦЕЛЛЕ, 31 августа 1939 года

Дальнейшие закупки. Надо свыкнуться с мундиром. Ночью, в полусне, я услышал радиоголоса, из которых мне почудилось,

¹ Вальтер фон Браухич (1881—1948), немецкий генерал-фельдмаршал; в 1938 г. был назначен главнокомандующим сухопутными войсками; после возникновения разногласий с Гитлером по поводу стратегического планирования в декабре 1941 г. отправлен в отставку; умер в английском плену.

будто удалось достичь соглашения с Польшей. С мыслью, как мне хотелось бы провести осень в Кирххорсте, я заснул.

ЦЕЛЛЕ, 1 сентября 1939 года

Утром за завтраком кельнер с многозначительным лицом поинтересовался у меня, слышал ли я уже последние известия. Оказывается, мы вступили в Польшу. Весь день в суеде непрерывных дел я собирал дальнейшие новости, которые в целом подтвердили начало войны, в том числе с Францией и Англией. Вечером немногословные донесения, распоряжения, светомаскировка города.

В десять часов я отправился к Замковому мосту на встречу. Старый город, окруженный Люнебургской пустошью, был погружен во мрак, и люди, словно призрачные тени, двигались в минимуме света. Окутанный матово-голубым мерцанием, замок возвышался, словно старый дворец в сказочном городе. Сквозь темноту, подобно невесомым танцорам, на велосипедах скользили люди. И время от времени из заполненного водой рва, окаймлявшего замковый парк, доносились всплески тяжелых карпов. Подобно этим животным восторг тоже порой бросает нас в чужую, более легкую стихию.

Я миновал скамью, на которой сидели две пожилые дамы; одна из них сказала: «Тебе

следует учесть, что при всем при том есть и судьба».

Далее в кафе. В свет, музыку и звон бокалов попадаешь, словно на тайные пиры в пещерах альбов¹. Но и здесь звучат голоса из радиоприемников, сообщающие о бомбежках и вселяющие в людей тревогу.

ЦЕЛЛЕ, 2 сентября 1939 года

Красивая дорога на службу через Французский сад, мимо памятника королеве Каролине Матильде, пасеки и шелководческого хозяйства. Зеленый травяной газон в пору первой осенней прохлады; временами над ним пролетают сороки. Дальше пруд, зеркало которого кое-где колышется от мягких ударов рыбьих плавников, с лебедями и пестрыми утками у берега.

В этом фрагменте мира, где достигнуто подлинное развитие, растения словно обретают сознание, и теперь им остается лишь созреть. И тогда это прорисовывается четким контуром — в спокойном великолении, уверенности и нередко в металлической чеканке жизненной формы. В плоде преобладает пластика, как некогда в цветении — краска и аромат, и теперь это соотношение во всем растении обретает гештальт. Очень красив,

¹ Альб — подземный дух в германской мифологии.

например, тот способ, каким лист начинает набухать у места крепления, прежде чем сорваться с ветки, особенно у платанов и каштанов.

БЛАНКЕНБУРГ, 6 сентября 1939 года

После краткосрочного отпуска снова в Бланкенбурге, где я занимаюсь на курсах. Любая война начинается с учебной подготовки. В Кирххорст я приехал довольно поздно. Мои домашние сидели при свечах в гостиной. В саду зреют фрукты. Виноград тоже уродился на удивление славно для этого северного, болотистого уголка, впрочем, свой вклад внесла и кирпичная стена, которая сберегает про запас каждый солнечный лучик.

В отпускном настроении есть что-то от *paradise lost*¹, поскольку отношения, с которыми мы прежде сталкивались каждый день, сегодня представляются нам какими-то исключительными. Встретившись с чем-то вновь после длительного отсутствия, мы чувствуем, что в его облике появилось нечто призрачное, фантасмагорическое. Жизнь стремится сразу же заполнять пробелы. Со времен Агамемнона материал для трагедии остался неизменным, ее дыхание доносится до нас и теперь, когда мы вернулись в сад,

¹ Утраченного рая (*англ.*).

который покинули когда-то давно. Только цветы и плоды расцветали и зрели без нас.

Б Л А Н К Е Н Б У Р Г, 10 сентября 1939 года

Воскресенье. Почти весь день был занят чтением корректур «Мраморных утесов». Достаточно посмотреть, каких мук стоит найти единственно верное выражение, чтобы понять, насколько Арес враждебен музам. Однако тут мало толку от чрезмерных усилий воли — для нее тяжести, которые вынужден поднимать прозаик, слишком легки, слишком невесомы.

Удивительно, как я закончил эту работу «к сроку». Быть может, существуют инстанции, которые пекутся о том, чтобы к блюдам, которые стряпает время, каждый оказывался к месту со своей приправой. Подобное восприятие для меня чаще всего мучительно, ведь нам не нравится видеть нити, которыми управляется театр марионеток. Власть свободы настолько сильна, что достаточно даже мечты о ней.

Между свободой и судьбой такое же соотношение, как между центробежной силой и гравитацией — как орбита планет образуется игрой противодействующих сил, так, собственно, и человеческая, то есть вертикальная, осанка тоже сводится к этому.

БЛАНКЕНБУРГ, 12 сентября 1939 года

Осень медленно движется вперед. В Бланкенбурге я знакомлюсь с одной из жемчужин среди городов Гарца. Город кажется мне много уютней, чем негостеприимный и беспокойный Гослар. Воздух здесь мягче и почва теплее, как видно уже по растительному покрову. Группы благородных каштанов окаймляют парковые лужайки, которые кругами и полосами пронизывают зеленью местность и, ластясь, приникают к предгорьям. На округлых и вытянутых клумбах с роскошной пышностью разрослась индийская канна с огненно-алыми либо желтыми и пурпурно пламенеющими бутонами на роскошно-зеленых стеблях. Пышность в этом цветке соединяется со строгостью формы, словно отлитой из бронзы. А потому ему место в парках, где вкус совмещен с изобилием. Он представляет собой красу и гордость тропических культур, садов Поля и Виргинии¹.

БЛАНКЕНБУРГ, 17 сентября 1939 года

Второе воскресенье в Бланкенбурге, дождливый день. Ровно в шесть часов меня будит

¹ Персонажи французского писателя Ж.А. Бернардена де Сен-Пьера (1737—1814). В одноименном романе изображается идиллическая жизнь по законам «природы и добродетели».

серебряный звон колоколов; чаще всего я еще с полчаса потом сижу за небольшим секретером в гостиничном номере.

Прелесть ежедневной службы в предгорьях, на стрельбище и в манеже состоит в том, что она отвлекает от мелких неприятностей — таких как, скажем, конъюнктивит, полученный мной от ныряния за рыбой в соленой морской воде и нередко досаждавший мне два последних года. Болезнь можно сравнить со злобным клокотанием в глубине наших грунтовых вод. А посему полезно время от времени осушать источник — что может происходить благодаря соприкосновению со стихиями или же благодаря усилию воли. Такова пресловутая печь Гераклита. Цельс¹, который был невысокого мнения об операциях, высказывал мне порой свое удивление тем, что иной пациент после вмешательства такого рода действительно шел на поправку, и объяснял это произошедшим в результате надреза внутренним перенастроением.

Когда мы попадаем в какой-нибудь новый город, красивые девушки и женщины поначалу порхают вокруг нас, словно виденья. Как же получается, что затем наши помыслы обращаются исключительно к единственной,

¹ Под этим именем фигурирует *Йоханн Хайнрих Паров*, немецко-норвежский врач, с которым Юнгер общался во время своей поездки в Норвегию в 1935 г. (см.: «Мюрдун»).

и часто как раз не самой красивой? Причиной тому, вероятно, какой-то особый взгляд, улыбка, которая, подобно искре, внезапно проскакивает между нами, и вот мы в плену очарования.

БЛАНКЕНБУРГ, 20 сентября 1939 года

Грустный дождливый вечер, только огоньки сигарет мерцают в темноте улиц. Когда после обеда я направлялся на стрельбище, впереди меня упала какая-то пожилая женщина; она рухнула, как подкошенная, лицом вперед. Я проводил ее в садик ближайшего ресторана, где она быстро пришла в себя. Так в бурном море, среди высоких волн, пловцы на мгновение скрываются под водой.

БЛАНКЕНБУРГ, 21 сентября 1939 года

Приснилось, будто я приговорен к смертной казни. Совершенно безнадежное состояние в таких снах намного превосходит жизненную действительность; лежащая в их основе фигура — это фигура человека, который лишился спасения. Не менее глубокий смысл таят в себе экзаменационные сны. Жизнь превращается в одно сплошное испытание, которое нам никогда не выдержать. Каким же счастливым чувствуешь себя, проснувшись! Это, должно быть, первый отблеск Вечного света.

Б Л А Н К Е Н Б У Р Г, 25 сентября 1939 года

Визит незнакомой читательницы. Разговоры с людьми, уже давно интересующимися моей работой, происходят как будто бы в комнатах, которые я собственноручно оклеил обоями и увешал картинами. Довольно толковые суждения во время беседы — например, мысль об ответственности, что сковывает каждый наш шаг, но с появлением *désinvolture*¹ сразу же теряет силу. В противном случае и правда спотыкаешься о каждую соломинку.

Или мысль о пиршестве жизни, чьи блюда способны заметить и распробовать лишь очень немногие. Ведь существуют сорта клевера с глубокими чашечками, нектар из которых доступен только определенному виду пчел.

В целом мне начинает казаться, что женщины выигрывают в интеллекте, и даже более того, что его отношение к уровню мужского

¹ Непринужденность (*фр.*). Юнгер связывал с этим словом особый тип суверенного поведения, для которого характерна радость и продуктивное отношение к изобилию, — то, что автор называет «невинностью власти». В романе «Гелиополис» (1949; рус. пер.: *Юнгер Э. Гелиополис* / Пер. Г.М. Косарик // *Немецкая антиутопия.* / Сост. Ю.И. Архипов. М.: Прогресс, 1992) он дает ему такое описание: «*Désinvolture* — явление более высокого порядка, это непринужденные движения свободного человека в их естественном виде. Их можно наблюдать во время игр, на турнирах, на охоте, на банкетах или бивуаке во время похода, когда до блеска начищается оружие...». *Désinvolture* также посвящена одна из глав эссе «Сердце искателя приключений».

интеллекта изменяется. Это явление свойственно тем, кто включен в мир работы, и хотя в целом оно не может не внушать опасений, но в отдельных случаях его приятно наблюдать. В сущности, речь идет о распаде интеллекта; атомы приходят в движение, высвобожденная энергия расходуется.

БЛАНКЕНБУРГ, 26 сентября 1939 года

Итог трудов скатертью выстилается по сельским угольям. Сегодня, проезжая вдоль Гарца в ставку главного командования, я увидел стройную женщину в голубых брюках и алой косынке, стоящую у бурта на свекольном поле. Она помахала в мою сторону, и в этом жесте мне почудилось, будто в глубине морских вод под невероятным давлением я издали увидел товарища, который указывал мне путь вверх, к свету. Так в демоническом пении бурь часто слышится зов отчизны, и устоять перед ним невозможно.

И вдруг я снова остро почувствовал всю волшебную силу Гарца. И даже линии холмов, протянувшихся вдоль отрогов гор, исполнены таинственности. В недрах покоятся старинные святыни и жертвенные очаги, охваченные поясом пограничных укреплений, а с того края, где начинается равнина, постепенно, подобно кристаллам, вырастают княжеские резиденции и высокие кафедральные

соборы. Меж тем запасы этого рода нужно уметь охватить одним вневременным взглядом. Первозданная сила покоится в горных недрах как залежи золота. Когда возникает людское поселение, всем его постройкам словно передается некоторая толика потаенного блеска. Однако даже самый обширный круг городов, замков, соборов представляет собой лишь аллегория изобилия и неистощимости самой земли. Так обтесываемые для строительства камни подобны небольшой горстке монет из богатого клада слитков; монета чеканится по требованию князей, но время переплавляет ее, возвращая в состояние бесформенного изобилия, в каком покоится богатство земли.

БЛАНКЕНБУРГ, 29 сентября 1939 года

В долинах Гарца. Занимаюсь трассировкой проселочных дорог для моторизованных соединений: нынче они возвращаются из Польши. Проходя мимо одной из здешних лощин по пути из Хоэнгайсса в Ротехютте, я увидел, как от ручья взлетел сарыч, несший в когтях ужа. Эта картина в тихой лесной долине, несмотря на всю свою стремительную мимолетность, врезалась мне в сознание до мельчайших деталей. Застывший мир в миниатюре. Я даже смог разглядеть, как поблескивают серебристые края чешуек на темно-бронзовом теле

змеи. В таких миниатюрах все — вода, воздух и земля — живет какой-то свежей и лишенной боли жизнью, совсем как в старые языческие времена; сказитель зрел их непосредственно, и взор его не был замутнен пеленой понятий.

БЛАНКЕНБУРГ, 4 октября 1939 года

Дальняя тренировочная прогулка верхом до учебного плаца в Хальберштадте, мимо Стеклянного Монаха, в состоянии отрешенности, которое резко контрастировало со строгим распорядком. Так, бурое поле с разостланной на нем соломой я видел будто во сне, словно выброшенный на берег из беспредельности. Зато зеленый луг с розовыми кустами, на которых пламенели плоды шиповника, придвинулся ко мне почти вплотную. Вещи являлись мне будто сквозь линзу, которая то фокусировала изображение, то снова размывала очертания.

Мы не полностью живем во внешнем мире и не полностью в своем теле — но в один прекрасный день части, какими мы обретаемся внутри и снаружи, суммируются.

ХАЛЬБЕРШТАДТ, 5 октября 1939 года

Внезапное откомандирование в Хальберштадт. Когда поздно, валясь с ног от усталости, мы прибываем в какое-то незнакомое место,

да вдобавок еще под дождем, то совершенно неспособны различать цвета предметов. Они кажутся нам серыми, даже безнадежными. В подобных случаях есть только одно лекарство — немедленно отправиться спать.

Зато по пробуждении нам открываются не только краски, но и формы, исполненные какой-то новой силы. Припоминаю, как однажды утром в узоре вытканых на гардине прямоугольников я узрел вдруг мне доселе неведомый этический смысл. Предметы тогда насыщены содержанием — они говорят, едва лишь их касается взор.

Неприятным же является пробуждение незадолго до того, как ты полностью отдохнул, примерно около двух часов ночи. Этот момент особенно неприятен; он похож на мертвую точку перед тем, как маятник снова качнется. Наполеон поэтому восхвалял «отвагу-двух-часов-утра». Этого часа также боялись в монастырях и скитах Фиваиды; в этот час уныние овладевало монахом особенно сильно. Сей род печали справедливо почитался грехом, ибо она открывала дорогу злым силам. Вот почему боятся меланхолии; она пристает к человеку, как липовый листок к телу Зигфрида. В точке высшей силы мы почти неуязвимы; даже пули будто бы особыми путями настигают нас. В Исландии матери перед битвой ошупывали тела воинов и чувствовали, где уязвимое место.

КИРХХОРСТ, 8 октября 1939 года

Вновь перемещение, на сей раз в Ботфельд к «73-м»¹, где я завтра встану в строй. А до тех пор я провожу время во дворе, в саду и в обществе Перпетуи. Деревья усыпаны красивыми и тяжелыми фруктами.

К вопросу об астрологии. В течение жизни мы постоянно сталкиваемся с Той, которая уводит нас от предначертанного пути и неотступно сопровождает нас, хотим мы того или нет. Прочие встречи, напротив, лишь вспыхивают, подобно кометам или метеорам; и на всем, что в дальнейшем дарует Эрос, чувствуется влияние Повелительницы. А потому верность, в сущности, тоже не зависит от нашей воли; на нас воздействует скорее сила тяжести, нежели добродетель. О том же говорит и пример разведенных супругов, которые снова и снова мысленно вращаются вокруг друг друга — и даже их ненависть словно стоит под знаком Той большой встречи.

БОТФЕЛЬД, 10 октября 1939 года

На Фаренвальдской пустоши. Рысью через канавы, так что высокий острый камыш сечет по седлу. Свежесть великолепного утра, ког-

¹ Имеется в виду «Ганновер 73» («Гибралтар») — фузилерский принца Альбрехта Прусского полк. В этом полку в 1914 г. начал свою службу 19-летний доброволец Эрнст Юнгер.

да глаз схватывает брызжащие во все стороны капли влаги и видит их блеск в лучах холодного солнца.

Война похожа на Левиафана, только несколько чешуек или плавник которого видны на поверхности — субстанция слишком массивна для того, чтобы постичь ее взглядом, и потому нарастает ощущение нереальности. Люди замечают движение больших масс в непосредственной близости, не понимая их цели и направления; хотя они, возможно, и догадываются, что под оболочкой этих дней сокрыты иные вещи — зрелища нового и неизведанного свойства. Поэтому бывает и так, что они лишаются защиты, ибо не ведают, каким будет следующий ход судьбы.

КИРХХОРСТ, 17 октября 1939 года

Два или три раза в неделю я на велосипеде езжу из Ботфельда в Кирххорст. Меня поражает, что путь становится тем короче, чем чаще я его проделываю, — видимо, это происходит оттого, что ум членит его и разделяет на несколько коротких отрезков, благодаря чему создается впечатление, что целое преодолевается быстрее.

БЕЛЗЕН, 3 ноября 1939 года

Только что я вступил в должность командира второй роты 287-го полка на учебном плацу

Бергена, откуда мы, как я слышал, выступим уже послезавтра с неизвестной целью.

Прощание с Перпетуей — в одной из тех заставленных мебелью мещанских комнат 1905 года, какие еще хранят уют и приветливость. То, что мы зовем романтизмом, существует во все времена и похоже на тень, следующую за стрелкой, которая неумолимо указывает на цифры. Громко тикающие часы, чего я терпеть не могу, когда засыпаю. Здесь же они заставляли бодрствовать сознание, которое теперь наслаждалось дремотой из своей перспективы. Так какой-то момент ночи, отмеренный на точных весах, растягивается до бесконечности.

Приходит на ум, что каждый человек является универсумом. Так в наших ближних, в наших родителях, братьях, женах, после прожитых вместе лет и десятилетий, вдруг открывается какая-то новая, неизвестная глубина. Правда, чтобы увидеть ее, мы должны измениться и сами — тогда, возможно, в серой массе людей, населяющих большие города, мы обнаружим сокровища, как в неизвестных рудниках Перу. Тот, кому оказалось бы это по силам, провел бы мобилизацию в высших формах.

ПОД ГРЕФФЕРНОМ, 11 ноября 1939 года

6 ноября в два часа утра мы покидали Берген. Мрачная суэта, обычная при погрузке, стала

для меня первым прикосновением к порядку вещей, рождающемуся из Мировой войны. Меня точно охватил трепет, пронзил луч холодной демонической деятельности, особенно при лязге молотов и цепей, потрясшем ледяной воздух. Дыхание белыми облачками, похожими на кусочки ваты, вырывалось из ртов людей и ноздрей животных. Вдруг лошадь, впряженная в полевую кухню, так испуганно понесла, что во все стороны брызнули искры. Моментально образовалась черная группа людей: они высвободили лошадь и сами впряглись впереди — эдакие муравьи, спасающие свое добро и своих сородичей. В подобные мгновения несколько острее видишь, как много инстинктивного в жизни.

Мысль: рои тусклых однодневок, телами которых вселенский мастеровой смазывает оси. Они прилипают к холодному железу.

В купе, куда мой новый ординарец Рэм приносит для меня пару одеял. У него хорошая выправка — выправка человека, прошедшего суровую и напряженную подготовку. Когда я обращаюсь к нему, его подбородок, — он спешит проверить, на месте ли шейный платок, — морщится складками, а черты лица окаменевают. Пальцы рук смотрят строго вниз, ладони плотно прижаты к телу, не образуя «ласточкиных гнезд», как бывает тогда, когда дисциплина утрачивает свою свежесть. В течение следующих суток

он с определенными интервалами появляется с кофе, горячей едой и хлебом. Точно так же выглядят ротный старшина и командир отделения управления роты; оба производят хорошее впечатление. Отделение управления роты, новый для Мировой войны орган, приятно облегчает воплощение приказов в действия.

Вместе со мной в купе едет Спинелли, моя правая рука, единственный ротный офицер¹. Он излучает уверенность, в таком американском духе, сродни тем молодым киногероям, которые превосходно справляются со всеми опасными испытаниями, выпавшими на их долю. Я наблюдаю, как он отдает различные распоряжения, касающиеся его взвода, а также его собственных удобств; при этом он явно чувствует себя в родной стихии. Прежде всего, он мне симпатичен.

Во сне, за завтраком, в беседе или чтении, мы пересекаем Германию в западном направлении. Иногда нам выдают еду, иногда перед окнами появляются молодые девушки с чаем и кофе. Таким образом, следующей ночью в два часа мы прибываем в Пфюрцхайм.

Узкий серп луны и Орион мерцают в серебристых рельсах. Пока мы дожидаемся приказов, внезапно выкристаллизовывается

¹ Под этим именем в дневниках фигурирует капитан *Рудольф Шпор* (род. 1914 г.).

мысль: как бесконечно далеки миры неподвижных звезд от обитаемых пространств — в момент смерти мы уносимся за их пределы. Бывают секунды, когда наш дух преодолевает расстояния в световые годы, перед бездной которых он приходит в ужас. Его ожидают неслыханные перелеты. Приключения на этой земле — всего лишь символы последнего, величайшего приключения; они разыгрываются в прибрежных полосах темного, ледящего кровь величия.

Наконец нам поступает распоряжение, в соответствии с которым мы маршем направляемся в Хефен на Энце, куда и прибываем под утро. Личный состав роты распределен по домам и подворьям, а я со Спинелли поселяюсь в красивом имении на откосе, где фрау Коммерелл угощает нас завтраком. Пределно усталые, мы укладываемся на мягких постелях, из которых менее чем через час нас поднимает ординарец. Спинелли согласно приказу должен немедленно вести передовую группу к Западному валу, а в мое подчинение поступают три мотострелковые роты, которые за ночь должны пересечь Шварцвальд. Время прошло в распоряжениях и приготовлениях, и только поздним вечером мне представился случай немного передохнуть. Так, в качестве награды получаешь сон. У Коммереллов на ужин подают форель, благодаря искусству кухарки вываренную до светлой го-

лубизны и с выдумкой сервированную, будто, распустив плавники веером, она изогнулась в воде. После трапезы — на диване за бокалом бургундского; беседа с хозяином дома, речь идет о грибах, в частности о звездовиках и подземных грибах, встречающихся в переплетеньях корней лишь определенных деревьев. Всегда отрадно, когда человек помимо своей профессии еще и в совершенстве владеет какой-нибудь темой, которая ему интересна, — это дает представление о роскоши этого мира. «Унаследованное богатство обязывало меня к особенно тщательным исследованиям», — примерно так сказано где-то у По.

После полуночи, разбуженный Рэмом, я нашел внизу хлеб и термос, наполненный кофе. В два часа выступили. Сразу за чертой города, в направлении Добеля, предстоял значительный подъем. Несмотря на то что были предприняты все надлежащие меры предосторожности, в частности на подковы привинчены шипы и назначены группы толкателей, привыкшие к низменности лошади сразу же покрываются потом. Они фыркают, и, несмотря на теплый сухой ветер, дующий в долинах, от них исходит пар. Я приказываю почаще останавливаться, укутывать их и время от времени поить, внимательно следя за тем, чтобы на поверхности воды плавала мелкая соломенная сечка, дабы животные не слишком торопливо утоляли жажду. Возницы

вынуждены спешиваться, их напарники подкладывают сзади под колеса толстые палки, чтобы повозка не откатывалась назад и не тянула животных. Ночь протекает в передышках и переходах. В стороне Херренальба начинается заниматься день — скалы вздымаются там отвесно, словно высоченные серые трубы органа, и увенчаны они медно-красным буквым лесом. Я приказываю перестроиться и расчехлить пулеметы.

Между тем пришло время располагаться на постой, кроме того, в месте расквартирования следует организовать противовоздушную оборону. И потому я верхом отправляюсь дальше, в Гернсбах. По дороге меня обгоняет автомобиль командира дивизии, генерала Фирова, с которым я знакоюсь и докладываю обстановку. Он выражает недовольство состоянием лошадей, затем, однако, сменив гнев на милость, вспоминает, что командовал в Вюнсдорфе учебной ротой, когда я работал там в комиссии по разработке военного устава¹. Сейчас я пока живу за счет старых заслуг, сознавая, что было бы неплохо поднакопить новых. Как ученики мы не име-

¹ Речь идет о 1920—1922 годах, когда 25-летний офицер Юнгер переезжает в Берлин и одновременно со службой в рейхсвере публикует вскоре ставший знаменитым дневник «В стальных грозах» (рус. пер.: *Юнгер Э. В стальных грозах* / Пер. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. Пред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Владимир Даль, 2000).

ем права стариться, нам всегда должно быть шестнадцать.

В Гернсбахе день протекает как предыдущий. Мы с Рэмом квартируем у одного врача. Глядя на его супругу, очень приятную женщину, у меня складывается впечатление, что однажды я уже видел ее — ощущение, пожалуй, относящееся скорее к внешнему облику, чем к личности. Позднее, несмотря на крайнюю усталость, беспокойный сон с водоворотом сновидений. Я услышал, как кто-то кричит: «Пустота устраивает бал-маскарад», — и ответил ему: «Тогда подрумянься». Проснувшись, вижу, что проспал уже лишний час, а Рэм, который должен был разбудить меня, спит, тяжело дыша, словно в беспомощности.

При выступлении в узком ущелье образовывается затор, укравший уйму времени. На выходе правая пристяжная срывается в пропасть. Мы продвигаемся маршем через Лихтенталь, Мальбах и Нойвайер по направлению к Штайнбаху, местечку на Рейнской равнине. Здесь оживают все краски — а в кукурузных початках под дождевыми навесами они прямо-таки сверкают желтыми и красными огнями в окаймлении нежно вывернутых листьев. Их вид вселяет чувство изобилия, подобно колосьям пшеницы, какие видел Гулливер в стране великанов. Рядом с ними коричневыми охапками сушатся табачные листья.

В Штайнбахе — как раз время обеда, затем я отправляюсь дальше, к Западному валу, чтобы принять свой участок. Смеркается и начинается дождь прежде, чем я нахожу бункер, где под навесом из листвы меня встречает капитан Цинк. На столе, по которому барабанят капли дождя, он передает в мое ведение систему бастioned, огневая мощь которых может сдержать наступление целой дивизии.

После полуночи, промокнув до нитки, прибывает отряд. Командиры разводят отделения по укреплениям. Я вместе с группой управления роты направляюсь в свой бункер, вмещающий двадцать нар, и, поскольку заснуть в таких условиях тяжело, пытаюсь осмотреться в новой обстановке. Здесь как-то холоднее, неуютнее, чем в блиндажах Мировой войны — уже потому, что в ту пору тебя окружали дерево и земля, тогда как сейчас их место заняли бетон и железо. Архитектура тяжелая и приземистая, точно рассчитанная на черепа, кроме того, стальные стопудовые двери, защелкивающиеся герметически, рожают чувство, будто ты втиснут в негорючий шкаф. Стил мрачный, подземельный, сочетающий вулканическую стихию с грубой первобытностью циклопов. Сразу у входа стоит горшок с известковой жидкостью, вероятно, против ожогов от отравляющих веществ. Воздух, теплый и маслянистый, оседает вла-

гой на стенах; он пахнет резиной, пламенем каменного угля и ржавчиной. Поскольку он быстро портится, каждый сменяющийся часовой еще четверть часа должен крутить рукоятку огромного вытяжного вентилятора, который через фильтры нагнетает свежий воздух. Между тем слышно, как спящие бормочут во сне и как хлопает крышка ящика, за которым сидит дежурный телефонист. Он отвечает: «Командир холодильной камеры слушает», — когда его вызывает какой-нибудь из моих взводов: «Клара», «Сирень» и «Лимбург». А самое крупное из подчиненных мне оборонительных сооружений, «Альказар», в рапортах именуется «Мухомором», батальон — «Сумерками», а полк — «Адонисом». Эта тарабарщина неплохо вяжется с архитектурой. К сказанному стоит добавить, что я откомандирован в часть недавно. Задание обрушилось на меня в виде шарады, из которой я для начала должен составить осмысленный текст.

ПОД ГРЕФФЕРНОМ, 15 ноября 1939 года

Появляются французы, но мы в них не стреляем, и они в нас тоже. Между укреплениями и рвами пахнут землю крестьяне и собирают урожай свеклы. По дороге в Раштатт, проходящей рядом с моим бункером, катят автомобили — вероятно, с коммивояжерами, а порой и с любовной парочкой.

Это одновременное сосуществование и смешение сфер напоминает оптику сновидений и вообще характерно для нашего мира: так опасные черты вырисовываются еще четче. Пространства и их настроения пересекаются, словно в кинофильмах.

Вечером я был гостем на так называемой вилле «Золотой фазан», где со своим взводом обосновался Спинелли. Подавали суп, жаркое, овощи и даже пудинг, а также пиво и вино. В итоге мы отменно попиrowали в небольшой деревянной хижине, где единственным геральдическим украшением голых стен был ряд стальных касок, выстроенный на карнизе. Спинелли принадлежит к тем людям, которые сразу умеют извлечь пользу из любой новой обстановки.

ПОД ГРЕФФЕРНОМ, 18 ноября 1939 года

С позавчерашнего дня — подъем уровня воды. Рейн с невероятной скоростью устремляется на простор. Поток несет с собой доски, бутылки, канистры, мертвых животных. Там, где он достигает проволочного заграждения, поясами оседает мелкая водоросль, и на ее нежно-зеленой поверхности россыпью серебрятся мелкие пузырьки воздуха. Это американская азолла, причисляемая к водяным папоротникам и в некоторых местах дико разросшаяся у нас в большом количестве.

В естественных условиях я встречаю ее в Германии впервые.

Иногда вниз по течению плывут понтоны и фрагменты мостов, что вызывает шквальный огонь с обоих берегов. Тогда обнаруживаешь, что вся местность буквально нашпигована оружием. И если на земле ты еще смеешь показываться без опаски, то вода и воздух уже под запретом.

Некоторые бункеры, расположенные у самой противопаводковой дамбы, почти отрезаны и им грозит затопление, если вода, паче чаяния, поднимется выше. Поэтому я держу наготове надувные плоты и резиновые лодки. Кроме того, саперы возводят мостки, которые, правда, имеют тот недостаток, что просматриваются с другого берега. А потому их маскируют камышом. Я пользуюсь удобным случаем, чтобы на складе инженерных войск заказать для себя пиленный лесоматериал, поскольку решил соорудить себе в качестве уединенного прибежища небольшую хижину. Надо устраиваться.

ПОД ГРЕФФЕРНОМ, 22 ноября 1939 года

Наводнение достигло наивысшей точки и идет на убыль. Обходя позиции, я могу наблюдать множество птиц, например цаплю, которая ловит рыбу на галечной отмели близ греффернской таможни. В сумерках из поло-

сы ольховых деревьев в таком несметном количестве появляются фазаны, что иные луга становятся похожими на густозаселенный птичий двор. Голубой зимородок. Когда видишь, как из зарослей пожелтелого камыша, сверкая, стаями вспархивают пичуги, тогда пытаешься найти ответ на вопрос, почему посреди этого хмурого пейзажа природа украшена, подобно драгоценному камню. Ученые обнаруживают реликты из ледникового периода — быть может, таковые существуют и из периода сказочного.

КАРЛСРУЭ, 28 ноября 1939 года

Вот уже несколько дней здесь, в Карлсруэ, я прохожу краткосрочные курсы, разместился в «Райхсхофе», гостинице у вокзала. Спать в настоящей постели после времени, проведенного в бункере, очень приятно, великое наслаждение. Хотелось бы его контролировать, чтобы растянуть время. Я обустроивал жизнь в каком-то городе и выпустил распоряжение: «Чтобы из разноцветных церковных свечей в знак траура могли б жечься все, только не красные».

Эпоха Гесиода, пока боги не спрятали пищу, и является христианским раем. Первые люди жили в изобилии, в окружении стихий, и после смерти мы возвращаемся к ним. Экономика, мораль, техника, индустрия, меж

тем, отдалились от стихий и теперь лежат на них более или менее изнурительным бременем. То, что солнце посреди холода Вселенной веками расточает свой жар, объясняется тем, что оно живет в стихиях. В каждом чуде, впрочем, имеет место обращение к стихиям. В каждом исцелении тоже.

КАРАСРУЭ, 2 декабря 1939 года

Выхожу на площадь — чудесная утренняя заря. Золотистые облака на зеленом фоне. Западный край небосвода холодный, бледно-зеленый. Большие строения еще погружены в тишину и безлюдны. При таком освещении они кажутся более высокими, более четкими, кроме того, вырисовывается их призрачный план, намекая на то, что возводились они не только для человека.

По вечерам — затемнение. Выставки в витринах магазинов освещены крошечными источниками света, и предметы в них словно фосфоресцируют. Вид их рождает ощущение драгоценностей — понимаешь, что в них скорее важна идея товара, нежели сам товар.

Начал: письма Геббеля¹, чтение, которое наряду с его дневниками уже не один раз

¹ *Кристиан Фридрих Геббель* (1813—1863), выдающийся немецкий драматург и писатель. Много путешествовал, два года провел в Дании, два года в Италии, потом осел в Вене, где работал для императорского придворного театра, пери-

поддерживало меня в жизни и придавало силы. На нас всегда благотворное воздействие оказывает знание того, что кто-то до нас уже находился на этой галере и держал себя на ней достойно.

ПОД ГРЕФФЕРНОМ, 4 декабря 1939 года

Опять в расположении части. Под вечер прибыл большой спальный мешок, заказанный для меня Спинелли. Он обтянут алым шелком, так что я лежу в бункере, точно китайский мандарин в парадном наряде.

ПОД ГРЕФФЕРНОМ, 8 декабря 1939 года

Вечером из растянутого в непосредственной близости к Рейну проволочного заграждения был приведен какой-то шалопай, лет эдак пятнадцати. Он сидел там, как дрозд в силках. Представ передо мной в изорванной одежде, он поведал, что-де удрал из Пфюрцхайма, «чтобы посмотреть на укрепления». Поскольку парнишка производил безобидное впечатление, я велел накормить его в нашей небольшой столовой и предоставить ему нары в бункере. Потом за ним явились два

одически совершая поездки в Веймар, Париж и Лондон. Его «Дневники» (1835—1863) полны самокритики и отражают интеллектуальные споры девятнадцатого века. Один из постоянных спутников читателя Эрнста Юнгера.

жандарма, значительно более свирепые, нежели мы, солдаты. Они обыскали его карманы и отстегнули подтяжки. Когда они с ним удалялись, один из них еще раз обернулся ко мне: «Ну и хорош гусь, ушлый ловкач».

Нюх полицейских отменно натренирован на худшее в нас. И оттого они чаще всего, к сожалению, оказываются правы.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

17 декабря 1939 года

Известие о смерти д-ра Остерна глубоко меня опечалило. Такие натуры время больше не производит, либо оно их больше не формирует. Из Цвикледта Кубин прислал мне томик рассказов.

Ночью — легкий снегопад. Я въехал в свою новую хижину, которая приятно пахнет свежеструганными досками. Стены укреплены фашинской кладкой, потолок сложен из камыша, который, после того, как насмотришься в бункере на бетон, очень приятно и тепло видеть.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

25 декабря 1939 года

В сочельник сначала обход всех бункеров, затем совместный ужин с группой управления роты — фазаны подвешены для созревания

на нашем складе боеприпасов, одновременно служащим и кладовой для дичи.

Нынче утром прогулка по покрытому инеем берегу Черного ручья. Воспоминания о прежних рождественских праздниках. Есть только одно, что никогда нас не покинет — жизненное настроение, неизменное с первого проблеска сознания. Оно всегда возвращается подобно мелодии, и такты ее продолжают звучать даже на идущем ко дну корабле.

Хищная птица взлетела с черного тополя, потом опустилась на пашню и в неловкой, геральдически оцепенелой позе поскакала прочь. Когда я последовал за ней, она собралась было перемахнуть Черный ручей, однако, подлетев, свалилась в воду и, усердно барахтаясь, снова выбралась на высокий берег. Приблизившись, я увидел, что у нее прострелено левое крыло; кровь суриковыми каплями стекала на снег. Птица, не отрываясь, смотрела на меня желтыми глазами, прямым, холодным и абсолютно несломленным взглядом. Решив не притрагиваться к ней, я долго смотрел на нее и оставил одну в зарослях.

Мысль: «Коль скоро ты ее не коснулся, она, возможно, и уцелеет».

После того — перед распятием. Холодно с тернового венца длинными серебристыми нитями свисал иней. Над глазами серебром распушились ресницы, едва заметно подрагивавшие в легком дыхании воздуха.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,
26 декабря 1939 года

От египтологии я, прежде всего, ожидаю разъяснения перехода от рисунков к буквам — здесь таится исходный момент различия между древним и новым миром. Геродот потому и является источником первостепенной важности, что в нем живы и те, и другие. Греки и персы. Цезарь и Клеопатра. Запад и Восток. Византийское иконоборчество. Китайцы как составная часть древнего мира. Наполеон, когда он считает окна¹. Буквам тоже присуще стремление переформироваться обратно в рисунки, например в повороте к орнаменту. В этой попытке они, как в мечетях, приобретают какую-то скованность — подобно тому, кто рассказывает выдуманные сны.

Вот сейчас возле меня в камышовой хижине находится маленькая кошечка. Ее дыхание зримыми облачками поднимается в холодном воздухе, смешиваясь с моим, а затем, подобно животворному Духу, входит обратно, как будто существует общий источник, вдувающий в нас жизнь. В то время как я делаю эту запись, она запрыгивает ко мне на стол и лапкой выбивает из рук перо. Маленькая подлиза.

¹ Юнгер имеет в виду странную привычку Наполеона I, проходя или проезжая по улице, попарно считать окна домов.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

27 декабря 1939 года

Мороз, туман и безветренный воздух создали столько волшебных творений, каких в таком изобилии мне еще никогда не случалось видеть. Деревья и кусты до самых кончиков покрылись кристаллами, подобно веткам, погруженным в маточный раствор. Застывшие в изящных позах, они безмолвно и чудесно выступали мне навстречу, когда нынче утром шагал я к укреплению Альказар. Они выплывали из плотного, влажного от снега тумана, зачастую трудноразличимые, словно белые вензеля орнамента, оставленного на серой пластинке адским камнем. Но потом глаз схватывал их сразу все вместе, будто одаренный новым искусством видения. Законы кристаллического мира в целом сочетались с картиной ландшафта, да так хорошо, что оба, казалось, сразу проникали в сознание. Между тем чеканке подверглись даже мельчайшие формы — так, утром поверх примороженного снега еще высыпал мелкий град и нарисовал узор на кристаллической поверхности, — ирисовый покров, затканый звездами.

Вода ручьев черно и безжизненно струилась по этому светлomu миру. Вид ее напомнил мне о моем давнем замысле поработать над «Черным и Белым». А это гораздо сложнее, нежели трактовать о цветах, и оттого

это сочинение представляется мне вершиной мастерства, для достижения которой у меня пока недостает инструмента.

КИРХХОРСТ, 1 января 1940 года

Отпуск в Кирххорсте. Мансарда уже несет на себе отпечаток необжитости; как же быстро выветривается жилой дух. Вчера, в канун Нового года, на огонек зашел Мартин фон Каттэ¹. Он поведал некоторые детали Польской кампании, которые в иное время, пожалуй, меня б захватили, однако наша способность восприятия событий ограничена. Кроме того, все вещи, о которых мне приходилось читать и слышать с того берега Вислы, уже давно казались мне лишенными какого-либо исторического значения, словно происходили они в туманных странах с размытыми очертаниями. У меня никогда не было иного представления о дворце Этцеля, за исключением хаотического.

¹ *Мартин фон Каттэ* (1896—1988), землевладелец в Альтмарке (Бранденбург). Происходил из знаменитой прусской семьи фельдмаршала фон Каттэ. Он познакомился с Э. Юнгером в 20-е годы и с тех пор поддерживал с ним тесные отношения. Оказавшись после войны без крыши над головой, он нашел приют в Кирххорсте и прожил в доме Юнгера два года. Он публиковал стихотворения (сборник «Туманный камень», 1978). В 1960 г. его поэтическое творчество было оценено признанием со стороны Баварской академии изящных искусств. В 1987 г. в свет вышла книга его воспоминаний «Черное на белом».

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

4 января 1940 года

Возвращение из отпуска, конец которому после двух дней пребывания положила телеграмма. Перпетуя принесла мне известие в келью, где я в тот момент разглядывал прекрасную стерноцеру из Джибути. Потом я зашел на кухню и увидел, как она была расстроена.

В качества дорожного чтения — книга Бруссона об Анатоле Франсе. На странице 16 знакомая цитата из Ля Брюйера¹: «Небольшой излишек сахара в моче, и вольнодумец отправляется к мессе». Мы и в самом деле сразу обращаемся к вере, едва только дела у нас идут хуже. Но тогда уж мы воспринимаем и те запахи, краски, и звуки, какие обычно нам недоступны.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

5 января 1940 года

Пью кофе и вношу дополнения в дневники. Восковая свеча из Люнебургской пустоши стоит в синей склянке из-под имбиря, оплетенной желтыми нитями расплавленного воска. Голубое пламя окружает дрожащая

¹ *Жан де Лабрюйер* (1645—1696), французский писатель, мастер афористической публицистики.

желтая аура, нежнейшая световая пыль, в которую рассеивается материя.

Что же касается курильных свечей, то до сей поры я использовал один зеленый сорт, мягкий и приятный, потом коричневый из сандалового дерева и, наконец, черные палочки из Японии, у которых на белом пепле темными литерами проступает какое-нибудь изречение. В мало освещенных и сырых местах, а также по соседству с крысами, следует разбираться в тонкостях такой науки.

Характерная особенность оборонительных сооружений проявляется не столь явно, если живешь в них. Это стало мне очевидным только вчера, когда я ревизовал пустующий четырнадцатый бункер, расположенный недалеко от греффернской таможни. Я с огромным трудом отворил стальную дверь чудовищных размеров, спустился в бетонный склеп и оказался в полном одиночестве среди автоматического оружия, вытяжных вентиляторов, боеприпасов и ручных гранат. Я затаил дыхание. Было слышно, как время от времени с потолка падали капли или звонил крепостной телефон. Лишь теперь я взглянул на это место как на обиталище искушенных в кузнечном деле циклопов, которым недоставало внутреннего взора — аналогично тому, как в музеях мы зачастую острее осознаем смысл предметов, нежели те, кто издавна использовал и изготавливал их.

Таким образом, я, словно в недрах пирамид или во глубине катакомб, оказался на очной ставке с духом времени. Он показался мне идолом без всякого проблеска технической изысканности, идолом, обладающим чудовищной крепостью.

Впрочем, сугубая придавленность, черепашии черты этих строений напомнили мне здания ацтекской архитектуры, и не только внешне. То, чем там было солнце, здесь является интеллект, и оба связаны с кровью, с властью смерти.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

6 января 1940 года

В «Короне»¹, которую я прихватил с собой из Кирххорста, я прочитал новеллу «Бартлби» Германа Мелвилла, умершего в 1891 году в Нью-Йорке. Несмотря на то, что в ней описывается похожий на Обломова абсолютно пассивный характер, сюжет здесь, однако ж, так лихо закручен, что невозможно оторваться. Среди дарований, коими может обладать автор, талант рассказчика и басенника не самый главный, но он усиливает действие всех остальных сил, подобно тому, как здоровье придает полноты любому жизненному проявлению.

¹ См. комментарий к записи от 4 июня 1939 года.

Закончил: «Теогонию» Гесиода. Грандиозная картина: когда Уран нисходит к Ночи и обнимает Землю, Кронос зазубренным серпом отрезает у него срамной член и бросает за спину. Из капель крови, упавших на землю вдоль траектории броска, вырастают эринии, нимфы и гиганты, в то время как сам член падает в океан, и из его побелевшей, волнами несомой плоти рождается Афродита.

Это совершенно иной абиогенез, нежели те жалкие подражания, которыми мы восхищались в Лейпцигском Институте зоологии.

БАДЕН - ООС, 8 января 1940 года

В пять часов нас сменили, и в темноте мы нешим порядком по полям и лесам направились в Баден-Оос. При выступлении — желудочные боли, которые затем несколько поутихли. Как пехотинец ты всегда располагаешь одним из наилучших лекарств — дальним переходом.

Позиция под Грефферном с ее служебными и тайными заботами нынче отступает в прошлое, как отрезок времени, о котором ты будешь только вспоминать. Отныне заслуга, по-видимому, состоит в простом преодолении трудностей. В этом поясе бункеров вряд ли раздался хоть один выстрел, за исключением выстрелов по самолетам да по многочисленным фазанам и зайцам, что на-

шли себе убежище в высоких зарослях, густо переплетшихся с проволочными заграждениями. Однако здесь царил незыблемый свод правил и норм и существовал молчаливый уговор. Так, старший сержант Келер, едва было собравшийся взобраться на дерево, был тут же накрыт снопом огня. Точно так же на соседнем участке обороны был ранен один солдат, потому что кому-то взбрело в голову выставить соломенную куклу с маской Чемберлена. В сухопутных войсках число погибших при транспортных авариях многократно превышало число павших под огнем неприятеля. В числе первых убитых был некий фельдфебель из пропагандистской роты, погибший у громкоговорителя.

В полночь мы заняли казарму в Баден-Оосе, где, не раздеваясь вследствие холода, я спал на походной кровати. Часто образы в сновидениях предстают перед нами отчетливей и ясней, нежели при свете дня. Так и сейчас мне привиделась назойливая особа, а происходило все в какой-то небольшой овощной лавке, где я приобрел жареную утку. Рядом с продавщицей стояли еще две-три пожилые женщины, одна из которых принялась нагло, и не обращая внимания на мои отчаянные протесты, ее ощупывать. Она делала это якобы для того, чтобы дать мне совет, как следует-де приготовить и подать на стол такой лакомый кусок — а в действительности лишь

затем, чтобы потом облизывать себе палец. В итоге мое жаркое мало-помалу лишилось своей коричневой, аппетитной корочки. Напоследок эта тварь — тощая, суетливая, с выпученными, как у мухи, пронырливыми глазками, — еще запустила скрюченный указательный палец в заднее отверстие птицы и извлекла оттуда, дабы увенчать свой пир, изрядный кусок потрохов. Затем она быстро юркнула за дверь и была такова, оставив на прилавке истрепанную и невзрачную на вид утку. Только теперь остальные женщины принялись браниться в адрес исчезнувшей, из чего я сделал вывод, что та была наделена злыми чарами. Таким образом, мне не только была испорчена трапеза, но вдобавок я был угнетен предчувствием гибельных последствий, которые сулила эта встреча.

ЭТТЛИНГЕН, 9 января 1940 года

Ночной переход до Эттлингена в дождь, град и гололед. Стеклянные льдинки били по каскам, поводьям и шинелям. Изоляторы линий дальних электропередач были окутаны холодным туманом и облиты брызгами голубых огоньков. Ночь целиком заполнял топот неисчислимых ног в подбитых гвоздями сапогах — это разменная монета войны, сумма неизвестных тягот и страданий, которая в сражении оборачивается капиталом.

ВЕССИНГЕН, 10 января 1940 года

Чуть свет — выступление через Дурлах, с его красновато поблескивающими на окрестных склонах виноградниками, в Вессинген, и мое расквартирование там, в доме евангелического пастора. Во время марша господствовал сухой холод, такой же пробирающий до костей, как в лютую зиму 1928—1929 годов. Проходя вдоль колонны, я впервые увидел отмороженное ухо — раковина, словно к ней прилепили круг рыбьего мяса, была окружена белой каймой. Как и подобает радетельному командиру, я оказался первым, кто заметил повреждение прежде его соседа по шеренге и даже прежде самого пострадавшего, которого я приказал тотчас же на мотоцикле отправить на медобработку.

Вечером я еще минутку-другую посидел с подполковником Фоглером в обществе пасторши и ее дочери, поскольку сам пастор был в отъезде. Однако его влияние незримым присутствием ощущалось во всем доме. Существует две разновидности дисциплины — та, что, подобно прижиганию, действует снаружи вовнутрь и закаляет человека, и другая, что, подобно свету, лучится из сердцевины вовне, и, не отнимая у него мягкости, делает человека бесстрашным. Для первой нам всегда нужен наставник, в то время как другая нередко, как зерно семени, зарождается в нас самих.

Церковные книги сохранялись у них в доме с 1690 года. В одной из них описан такой курьез: одна служанка, сорок лет проносив юбки, обрюхатила другую, и затем уже продолжала жить мужчиной до глубокой старости.

Забавное сообщение об одном моем предшественнике, который эдаким Фальстафом стоял тут на зимних квартирах. Этот тип воспроизводится на войне с неизменным постоянством, и всегда в одном и том же окружении — среди плутоватых и вороватых лакеев, жирных гусынь, беспутных девиц, кутил и картежников.

ФЛЕХИНГЕН, 11 января 1940 года

В трескучий мороз — во Флехинген и Сиккинген — городишки, где нам предстоит оставаться более или менее долго. Наш шеф в припадке дурного расположения духа из-за условий размещения обозвал их «Вшивингеном и Смрадингеном». Там, где обоз не проходил по занесенным снегом горам, маршевая колонна делилась на группы, которые должны были подталкивать повозки. Во Флехингене — квартируюсь у католического священника, с которым просидел в беседах до позднего вечера.

ФЛЕХИНГЕН, 14 января 1940 года

Это холодное воскресенье я провел в постели больной гриппом. Читал: «Щит Геракла»,

приписываемый Гесиоду. Песни о щитах являют собой миниатюры вселенной, какой она живет в представлении древних. Взгляд словно бы с орлиных высей падает на творение и видит его уменьшенным до крошечных размеров, но все же необычайно детально. Этим объясняется умение изобразить самые разные вещи на крайне узком пространстве, которое приписывают божественным кузнецам. Соответственно, выражение и манера исполнения принимают металлический характер; язык, словно чеканя на бронзе, изображает творение в высшей степени плотно и отчетливо.

Затем Библия в переводе Хеннэ, которую одолжил мне хозяин квартиры. Странно, что время Моисея кажется более древним, чем время Иакова и Иосифа — что, видимо, связано с законом, который подобен застывшей глыбе камня. Обособление посредством закона, возможное, пожалуй, лишь благодаря египетским посвящениям и знанию древнейших навыков мумификации, ожесточает жизнь, которая и превращается в Медного змия. Зато в историях об Иосифе наиболее ярко проявляются все обстоятельства жизни на всем ее протяжении. В этом вообще смысл праистории: представить жизнь в ее не связанном со временем значении, тогда как историей она описывается во временном течении. Праистория поэтому всегда явля-

ется той историей, которая расположена к нам всего ближе, историей человека как такового.

ФЛЕХИНГЕН, 15 января 1940 года

Постился. Ночью сильные духовные приступы; кроме того, лихорадка от переходов. Однако утром пошел на службу и выступил в путь вместе со всеми. На марше я приказываю все время петь, что идет на пользу и людям, и мне самому. Все ритмические вещи являются оружием против времени, а именно против него-то мы, по сути, и боремся. Человек всегда борется против могущества времени.

Во второй половине дня — полковое офицерское совещание в Бреттене; там я узнал от полковника, что должен наверстать отпуск и затем взять на себя обучение полковой разведгруппы.

КИРХХОРСТ, 18 января 1940 года

Со вчерашнего дня снова в Кирххорсте, и домохозяйка Перпетуя нежит меня по всем правилам искусства. Стол хорошо обеспечен, и в довершение из «Щуки» в Юберлингене прибыли еще виноградные улитки. Они напомнили о тех улиточных вечерах, которые мы устраивали с Фридрихом Георгом и Мецге-

ром в среду первой недели великого поста. Улитки были приготовлены в манере доброго Фойхти, которого два года тому назад, на Масленицу, когда он, одевшись евнухом, нес караул перед сводчатой галереей для шампанского, свалил на землю апоплексический удар. Так мы лишились одного из тех немногих виртуозов, которые еще знают толк в приготовлении пищи. Швабы имеют обыкновение называть все изысканно-уменьшительно: когда его обнаружила сестра, он только и сказал, что его-де хватил «ударушек» — таким было его прощание; однако дух его по-прежнему продолжает жить в рецептах.

Мороз настолько усилился, что я даже носа на двор не высовываю, с головой погружившись в записки Гонкуров о Гаварни¹, в «Шкатулку с драгоценностями» Геббеля и историю японского принца Генджи. Кроме того, я уже немного занимался коллекцией, и меня осенила мысль описать как-нибудь потом вид *sternocera* — следуя правилам систематики, но на языке ювелиров. Шедевр природы.

Вот уже несколько дней как замерз водопровод — теперь и насос в прачечной больше не качает. В семь часов вечера термометр, выставленный за окно ванной комнаты, уже

¹ Поль Гаварни (1804—86), французский график, темой работ которого была городская жизнь.

показывал двадцать градусов. Похоже, что начало года ознаменовано и чисто стихийными аномалиями.

КИРХХОРСТ, 25 января 1940 года

Читал: Хаспер, «О болезнях тропических стран», Лейпциг, 1831 год — эта книга давно стоит в моей библиотеке. В прежнюю пору я охотно приобретал такие сочинения. В них можно найти интересные изображения жизни в заболоченных районах, например, на побережье Гвинеи (по описаниям Линда). Затопленные, занесенные илом лесные массивы, где мириады насекомых гасят крыльями свечи, и концерт низших животных прогоняет сон. Воздух испорченный, спертый и настолько пропитан гнилостными испарениями, что грозит потушить факелы. Даже человеческий голос теряет свое естественное звучание.

«Особенно следует поблагодарить ост-индийских морских капитанов за то, что они, во всяком случае, на судах позволяют как минимум шесть раз пустить по кругу бутылочку вина».

Движение эпидемий подобно походу армий демонических существ. «После того, как эта болезнь пять лет свирепствовала в Индостане и на Декане, унеся жизни несметного количества людей..., в октябре 1821 года

она повернула в западную сторону до самого Шираза в Персии, где в течение восьми недель скосила 60 000 человек, а после этого она объявилась у Бассора, Багдада, Моската и Алеппо в Сирии».

Порыв ветра, впервые упоминаемый в Европе в «Asiatic Journal» за 1822 год, связан, надо полагать, с течениями раскаленного воздуха. Они обрушиваются мгновенно. Есть основания предполагать, что между определенными группами скал возникает оптический эффект: воздух накаляется так, что обжигает легкие. Порыв ветра в Ост-Индии называется Ла, что, надо думать, тождественно персидскому Loh и нашему Lohe¹.

В ПУТИ, с 29 на 30 января 1940 года

Обратный путь. В момент отъезда у меня появилось чувство, что я отправляюсь навстречу странным вещам, неведомым, близким, которые не предугадает никакая фантазия. Когда поезд тронулся, Перпетуя начала плакать и быстро спустилась по темной лестнице, а я медленно выезжал из-под сводов крытого перрона.

В Нортхайме я увидел вечернюю зарю — как будто угли тлели под серым пеплом неба,

¹ Die Lohe (нем.) — ярко пылающий огонь, полыхание яркого пламени.

раскинувшегося над таким же серым снегом. В таких пустынных местах этот цвет светится каким-то загадочным образом, согласно иному, более возвышенному принципу. Нередко он словно вспыхивает в самих атомах, как то можно видеть в жемчуге, перламутре и опалах. Серый цвет загорается в них и придает всему переливающуюся глубину — не глубину пространства, но глубь волшебной игры, которая поднимает на поверхность скрытые в материале богатства. На этом символе основывается высокая ценность жемчуга: бывают мгновения, когда мы понимаем, что кусочек материала величиной с горошину не имеет цены.

Карлсруэ. Между двумя и четырьмя часами ночи — в зале ожидания чтение «*Consolationes*» Боэция¹. Толпы народа в огромном помещении — отпускники, железнодорожники, рабочие утренних смен, под-выпившие пассажиры да особняком сидящие женщины — все серо, апатично и болезненно, как во сне. Очень странно, когда кто-нибудь из них смеется.

¹ Речь идет о знаменитом трактате в прозе и стихах «Утешение Философией». Это сочинение, написанное христианским философом и государственным деятелем Боэцием (ок. 480—524) в заключении, изобилует мотивами стоической философии.

В доме священника я узнал, что подразделение со вчерашнего дня возвращено в бункер. Немного поспав в нетопленной комнате, поехал в Раштатт. В купе для некурящих всегда меньше людей — так даже третьестепенный аскетизм высвобождает человеку пространство. Живи мы как святые, нам подчинилось бы бесконечное.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

31 января 1940 года

После недолгого пребывания в доме штольхофенского священника я снова занял с подразделением прежнюю позицию в излучине Черного ручья, так что я опять живу в своей камышовой хижине.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

2 февраля 1940 года

Сон. Стоя по пояс в текущей воде, я двумя тонкими прутьями удерживал перед собой на расстоянии какое-то существо, в котором тело крысы соединилось с головой змеи и змеиным хвостом. Мне удавалось держать его на весу, чтобы течение не прибило его ко мне, однако время от времени с него падали мелкие черные паразиты и, перебирая лапками, скользили в непосредственной близости от меня. В конце концов, от этого положения

меня избавил удар дубиной, из-за моей спины шлепнувший по воде и прикончивший существо, которое теперь кверху пузом понесло вниз по течению. Удар этот нанес какой-то крестьянин, что в одной рубахе сидел позади меня на прибрежной траве и добродушно кивал мне головой. Вместо благодарности я отвернулся от него, прежде выкрикнув:

«Don't disturb me!»¹

Проснувшись, я понял подлинный смысл этой фигуры, ибо нередко в жизни я так горячо увлекался той ситуацией, в которой оказывался, что за этим напрочь забывал о мерзости тех, с кем боролся.

При этом я вспоминаю, как братец Физикус² однажды рассказал мне, что в приснившейся ему рукопашной схватке выстрел оборвал его жизнь, но что стойкое желание узнать об исходе стычки и виновнике смерти не давало ему покоя. А поскольку для наблюдения ему все же недоставало чувственного инструментария, то он мысленно встал позади одного из уцелевших и, ловко используя того в качестве своеобразных очков, вел сквозь него наблюдение за происходящим.

К вопросу о *désinvolture*. Здесь еще можно упомянуть о слове *gracious*, для которого у

¹ «Не мешай мне!» (англ.)

² Младший брат автора.

нас тоже нет точного соответствия. Сочетание власти и изящества слишком редко встречается у нас, чтобы породить собственное обозначение; и эта чопорность, в сущности говоря, не раз в ходе истории выставляла нас в дурном свете. А посему исключения, вроде некоторых императоров из рода Гогенштауфенов¹, продолжают жить в памяти как чуть ли не волшебные существа.

¹ *Гогенштауфены* (Штауфены), династия германских королей и императоров Священной Римской империи в 1138—1254 гг., одно время — королей Сицилии. Прежде всего, автор имеет в виду фигуру Фридриха II (1194—1250), игравшего важную роль в германской национальной мифологии. В одной статье 1928 г. Юнгер, тогда активный национал-революционный публицист, писал: «Обретение почвы во внутренней сущности народа — одна из основных задач нашего времени, когда в столь многих областях нам ограничивают свободу движений и подрезают крылья. Иногда возникает сомнение, относится ли Германия по-прежнему к числу великих держав, но все же: что могут сделать все армии и флоты с тайной убежденностью народа в своем призвании? В ходе празднования 700-летия Неаполитанского университета в 1924 г. чья-то рука возложила на саркофаг его основателя Фридриха II в Палермо венок с надписью «Своим кайзерам и героям — тайная Германия». В этой немногословной фразе скрывается особая магия, и не было тогда человека, который бы не почувствовал, что, несмотря на все несоответствие людей и событий, именно эта тайная Германия, именно этот незримый, питаемый чистым источником веры корень будущего, не позволит пропасть ни одной сделанной работе, ни одному усилию. Война была не напрасна, не будет и напрасен мирный труд, которым отмечено наше время». Фридриху II посвящена и знаменитая монография Эрнста Канторовича, вышедшая в 1931 году.

Рано утром мои люди принесли косулю, которая сильно поранилась в проволочных заграждениях. Животное стояло между нами без видимой робости, окрашивая снег кровью, и меня поразило, что оно так спокойно, даже, казалось, интеллигентно, переносило страдания. Потом меня вызвали к телефону в камышовую хижину, и когда я снова вышел на улицу, оно уже выпотрошенным висело в воздухе на деревянной распорке. Связной, когда я потребовал у него объяснений, ответил: «Отпусти мы ее на волю, ее поймал бы и прикончил кто-то другой. А так, глядишь, нам тоже кое-что перепало».

Это «тоже» по отношению к воображаемым мясникам я нашел диалектически настолько удачно сформулированным, что оставил дело без последствий.

После обеда по глубокому снегу в Штолльхофен. Справа я впервые за эту войну услышал стрельбу, заставившую меня подумать об укрытии. Огонь по одному-единственному бункеру звучал на широких просторах точно и мерно. Можно было различить несколько тактов — быстрые, беглые пулеметного расчета и между ними более неторопливая, более мощная и хриплая работа сверхтяжелых и бронебойных орудий. На известном удалении, почти как при дорожной аварии, едва ли придаешь значение происходящему.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

3 февраля 1940 года

До обеда в Штольхофене у бургомистра, чтобы попросить об открытии сторожевой будки на Рейне, которая согласно новому разделению лежит теперь на моем участке. На обратном пути мимо меня пролетела незнакомая птица с длинной, тонкой шеей и длинным хвостом. То, что иные животные, как, например, это, видятся нам абсурдными, основывается на искажении перспективы и указывает на удаленность нашего местоположения от местоположения Создателя.

Таким образом, мне так же может показаться, что созвездия, с той позиции, с которой мы видим их, образуют эксцентрические фигуры, и что во Вселенной есть такие точки, на которых проявляется более высокий порядок гармонии миров.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

4 февраля 1940 года

Вчера вечером, прикончив «Affentaler Klosterberg» урожая 1921 года, пьющееся очень легко, я — сам себе собутыльник — впервые в этой хижине захмелел. Это один из тех сортов, после которых, проснувшись, чувствуешь себя здоровее и довольнее. К тому же вино всю ночь напролет легкими и приятными

штрихами рисовало веселые и пестрые картины. Такого художественного уровня достигает только вино и только его чистейшие, лучшие сорта, но и они подобны ключам, которые открывают не всякую дверь. Мне вспоминается «Раремриуге», которое мы частенько пили с отцом, и еще одно местное белое вино, которое в Каркассоне помогало нам проводить ночь и веселило душу. Когда же я хотел заказать бочонок такого вина с собой, то услышал в ответ, что этот сорт даже при малейшем удалении от своей почвы утрачивает аромат. Таким образом, вино уподобляется богатому месторождению, уподобляется другу, которого нужно доискиваться, если доживаешь до тех лет, когда больше не пьешь без разбора.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

7 февраля 1940 года

Стоит оттепель. Во второй половине дня на соседнем участке, слева, поднялась резкая пулеметная перестрелка, звучащая в трех тонах; она несколько раз возобновлялась. Шальные пули долетали и до нашего левого фланга под Грефферном. Пора мне отдать приказ выложить все ходы сообщения, целиком потонувшие в грязи, фашинской кладкой. Да и камышовой хижине не помешал бы предохранительный редут из мешков с песком.

Ночью на противоположной стороне в воздух нередко поднимается привязной аэростат с огоньком, похожим на алую звезду. При спуске гондола иногда озаряется лучами с земли, кроме того, часовые укрепления «Альказар» даже слышали шелест ветра, который трепал обшивку аэростата. Французы вчера и сегодня маскировали расположенный на-против лесистый берег высокими ширмами из камыша. Итак, судя по некоторым приметам, идилия на этом участке скоро закончится.

Читал: «Людвиг Девриент»¹ Альтмана, рождественский подарок братца Физикуса, со множеством доселе мне неизвестных подробностей о Гофмане и заведении «У Луттера и Вегенера»². Здесь на несколько недолгих лет расцвел изысканный кружок, где можно было порассуждать о культуре опьянения, хотя, вообще-то, прототип тех мест, в которых пируют наши кутилы, скорее следовало бы искать в винном погребе Ауэрбаха³. И потому, вероятно, беспутный Граббе⁴ тоже не принадлежал к этой компании.

¹ *Людвиг Девриент* (1784—1832), известный актер, в 1814 г. приглашенный Иффландом в берлинский Национальный театр. Популярный исполнитель характерных ролей.

² Питейное заведение в Берлине, которое часто посещал Гофман.

³ Погреб Ауэрбаха в Лейпциге существовал со времен позднего средневековья (см. «Фауст» Гёте, часть I).

⁴ *Кристиан Дитрих Граббе* (1801—1836), видный драма-

Здесь даже встречаются нетривиальные воззрения на сущность опьянения — например, в гофмановском замечании, что благодаря вину в пьющем отнюдь не создаются идеи, а только ускоряется круговорот идей. Фантазию он при этом сравнивает с мельничным колесом, которое при усилении потока движется проворнее — передаточный механизм крутится искристей и стремительнее, когда бражник подливает себе. Этому отвечает и мой личный опыт — опьянение не складывает, оно умножает. А в операциях с дробями оно даже сокращает.

Детально останавливаясь на искусстве декламации во время актерской игры, автор делает меткое замечание, что языку можно придать более высокий смысл тем, что слово возвышается над собственным значением до носителя аффекта. Мне только хотелось бы назвать это более глубоким смыслом слова — язык, наоборот, понижается до чисто фонетического значения, до алфавита страсти. Вместе с тем у него есть и высшая сфера, в которой слово аналогичным образом утрачивает внятность — оно растворяется в чистом эфире. Оно плавится при экстремаль-

тург и писатель, автор драм «Дон Жуан и Фауст» (1829), «Император Фридрих Барбаросса» (1829) и трагедий «Наполеон, или Сто дней» (1831), «Ганнибал» (1835) и других. В памяти современников остался буйным кутилой и пьяницей.

ных температурах чувственного и духовного. Мы охватываем с его помощью только усредненное состояние; это монета, имеющая реальное хождение среди людей.

Очень хорошо сказано и об экспансивном выражении страстей, когда тона искажаются тем, что ужасное, к примеру, высказывается с наигранной веселостью. Этому тогда соответствует и поведение публики, которая больше не одаривает, как обычно, игру громом аплодисментов, но молчаливо и неподвижно замирает под воздействием магических чар. Согласно всему изложенному, в случае Девриента речь шла о том, как редко обнаруживается волшебная сила.

Стиль: «Однако также случалось, что излишне подчеркнутая игра пальцами вызвала некоторые нарекания в его адрес». Впечатление искривленности складывается здесь вследствие вычурности, поскольку настраивание неопределенности поручается передавать не только главному, но и придаточному предложению, и таким образом создается двойное освещение логических сумерек.

В цитате из перевода Теренция¹ на странице 186:

*И так, цедящий стаканчик один за другим,
Дню позволяю неспешно перед собою пройти —*

¹ Теренций (195—159 г. до Р.Х.), римский комедиограф.

причастному обороту недостает управления грамматическим субъектом. Такого рода ошибка не бросается в глаза, но она все же не должна встречаться в добротном тексте.

В Девриенте восхищало его умение про-износить свои *a parts*¹ действительно ради себя самого, а не на публику. Это и в самом деле отличительная черта не только мима, но и всякого художника по натуре. Высказывания и произведения суть разговоры и моно-логи, которые подслушивает слушатель. Роль публики не в том, чтобы лицезреть грубую видимость — она только дает повод для рас-крытия художественных потенций и ни в коем случае не является их адресатом. И все-таки ее роль важна, хотя бы как свидетеля.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

12 февраля 1940 года

Только что, когда, растянувшись на нарах, я смотрел в камышовый потолок, перед моим внутренним взором тут же встал тот день, когда я с Магистром находился в Сегесте. Что такое греки, я догадался не при виде колонн этого храма — я увидел это сквозь них, в об-лаках, когда стоял на его ступенях.

¹ А *part* — отдельно, в сторону (*фр.*); здесь: театральные реплики в сторону.

Так надо читать и прозу: как бы сквозь ажурную решетку.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

13 февраля 1940 года

В утренние часы в камышовой хижине становится довольно прохладно. И хотя я лежу в спальном мешке под тремя одеялами и шинелью, холод постепенно подбирается к телу, пронизывая до самого нутра, и, после некоторого времени беспокойного полусна, я зажигаю свечу, стоящую на стенной полке. Сияние ее падает на потолок, сложенный из пластов длинного желтого камыша, который произрастает здесь в сырых низинах и по краю озера. Его высокая, узловатая соломина применяется на позиции столь разнообразно, что накладывает на нее свой отпечаток или настроение. Прежде всего, этот материал поставляется для маскировки дорог и подходных путей, которая благодаря вытянутым испанским ширмам одновременно вводит в заблуждение и делает их видными отовсюду. Берега Рейна тоже были с обеих сторон защищены такого рода тростниковыми гардинами. И, наконец, эти стройные стебли служат для покрытия стен и крыш всех строений, которые, в отличие от бункеров, не предназначены непосредственно для боевых нужд — таких как отхожие места, ме-

сто нахождения часовых и хижины, в которых рядовой состав стирает, стряпает и чистит оружие, и которые, подобно беседкам или пнездам, на время прилепились к бетону оборонительных сооружений. Если бункерам и проволочным заграждениям в этом зимнем ландшафте присуща какая-то свинцовая тяжесть, то желтые ленты и хижины придают ему черты вольности и странности. Так могли бы быть заселены миры, где обитают разумные птицы.

Рядом со свечой лежит справочник, в который я пока редко заглядываю, чаще всего Библия и, в эти дни, Боэций. Прочие книги, в том числе уставы огневой и боевой подготовки, стопками сложены на деревянном стеллаже, тянущемся вдоль стены под самым камышовым потолком. Прямо над ложем на гвоздях висят пистолет, противогаз и бинокль. Как правило, нестроганные доски покрывает в качестве своеобразного украшения только карта позиции. Далее следует упомянуть заваленный картами и бумагами стол с приставной скамьей, телефон, чемодан и небольшую печурку, стоящую в побуревшем от пекла углу. Рядом с ней сохнут короткие палки крупных ольховых побегов, которые я велел нарубить у Черного ручья. Их блестящая древесина со светлым тиснением приобрела на срезах желтовато-красный окрас. Печной жар извлекает из нее аромат, который

будит воспоминания о знойных летних часах на болотах.

Около восьми часов в хижину входит Рэм и разводит огонь. Затем он наливает воды и во время умывания и бриться подает мне нужные предметы; подает очень внимательно и всегда на мгновение раньше, чем у меня возникает потребность в них, словно он принимает участие в некоем торжественном акте. Между тем вода, оставшаяся для заварки чая, закипает. Следует завтрак с булочками и маслом из деревни Грефферн; к нему присоединяются первые дневные хлопоты.

Так, я читаю доклады офицера и унтер-офицера позиционной службы, пока отпускники и рабочие команды отмечаются на выезд. Рядом с камышовой хижинкой расположена вторая, аналогичная постройка, в которой командир отделения управления ротой, приходя утром из бункера, приступает к своей работе. В полдень сюда же является старшина роты из Штольхофена с приказами и папкой документов на подпись.

На время завтрака Рэм удаляет светомаскировочную бленду с окошка; я гляжу в него и — далеко не в первый раз в моей жизни — взгляд упирается в сплетения и колючки проволочного заграждения; ведь оно, наряду со взрывчаткой и осколками, принадлежит к числу символов нашего времени. Поверх него, на заднем плане, сияет купол штоль-

хофенской колокольни, а если я прижимаюсь вплотную к оконному стеклу, взор мой одновременно охватывает церковь в Шварцаххе, которая, подобно могучему изваянию из красно-коричневого камня, располагается у нас в тылу. Она представляется слишком громадной для столь небольшой деревушки, однако объясняется это тем, что она остается единственным свидетельством давным-давно разрушенного монастыря. Иногда, когда мне случается быть по делам в Шварцаххе, я миную ее заброшенные земли и путаницей лестниц поднимаюсь на колокольню, где батарея, прикрывающая мой участок обороны, установила наблюдательный пост. Там весьма уютно; электрическая печь обогревает небольшую башенную комнатку, по стенам которой развешены таблицы стрельб, планы огневых позиции и табели. Из этого «вороньего гнезда» в ясную погоду можно увидеть страсбургский кафедральный собор.

Чаще всего часы уже показывают десять, когда приходит время осмотра позиций. Я начинаю его, предварительно осмотрев резервный бункер, через проход Слонового моста на правом фланге. Посты и коменданты делают доклады предписанным образом, и иногда я с заранее намеченной целью захожу в одно из укреплений. Иной раз я проверяю, на предусмотренном ли месте хранятся ручные гранаты, другой — герметично ли за-

перты двери, направлено ли оружие на указанные в приказе цели и ежедневно ли заполняются бункерные журналы в соответствии с предписанной схемой. Таким порядком я через бункеры командиров взводов добираюсь до самого укрепления III с его двумя башнями и оттуда направляюсь к прочному противотанковому форту «Альказар», расположенному почти на левом фланге. Во время обхода командиры назначенных в мой район обороны саперных и строительных взводов докладывают о своей готовности, в том числе два унтер-офицера, которым поручено возведение позиций и, особенно, наблюдение за неприятелем.

Поскольку противоположный берег густо порос лесом, французы малозаметны, за исключением выдвинутого передового поста, который обозначается у нас как «Великая маскировка». Это какое-то архитектурное сооружение, род и толщина которого нам остаются неясными, потому что оно целиком скрыто под толстыми матами и зеленью еловых лап. Однако то, что оно неплохо обжито, можно заключить по беспечно показывающимся часовым; кроме того, над зелеными стенами к небу струятся клубы табачного дыма.

Под конец, желательно в полдень, я имею обыкновение еще заглянуть на кухню, расположенную в здании грэффернской таможни.

Здесь нужно проконтролировать припасы, доброкачественность, процесс приготовления и попробовать множество блюд, на что тоже требуется немало времени.

Обратный путь я предпринимаю затем по «Тоledo», траншее, опустевшими полями ведущей от «Альказара» к командному пункту. Тропа одиноко вьется по затопленным лугам, которые можно преодолеть только в резиновых сапогах. Тем не менее, этот отрезок обхода мне больше всего по душе, а те полчаса, что я на него трачу, я рассматриваю как свою собственность. Эти минуты — единственные, которыми я наслаждаюсь в одиночестве и которые имеют сходство с моей жизнью минувших лет.

Местность с разнообразной растительностью приглашала к тому, чтобы в маленьких упражнениях выстраивать перед собой некоторые мысли и снова распускать их. Иду вдоль старых ив, высокие стволы которых наполовину скрывает пожелтый камыш и местами выходит на кукурузные и табачные поля, где урожай так и остался неубранным. Эти насаждения перемежаются с высокими, засохшими стеблями топинамбура, который в народе называют водочным картофелем и чьи растопыренные, словно пальцы, корни скармливают скоту. Той же цели служит тяжелая белая репа, покрасневшая от солнца в части, выступающей над землей. Сначала

крестьяне собирают зеленые листья, а сами корнеплоды прямо тут же, на поле, складывают в небольшие бурты, которые затем, зимою, по мере надобности опустошают.

Иногда я замираю на месте, чтобы в свой добротный бинокль понаблюдать за зверьем на пустынных полях. Чибис с криком порхает у окраин затопленных участков, на островах которых сторожко расположились темные стаи ворон. В чаще заграждений, что лабиринтом многочисленных рядов тянутся вдоль всей линии фронта, высоко переплетаясь с высохшей травой, гнездились куропатки и фазаны; они со свистом взлетают прямо из-под ног идущего. Просто великолепен самец фазана, который, как механизм курантов, поднимается в переливах своей пестрой бронзы, с длинным, от ветра волнами распушенным хвостом. Косули тоже забредают в заросли ольшаника в лощине Черного ручья, и одновременно можно увидеть, как на голых верхушках ее тополей хищные птицы устраивают себе наблюдательный пост. Они, кажется, высматривают, прежде всего, кротов, которых высокий уровень грунтовых вод вынуждает рыть норы чуть ли не на свету. И оттого они настолько доступны, что птицы выклеывают только их внутренности, меж тем как на осиротевших холмиках глаз замечает, как светятся маленькие алые кусочки их отвергнутых с пренебрежением ребер.

По среднему из мостов через Черный ручей я возвращаюсь обратно на командный пункт. В это время Рэм по своему обыкновению издалека высматривает меня, и не успеваю я отворить дверь хижины, как на столе уже дымится тарелка с супом. Чаше всего подается лапша, перловка, белокочанная капуста, брюква или рис, а в случае удачи — чечевица, гуляш или ломтик мяса. Поскольку через командира отделения управления ротой я позволил охотиться на нашем участке фронта, то иногда в нашей оружейной комнате висит также кое-что из дичи, которую мы припасаем для маленьких праздников.

Вечер в большинстве случаев заполняется мелкими служебными заботами и бумажной волокитой. По временам камышовая хижина превращается даже в трибунал, с мучительными допытываниями при свете свечей. Речь при этом, как правило, идет об одних и тех же проступках: просрочка увольнительной, самовольная отлучка, чтобы кутнуть в деревенском ресторанчике или навестить девчонку, и нарушение устава караульной службы. Война нервов ввергает человека в состояние неволи, в котором даже простое течение времени ощущается болезненно. Отдельный человек, пытаясь уклониться от этой боли, легко причиняет себе вред.

В иные вечера я прогуливаю службу и провожу их за чашкой доброго кофе. Его при-

сылают мне в дар друзья в мелко помолотых порциях. На подоконнике небольшого оконца зяблики, лазоревки и коноплянки склеивают оставшиеся от трапезы крошки, а после них все подчищает маленькая ржаво-рыжая крыса. Она обитает в укрепленных ивовым переплетением стенах камышовой хижины, и всякий раз, когда она забирается в нору, ее радостно приветствует тонкий писк малышей. В других частях сплетения шебаршатся кроты, которых Рэм называет «хомяками», — эти копатели и грузчики производят такой шум, что порой изумляешься способностям столь небольших зверьков.

Затем наступает тот приятный час, когда, одновременно с ужином, отправляется почта. Кроме того, о своем возвращении докладывают подразделения, согласно очередности посланные на помывку в Шварцах, — в большинстве своем немного подвыпившие, однако это непорядок вполне легальный, поскольку, в соответствии с приказом по роте, после горячей бани, для предупреждения простуды, посещается кабачок.

К ужину Рэм выставляет на стол восковые свечи, источающие приятный аромат. Теперь следует продолжительное занятие книгами, поскольку, за исключением корреспонденции, чтение остается единственным из привычных дел, которыми здесь можно продолжать заниматься. В первые недели я имел

обыкновение, как дома, пить в этот час чай, однако со временем убедился на опыте, что при такой близкой к земле жизни для улучшения самочувствия больше подходит красное вино. Таким образом, я познакомился с немецким бургундским. К нему, равно как и к немецкой икре, я прежде относился с предубеждением, каковое, как выяснилось, оказалось несправедливым. В свои лучшие урожайные годы оно обретает такой изящный дух, развить который не под силу даже южным винодельческим регионам.

Эти, как и все двадцать четыре часа суток, тоже, естественно, принадлежат службе, и досуг подобен досугу паука, сидящего в паутине. Едва лишь в какой-нибудь точке происходит контакт или какое-нибудь наблюдение, раздается трезвон телефона. Около одиннадцати часов из взводов прибывают связные, а в полночь отправляется утреннее донесение в батальон.

На этом день завершается, если еще не следует последний, ночной обход по участку.

Закончил: «Consolationes» Боэция, книгу, которую я начал читать среди пьяных на вокзале Карлсруэ. Вершиной произведения является сочетание свободной воли и божественного предопределения — Боэций помещает свободную волю во время, а предопределение — в вечность. Поскольку мы

живем в обоих временах, то в своих действиях располагаем абсолютной свободой, и, тем не менее, они в то же время изначально детерминированы в каждой детали. Таким образом, действующее лицо подчиняется двум качествам, одно из которых бесконечно превосходит другое. В широких рамках мы можем поступать, как нам заблагорассудится, и все же нам не дано переступить их. Во всем, словно приправа, чудесным образом одновременно содержится вечность.

Понимание этого является одной из точек, одним из водоразделов, до которых может простирается человеческая мысль. Кант выводит теологическое различие логическим способом; его всесокрушающая истина есть, следовательно, повторение истины в чистом виде. В сущности говоря, нет никаких новых истин — новым здесь является только свойство противоречия.

Мне бросилась в глаза известная параллель с Толстым — в частности, с замечательным предисловием к «Войне и миру». В нем Толстой разбирает тот факт, что человек как особь принимает свои решения абсолютно свободно и что эти решения, тем не менее, сводятся к некой строгой статистике. Так, количество самоубийств в течение ряда лет остается приблизительно на одном уровне, изменяются лишь их мотивы. Чем большее число свободных решений накапливается,

тем больше свободная воля исчезает из результата. Это позволяет, напротив, сделать заключение, что в свободной воле одиночки таится некий неизвестный фактор, который проявляется в сумме решений рода. Согласно Толстому мы тем менее располагаем свободой воли, чем в более решающем месте осуществляем свою деятельность.

Что же, впрочем, касается «Утешений» Боэция, то я полагаю, что они никоим образом не могут уменьшить боль. Мы должны вкусить ее в полной мере. Действуя в низших кругах жизни с хаотическим произволом, она в соприкосновении с высоким и благородным бытием обретает гештальт. Утешение же заключает ее в золотую клетку, или, говоря точнее: в некий алтарь, который обладает более высокой ценностью, чем все потери, какие может вынести человек за свою короткую жизнь.

Таким образом, утешение, которое дарил себе Боэций, продолжает действовать еще и сегодня; и это воздействие во времени является лишь отражением высшей пользы, поэтически очень красиво предсказанной им в стихотворной строчке «Победившему землю даруются звезды»¹.

¹ Или, в другом переводе: «Побежденная земля одарит нас звездами». Строка из 4-й книги «Утешения».

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

14 февраля 1940 года

Ночью восемнадцать градусов. Хотя я в одежде и в накрученном на голову башлыке лежал под одеялами, я, продрогнув, поднялся в четыре часа и развел в хижине огонь.

Я побывал в каком-то изумительном магазине, где, как в некоторых лавочках на неаполитанской *chiaja*¹, были выставлены на продажу такие ценности морей, как изделия из черепахи, кораллы и перламутр. Я зашел в палеонтологический отдел. Там за хрустальными витринами хранились отборные окаменелости, естественные произведения искусств — их покрывала филигрань веков. Тут были чудесные экземпляры — так, на синем бархате лежали трилобиты из чистого золота рядом с рыбками из зеленой и фиолетовой меди, высококоробристые раковины сияли ирисовым глянцем. Невдалеке от меня стоял князь Пиньятели и подыскивал плитки красного мрамора для своего городского дома. Он выбирал их по цвету, каким они украшают цоколь бронзовых колонн работы Бернини² в церкви святого Петра, и в каждой из них должны были заключаться прожилки усика криноидеи.

¹ Набережной (*ит.*)

² *Джиан Лоренцо Бернини* (1598—1680), итальянский зодчий и ваятель эпохи высокого барокко.

Меж тем как он, подобно костяшкам домино, расставлял свои плитки в ряд, я на ладонях прикинул вес тонкого долиго, похожего на мраморную стрелу цвета чайной розы. Исключительность этого экземпляра заключалась в том, что можно было увидеть сохранившиеся в камне пурпурно-красные пятнышки (ими животное играет при жизни, а после смерти они выцветают) и зеленый ирис его больших глаз¹. Однако я колебался, не предпочесть ли ему все-таки панцирь крокодила, окаменевший в бледно-зеленом нефрите. Настолько искусно удалась петрификация, что каждая пластиночка двигалась, как на шарнирах, и раздавался серебряный звон, когда поднимали панцирь.

Нерешительно стоял я перед выбором, пока меня не разбудил холод. И когда я, как Золушка, вернувшись с бала, присел перед своей печкой, то сказал себе: «На таких праздниках ты бываешь каждую ночь, и только иногда внезапное пробуждение позволяет тебе хоть краем глаза разглядеть что-то». А еще я сказал себе: «Богатство наше безмерно, поскольку живет в атомах. Мы будто по шахтам забираемся в свои недра, в свои минные галереи».

¹ O loligo media Юнгер также пишет в «Сердце искателя приключений», в главе «Frutti di mare».

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

15 февраля 1940 года

Я читаю журнал донесений, и в это время замечаю на стене камышовой хижины, рядом с печкой, какое-то серое образование, гладкое, как ослиная шкура, состоящее из змеиной шеи, которая у срезанного края образует некую выпуклость, и змеиной головы, которая выше заостренной челюсти переходит в человеческий череп. Это образование в основании затылка крепким гвоздем наполовину прибито к стене, наполовину словно бы прищемлено каким-то зажимом. С шеи и с подбородка, играя, ниспадает кайма плавника; возникает впечатление, что эту шею некогда носило странное и неизвестное тело.

Поскольку ничего подобного мне видеть так близко, так ясно и так четко не приходилось, то я тотчас же короткими штрихами делаю его набросок в блокноте для рапортов, лежащем у меня под руками, и в процессе этого сталкиваюсь с тонкими, рациональными подробностями в анатомии, которые не поддаются нетренированному грифелю. Мне также бросаются в глаза следы страдания — механические, тупые и глубоко потерявшиеся в себе, какие свойственны такого рода существам.

Потом я подхожу ближе, и все превращается в серую шерстяную тряпку для чистки мисок, которая висит на гвозде рядом с печью.

КАМЫШОВАЯ ХИЖИНА,

22 февраля 1940 года

Вчера, в ночь перед сменой, первый огонь накрыл наш участок. Сквозь сон я сначала слышал одиночные выстрелы и автоматные очереди, которые показались мне подозрительно близкими, но потом, обзвонив командиров взводов, я узнал, что это обстрел на Греффернской дуге.

Вскоре после этого командир оборонительного укрепления «Слон» доложил мне, что его обстреляли, и испросил разрешения открыть ответный огонь, каковое я дал, назначив сто выстрелов. С этого на всем участке начался концерт, за которым я следил сперва в полусне, а потом все более и более просыпаясь — до тех пор, пока мне самому не настало время вылезти из пижамы и подняться с теплой постели. Едва я успел одеться, как вновь зазвонил телефон, и из размещенного на левом фланге взвода доложили, что в блиндаже «За» был ранен в голову рядовой Вальтер.

Я спешно отправился в путь с командиром отделения управления ротой и с одним санитаром-носильщиком. Ночь была лунная, затопленная низина покрылась коркой белого, твердого льда, блестевшего при свете луны. Впереди, у противопаводковой дамбы, я увидел, как вспыхивает дульное пламя укрепле-

ний и с противоположной стороны услышал резкий треск стрельбы. Прежде всего меня удивило то обстоятельство, что один снайперский траекторий исходил с самого правого края дамбы и трассами светящихся следов опускался в непосредственной близости от укрепления «Альказар». Из этого я заключил, что французы хорошо изучили мой участок. Это внимательность такого рода, которую наглядно видно только по результату.

Во взводном бункере «Лимбург» я нашел раненого. Его уже перевязали, и он лежал на нарах. Бинты насквозь промокли, и вся гимнастерка была залита кровью. От руки второй кровавый ручей тянулся до самых сапог. Так он лежал, словно вынутый из чана с багряной краской, воплощение ужаса, тихо повернувшись к стене. Я велел не беспокоить его до прибытия санитарной машины. Уже наутро я услышал от врача, который его перевязывал, что шансы на поправку есть. Большая потеря крови произошла оттого, что была перебита *temporalis*¹.

То место, из которого был ранен боец, я приказал хорошенько обстрелять, и покинул укрепление после того, как увидел, что расчет расторопно занял свои места у орудий. Предварительно сделав доклады, я часа в четыре снова вернулся в хижину.

¹ Височная артерия (лат.).

КАРЛСРУЭ, 24 февраля 1940 года

В ночь на 23 февраля мы отошли с позиции и переночевали в Раштатте, одном из центров Верхнерейнского фронта. Следующей ночью мы маршевым порядком продвинулись дальше, до Карлсруэ — оба раза в ясное полнолуние, при свете которого вдали мерцали закругленные вершины Шварцвальда. Замечательны краски в подобные ночи — лунные краски, запечатлевшиеся на всем, словно предчувствия красок. Видишь их лишь тогда, когда ищешь их. Так, в мире есть много вещей, которые воспринимаешь только тогда, когда знаешь о них. И есть другие, какие не видишь никогда.

Мы поселились здесь в казарме Форстнера, где я занял приятную комнатку недалеко от расположения роты.

КАРЛСРУЭ, 25 февраля 1940 года

Робкое исследование сверхчувственного и его зримых знаков выдает адептов малозначительного уровня — им незнакома оживляющая все подобно эфиру духовная сила. Спириты в этом отношении переплюнули всех. Когда в ожидании сверхчувственных гостей ты, как они, прежде всего до крайности обостряешь чувства, то напоминаешь физика, собравшегося изучать пламя в безвоздушном пространстве.

В такого рода заботах ты только хиреешь, находясь в максимальной безопасности.

Вера похожа на кислород при реакции соединения. И потому чудеса удаются не каждому и не везде. Неопалимая купина.

КАРАСРУЭ, 28 февраля 1940 года

Для некоторых вещей в этой жизни нужен катализатор; например, когда хочешь познакомиться с легкомысленной девицей, — несерьезный компаньон.

После обеда я впервые услышал собственный голос, а именно с восковой пластинки. К моему изумлению он обладал абсолютной интонацией тех самых манерных жителей Ганновера средних лет, которые мне с давних пор неприятны. Так мало мы себя знаем.

Вечером от Фридриха Георга неожиданно прибыл томик новых стихотворений «Миссури», который я тотчас же несколько раз перечитал, все более и более вникая в суть. Опять, и еще сильнее, чем в «Таурусе»¹ впечатление высокой и ничем не сдерживаемой силы. Здесь дух отчизны, словно луч света, продол-

¹ Сборник стихов Ф.Г. Юнгера «Таурус» (или «Телец») вышел в 1937 г. в Гамбурге, а «Миссури» — в 1940 г. в Лейпциге.

жает лететь по прямой. Как благотворное, в смысле прогрессирующего выздоровления, я ощущаю обращение от сухого к влажному — от горячего камня скал, на котором резвятся змеи, к великому потоку. Прекрасно, что одновременно с этим размер все же не разрыхляется, но становится строже, хотя и таинственнее, кристаллически-скрытое.

КАРЛСРУЭ, 1 марта 1940 года

Стало немного теплее, однако снежные сугробы по-прежнему лежат на лесных делянках, а мороз, затаившись, держится в глубине почвы и по ночам опять сковывает ее. Это была зима, какая острее пробуждает тоску по весне, похожая на ту, 1929—1930 года, после которой я отправился в Марсель и на Балеарские острова.

Возвращаясь со стрельб, я ехал верхом лесосекой старого дубняка в Хардте и подумал, так, полусознательно: «Вот, должно быть, подходящее пастбище для черного дятла». И в то же мгновение я, второй раз в своей жизни, увидел, как животное с огненно-красным хохолком, словно родившись из мысли, вспорхнуло с сухой верхушки дерева и скрылось в волнообразном полете. Я воспринял это едва ли не как чудо, словно собственное сотворение — совершенно аналогично тому, как во снах приближаются те вещи, о которых

думаешь. И все же с цветами, животными, а также людьми такое со мной в жизни случается уже не впервые. Во время охоты на насекомых также можно достичь этой высшей ступени, неслыханного возбуждения, весь же научный аппарат оказывается лишь подручным средством. Там, где нас всегда властно охватывает чувство гармонии, детали, точно по волшебству и подобно завершающему мазку кистью, внезапно открываются нам.

Так дела обстоят прежде всего с мгновением счастья. Вещи настроены; мир замер в аккорде. Теперь только от нас самих зависит, захотим ли мы произнести «Сезам», который откроет нам изобилие.

КАРАСРУЭ, 10 марта 1940 года

К вопросу об эротической стороне фортификационной доктрины: прежде всего избегай того коварного рода твердынь, у которых наружные форты сдаются сразу, при первом же натиске, но цитадель остается несокрушимой.

Ночью я увидел во сне совершенно нелепое событие и услышал, как чей-то голос произнес: «Зачем бы подобному вообще случаться, если оно не послужит поучительным уроком?»

Это верно, когда даже космос в одной из своих перспектив устроен педагогически.

ИФФЕЦХАЙМ, 17 марта 1940 года

В Иффецхайме, командиром резервной роты. Прекрасные карлсруэвские денечки, когда живешь так, как и надлежит жить солдату в тылу, миновали. В качестве начальника транспорта мне посчастливилось один день пробывать в Кирххорсте, провел его возле Перпетуи, детей и Фридриха Георга. Насколько все-таки ценно такое короткое свидание — как подтверждение того, что живешь в глубине сердца самых тебе дорогих людей.

Затем — пребывание во Фрайбурге, жемчужине среди городов, в которых можно предаваться мечтам. В «Соколе» я даже тихо поднял бокал за Эразма — это тот духовный склад, который частенько недооценивают в стабильные времена. Я, меж тем, начинаю свыкаться с немецким красным вином; мне кажется, что оно все-таки раскрывает более изящные, более сокровенные извивы фантазии. Официантка в небольшом алеманском погребе, в котором я дважды отобедал, — существо, чью близость мне приятно было ощущать. Женщины замечают это без лишних взглядов и слов. По окончании трапезы она взяла из рук старшего кельнера, который собрался было прибрать со стола, бутылку — жест просто великолепный, совершенно в духе положения: «С этим я справлюсь сама».

ХИЖИНА В ПОЙМЕННОМ ЛЕСУ,
28 марта 1940 года

Вот уже двое суток как я располагаюсь на новом командном пункте, в деревянной хижине посреди прозрачного пойменного леса, что в окрестностях Иффецхайма поясом охватывает Рейн и связанные друг с другом протоки стариц. Приподнятые дорожки по берегу реки ведут к боевым бункерам.

Ночами по-прежнему прохладно, несмотря на это в лесных прудах уже звенят жерлянки. Из кустов ольшаника гудит порывистое, автоматическое токование фазаньих самцов, а в полосе камышей слышно хлопанье утиных крыльев да роговое верещание прудовых куриц. На песчаных отмелях за рыбой охотятся серые цапли. Совсем рядом с моей хижинкой зайчиха держит в гнезде двух малышей, которых заботливо зарывает под листья при пронизывающем ветре.

Сразу по прибытии в Иффецхайм меня свалил в постель грипп. Я помогаю себе встать на ноги интенсивным потогонным лечением. Много сделал также уход д-ра Айерманна и его супруги, на квартире которых я и стоял. Болезнь задает вопрос нашей жизненной силе; мы отвечаем посредством увеличения таких признаков жизни, как выделения, сила духа и теплота крови, в горячке становящейся просто тропической. Значительны также усилия по поиску выхода из лабиринта в снови-

дениях лихорадки; мы ощупью пробираемся к неведомым сокровищам здоровья. По сути, сердце держит самый настоящий экзамен.

Чтение в период выздоровления: Мольтке¹, «Беседы», только что вышедшие из печати в Гамбурге. В этом образе мыслей на себя, прежде всего, обращает внимание бережливость, как физиогномически она заметна уже по тонким губам. Если старое рыцарство позволительно сравнить с богатым и разветвленным кристаллом, то здесь напрочь исчезла, исчерпала себя всякая декоративность. Однако все сущностное и стержневое сохранилось в неврежимости; и, таким образом, выходит, что этого лаконичного человека окружает мифическое сияние. Насколько, к примеру, деликатно его сочувствие к такому побежденному противнику, как Наполеон² и Бенедек³. В абсолютном значении он стоит выше Бисмарка, который хотя и был отлит из добротного металла, но все же с некоторыми примесями. Этот был ближе духу времени и мог платить неприятелю той же монетой,

¹ Граф *Хельмут фон Мольтке* (1800—1891), прусский генерал-фельдмаршал, участник крупнейших политических и военных событий своего времени; теоретик военного искусства.

² *Наполеон III* (1808—1873), французский император с 1852 по 1870 гг. Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. сдался со сотысячной армией в плен под Седаном.

³ *Людвиг Август фон Бенедек* (1804—1881), австрийский полководец. В 1866 г. проиграл решающее сражение прусской армии.

тогда как витязь из чистой бронзы оказался возможен только лишь в войске да в старых феодных союзах.

Потом я листал тома «Атлантиды»: некоторые номера этого журнала действительно весьма удачны. Он напомнил мне старый, солидный «Pfennig-Magazin», который я, точно так же в горячке, читал у Цельса в Норвегии.

Из одной статьи о Китае я выписал несколько приглянувшихся мне сентенций:

«Когда рот на замке, каждое слово — половица».

«Не старайся болотной лягушке рассказывать об океане».

«Кто оседлал тигра, слезть уже не может».

Наконец, я читал последнюю книгу Анри де Монтерлана¹, который пишет все лучше.

¹ Анри де Монтерлан (1896—1972), французский писатель; добровольцем участвовал в Первой мировой войне, где, как и Эрнст Юнгер, был много раз ранен, автор большого числа романов и драм. Свою книгу «Mors et vita» («Смерть и жизнь», лат.) он с посвящением подарил Юнгеру. В 1940—1944 гг. сотрудничал в выходившем в Париже литературном журнале «Германия — Франция», в котором публиковал свои произведения и где в 1944 г. Юнгер напечатал свой путевой дневник «Из золотой раковины». С 1960 г. — член Французской Академии. В 1972 г., почти ослепнув, покончил самоубийством. Рядом с трупом нашли забрызганный кровью листок с афоризмом Юнгера: «Возможность самоубийства есть часть нашего капитала» (во французском переводе: «Le suicide fait partie du capital de l'humanité»).

Я причисляю его вместе с Т. Э. Лоуренсом¹, Сент-Экзюпери² и Кентоном³ к крайне малочисленному, однако возвышенному рыцарству, выросшему на полях мировой войны. Лишь когда жар остывает, из черного угольного флюса появляются алмазы.

ХИЖИНА В ПОЙМЕННОМ ЛЕСУ,
29 марта 1940 года

Утром моего сорок пятого дня рождения солнце красиво возшло из прозрачной тополиной дубравы. Первым, как всегда, в хижину вошел Рэм, поздравил и поставил на стол цветы и апельсины. Затем я оделся и у распахнутого окна прочитал 73-й псалом⁴.

После завтрака я прошелся под тополями, где горнист протрубил мне сигнал при-

¹ *Томас Эдуард Лоуренс* (1888—1935), Лоуренс Аравийский, английский археолог и писатель, работал на британскую разведку на Ближнем Востоке. События арабского восстания в Сирии описал в книге «Семь столпов мудрости» (1926, немецкий перевод — 1936).

² *Антуан де Сент-Экзюпери* (1900—1944), французский писатель и летчик. Юнгер ценил его «Цитадель», опубликованную посмертно в 1948 г.

³ *Рене Кентон* (1867—1925), французский физиолог, создавший теорию о происхождении жизни из морских глубин, о тождестве «между кровью и морской водой».

⁴ В синодальном переводе Библии ему соответствует 72-й псалом («Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем...»). Многие читатели Э. Юнгера восприняли этот пассаж как скрытый выпад против нацистского режима.

ветствия, пока отделение управления ротой с молодцеватой выправкой поджидало меня. Командир его, унтер-офицер Фасбиндер, преподнес мне бутылку красного вина, украшенную у горлышка букетиком фиалок. Затем появился Спинелли и старшина роты; первый пожелал мне счастья от имени офицеров, второй — от имени роты. Они преподнесли мне нож из слоновой кости.

Потом я, как обычно, сделал обход позиций и по возвращении застал у себя полковника, врачей и командиров соседних участков; гостей я потчевал ликером, сигаретами и конфетами. Прибыли письма и посылки, так что хижина приобрела по-настоящему праздничный вид. Больше всего меня порадовал переплетенный в мерейную кожу дневник, приготовленный для меня одной читательницей, с изображенным на нем в качестве отличительного знака красным кукуй¹ — одним из животных моего тайного герба.

Так безоблачно подошел полдень. За кофе я собирался в обществе Спинелли разрезать большой пирог, привезенный мне в дар из Баден-Бадена подполковником Фоглером, и уже намеревался было взять телефонную трубку, чтобы позвонить ему, как в пойменном лесу раздались молоточные удары

¹ Cusujo (cocijo) — жук рода *Rugophorus*, из семейства щелкунов (*Elateriade*), отличается великолепным свечением.

станкового пулемета. Сразу вслед за тем из расположения «47» был затребован санитар-носильщик; поэтому я, не теряя ни секунды, велел подать велосипед, чтобы на месте разобратся в случившемся.

В этом расположении стоит оборонительная пушка, прикрытая слишком тонким бронированным щитом. На днях она уже была изрешечена несколькими пробоинами, многие из попаданий, кроме того, отпечатались на защитном щите. Я застал командира, унтер-офицера Нойманна-второго, с его людьми на открытой площадке перед бункером и выслушал его рапорт.

Оказалось, что незадолго до полудня сюда из ближайшего артиллерийского наблюдения прибыли вахмистр и ефрейтор, оба новички на этом месте. Вахмистр выразил желание сфотографировать усеянную следами пулевых и осколочных попаданий лобовую стенку бункера и, невзирая на предупреждения унтер-офицера, в сопровождении ефрейтора через высокую насыпь укрепления спустился на берег Рейна. В то же мгновение с противоположной стороны, из бронированного укрепления «Красный Рейн», в котором засели отчаянные ребята, открыли огонь из пулеметов, и оба артиллериста остались лежать на зеленом откосе, как на ладони видные отовсюду. Один из них еще кричал, другого было уже не слышно.

Осмотрев местность, я принял решение выносить обоих, что, разумеется, тем путем, какой избрали они, было совершенно невозможно. Напротив, следовало левее бункера прорезать для обходного прохода широкую полосу проволочных заграждений, замаскировавшись в зарослях сухой травы, росшей среди прибрежных деревьев.

Тем временем подоспел Спинелли, и мы наблюдали за людьми, которые по-пластунски прорезали узкий проход до тех пор, пока, спустя добрые полчаса, дорога не была проложена. Между деревьев еще повесили несколько маскировочных матов из желтого тростника, мешающих разглядеть что-либо постороннему глазу, чтобы затем до двух лежащих фигур оставалось еще приблизительно шагов пятнадцать. Сама же крепость «Красный Рейн» находилась отсюда на расстоянии около четырехсот метров.

Мы со Спинелли, который был не только искусным проводником по приправам, но в то же время отважным лейтенантом и моей правой рукой, решили, что предпринять вылазку следует нам самим; я, во всяком случае, чувствовал себя расположенным к этому. У Спинелли тоже было подходящее настроение, и он, не мешкая, направился к краю маскировки. Я уже было собрался последовать за ним, как сзади, в проходе, появился лейтенант Эрихсон и горячо попросил у меня

разрешения присоединиться к нам — он-де «ни в чем таком еще никогда не участвовал». Однако я все же счел прогулку укомплектованной более чем достаточно и дал ему поручение обеспечить прикрытие эвакуации, взяв на прицел амбразуру бронированного укрепления. Затем со Спинелли торопливо двинулся вперед, на зеленый склон. Здесь я увидел лежащего ефрейтора; я потрогал его рукой — он был еще теплый. Однако члены тела уже немного одеревенели. Вахмистр лежал рядом с ним; как он крикнул мне, его только слегка задело, а в остальном он был невредим. Поэтому я приказал ему держать убитого за голову, тогда как Спинелли нес его за ноги, а я — за поясной ремень.

Едва мы успели сделать несколько шагов в таком порядке, как на нас с воем и треском обрушился шквал огня из станкового пулемета в бронированном укреплении. Пули хлопали по толстым стволам тополей, разбивались, врезавшись в бункер, звенели о проволоку и вспахивали борозды в зеленом слое земли. Мы бросились наземь; я почувствовал ноги убитого рядом со своей головой, когда под проволочным заграждением вжался в неглубокую, как выгребают куры, ложбинку. Я ощутил удар — новое попадание раздробило ему правую руку. Они держали нас под огнем; высокими фонтанами взлетавшая земля струилась по нашим волосам,

и вокруг распространялся чад раскаленного металла.

Впрочем, в этот отрезок времени Спинелли попросил меня теснее подтянуть левое колено, лежавшее слишком открыто. Я тем выше оценил это, что сам он, собственно говоря, находился на краю берега в еще более незащищенном положении, чем я. Затем в бой ввязался пулемет Эрихсона и парализовал огонь неприятеля встречным огнем. Мы еще довольно долго пролежали прикинув к земле; но, в конце концов, под прикрытием матов ползком вернулись по узкому проходу назад.

Я хотел было тут же велеть изготовить к бою пушку, однако обнаружилось, что одна пуля из шквала, предназначавшегося нам, влетела в амбразуру и настолько повредила тормоз откатного механизма, что орудие оказалось выведенным из строя. Мы стояли за бункерным заграждением, в то время как новый град пуль столбом взметнул пыль и песок на лобовой стенке соседнего бункера. Небольшой сгусток расплавленного свинца воткнулся в погон лейтенанта медицинской службы; он прилепился там, точно звездочка старшего лейтенанта, и дал повод к обилию шуточных поздравлений с повышением.

В вечерних сумерках мы, вместе с командиром его батареи, перенесли убитого. Я присутствовал при том, как капитан медицинской службы велел раздеть его, чтобы

осмотреть раны, и увидел тяжелое попадание в руку, которое уже больше не кровоточило, и множество травм на теле, из одной раны выпала медная пуля. Смертельным стало, должно быть, крайне тяжелое попадание в затылок; оно пропахало в черепной крышке длинную, почти в пядь глубиной борозду.

В свою очередь, как уже не раз в подобном месте, я заметил отчетливо некое раздраженное настроение, царившее вокруг поверженного запертво. Оно проявилось и у тех, кто снимал с него одежду и брал на хранение его вещи, и у тех также, кто просто смотрел на него. Это что-то такое глубинное, в чем проявляются тайные обязательства между кредитором и должником.

Так завершился день рождения, врезавшийся мне в память.

ХИЖИНА В ПОЙМЕННОМ ЛЕСУ,

7 апреля 1940 года

Цинковая печурка, которую я топил в камышовый хижине, была изготовлена из невзрачного металла. Однако жар возвышал ее, придавая ей красивый, прозрачно-алый цвет.

Вот пример того, как проявляются вещи и жизнь обнаруживает такие свойства, какие в повседневности остаются для нас закрытыми, тогда как переход на другие стадии, возведение в другие степени делает их зримыми.

Стало быть, в жизни есть свои чудесные моменты майского цветения, о которых даже не подозревает тот, кто знаком лишь с листвой. Высокая потенция может развиться также и в членах, в частях и во внутренних слоях — в пышном наряде самцов у птиц и у насекомых, в женских персях, которые, согласно Новалису¹, воплощают собою грудь, возведенную до уровня тайны, в подлинной аристократии, в благородном облике которой проявляется блеск того или иного народа, и в поэте, в котором пышным цветом расцветает язык.

В человеке покоятся также такие качества, которые раскрываются только смертью. Тогда преобразование происходит уже не во внутренних пластах, но в изобилии выходит наружу.

Для вас, великие искатели приключений, это становится последним и самым большим приключением.

ХИЖИНА В ПОЙМЕННОМ ЛЕСУ,

8 апреля 1940 года

В первой половине дня я, как обычно, обошел позицию, которая здесь намного короче, нежели под Грефферном. Мне очень нравилось позади левого фланга в одиночестве возвра-

¹ Новалис, настоящее имя — барон Фридрих Леопольд фон Харденберг (1772—1801), немецкий писатель-романтик.

щаться обратно по высокой дорожке, ведущей над Старым Рейном. Там я имел обыкновение развлекаться стрельбой из пистолета по бесчисленным сосудам, прибитым течением к береговому валежнику. Бутылки разлетающимися осколками стремительно исчезают в глубине, а канистры погружаются медленно и нерешительно.

Потом с высоты Старорейнской дамбы я долго люблюсь Ибургом. Такие строения, как это, которые кажутся возведенными на усеченных конусах, оказывают на глаз особенно сильное воздействие. Родольфе¹ являет аналогичное в изображении Атлантиды, которое висело в моей комнате, в Госларе. Такое впечатление возникает оттого, что фантазия видит произведение зодчества как бы продолжением отдельно стоящих гор. Тут в облике архитектурного сооружения соучаствует вся мощь первичной природы камня.

Точно так же дела обстоят там, где сами строения воздвигнуты в форме усеченных конусов. Шпиль словно бы заменен магическим колпаком. Глядя на это, мы ощущаем запас несформировавшейся материальной силы и с нею — близость непосредственной мощи.

¹ *Рудольф Шлихтер* (1890—1955), художник и график, представитель немецкого экспрессионизма. Известен портрет Юнгера кисти Шлихтера. В их переписке (1935—1955) обсуждаются многие литературные и художественные темы, всплывающие потом в эссе и дневниках Юнгера.

В наших остроконечных башнях, напротив, субстанция использована до последнего гра- на настолько, что все пронизано ощущением духовной устремленности, духовной отваги. Поток имеет возможность излиться в эфир. На брейгелевской картине Вавилонской баш- ни мы видим и первое, и второе: ужасный колосс на переднем плане, а далеко позади, в зеленоватой дымке, готический город. Здесь, как и в некоторых других его произведениях, магия и мистика взаимопроникают друг в друга. Он, подобно Геродоту, зрит два мира.

Пока я стоял, погруженный в созерцание шварцвальдского склона, из зарослей желто- го камыша на берегу Старого Рейна выско- чил проворный зверек, ржаво-коричневый в белесую крапинку, с черным кончиком хвоста, — и принялся резвиться на своей за- конной территории. Позднее я позвонил по этому поводу командиру правофлангового взвода, который был старшим лесничим, и узнал, что видел хорька. Таким способом я использую свою роту как энциклопедию.

Поскольку сегодня утром французы из «Красного Рейна» снова безо всяких при- чин произвели по нашей позиции серию вы- стрелов, а я еще со дня своего рождения был зол на них, то, желая ответить угощением на угощение, я приказал в полдень обру-

шить двести пятьдесят выстрелов крупнокалиберными боеприпасами с трассирующим следом на их амбразуру, в которой поблескивало дуло пулемета. Вместе со Спинелли я уселся возле стереотрубы, а Эрихсон занял место у пулемета. Он посылал пули на башню как раскаленные стрелы, и затем, словно нитку в иголку, вдевал их в амбразуру, где они с густым белым чадом раскалывались, разлетаясь фосфорическими брызгами, на мелкие кусочки. После того как он расстрелял патронную ленту, из амбразуры долго тянулся дым, будто в башне стряпали жаркое. И наверху, из отверстия перископа, к небу, точно из головки гигантской курительной трубки, поднимался желтоватый пар.

Сразу после открытия огня мы увидели, что расчет безуспешно пытался оттащить назад свой пулемет, как будто тот был накрепко приколотен гвоздями; потом они с другого места прочесали из сверхтяжелого оружия весь берег. Погода стояла чудная, и люди, в эти дни томившиеся от скуки, повеселели настолько, что я отныне намерен почаще устраивать подобные дуэли.

ХИЖИНА В ПОЙМЕННОМ ЛЕСУ,
10 апреля 1940 года

В Раштатте, в качестве свидетеля по делу одного рядового, обвиняемого в недозволен-

ной отлучке. Военный суд заседал в одном из красивых залов старого замка, и событие предстало передо мной как грандиозное полотно. Я совершенно отчетливо увидел на нем всех сразу — судей, свидетелей, охрану, писаря, обвиняемого, и даже себя самого, как если бы это был глубокий сон наяву.

В таком расположении духа большие залы представляются мне ячейками какого-то огромного древнего пчелиного улья; мы занимаемся здесь тем же, чем человек многие тысячи лет назад занимался в Египте, в Китае или Вавилонии. Этот неизменный насекомоподобный мотив немного приободрил меня и даже несколько развеселил; я подумал: «Во всем все-таки заключен один закон, который глубже любой культуры; он сохраняется, даже невзирая на гибель культур». Из этого оптимизма извлек выгоду и обвиняемый, а именно, мое свидетельство сказалось на его судьбе более благоприятно, чем, строго говоря, было допустимо.

Вечером, за чаем в лесной хижине я, не удержавшись, расхохотался над этой блажью: «В конце концов, у красивых женщин все мы одним мирром мазаны. До тех пор, пока они живут на белом свете, в этом есть какой-то резон»... Потом в памяти всплыли морские животные, которых мне случилось видеть по

ту сторону Азорских островов: существо вроде угря или змеи, пепельно-голубое с яркими полосами, огненно-красная португальская галера¹, летучие рыбы² павлиноглазой расцветки и с пунктиром капелек. Жемчугом опадая с каймы плавников, они оставляли за собой след на поверхности моря. Они скользили мимо как цветы, летящие в бездну, или как фрески, какие видишь на стенах трапезных залов в Помпеях, но на лазурном фоне. Все эти сокровища, впрочем, похожи лишь на обломки украшений из благородного металла, какие случай поднимает из хрустальных кладовых. Они лишь отблеск незримого изобилия, обитающего в глубине. И потому они, едва мы берем их в руки, часто уже через несколько мгновений затвердевают в цветной гель и пеструю пену.

Там, где такие сокровища небрежно отдаются во власть гибели, должно быть, лежат под спудом несметные богатства. Мы знаем монеты и не знаем монету. Точно так же мы знаем жизнь и не знаем жизни. Мы на ощупь блуждаем в своих абстракциях.

Моря не знает никто, кто не видел Нептуна.

¹ Или: морской пузырь; *Physalia physalis*.

² Или: летучки; *Echocoetus* Ant. Летучим рыбам также посвящена одна из глав «Сердца искателя приключений».

Чуть свет меня разбудили пулеметы бронированного укрепления «Красный Рейн» — особенно новый, в верхней амбразуре бронированной башни, крупнокалиберный, который ведет фланговый огонь по правому крылу наших позиций. Я позвонил Эрихсону и приказал открыть ответный огонь. Затем, торопливо одевшись, я на велосипеде помчался через пойменный лес на передний край.

Немного не доезжая расположения, я угодил под град пуль, застучавший по тополиным стволам, и быстро свернул в связующую траншею. Спинелли был уже на месте и вместе с личным составом стоял за бетонной стеной бункера. Он жестом указал мне точное направление обстрела. Я велел навести два тяжелых пулемета на амбразуры противника и назначил снайперов. Затем, собираясь позвать на помощь хорошего наводчика, я направился к Эрихсону, где застал санитаря. Тот перевязывал Эрихсона, из шеи которого обильно струилась кровь; еще он обрабатывал йодом трех бойцов, раненых осколками. Все они находились в состоянии оцепенения, как рыбы, внезапно вытащенные из воды.

Я услышал, как с громким треском и огненной вспышкой разорвалась влетевшая в амбразуру пуля. Другие попадания пришлось

по стволу пулемета и начисто снесли оптический прицел, оказавшийся теперь на столе. К счастью, Эрихсон был ранен легко, так что я тотчас же смог снова вернуться в расположение, в котором находился эпицентр боя.

Пулеметные очереди продолжали прошивать лес, а потому вырытая там траншея пришлась весьма кстати. Работа, правда, была не завершена, так что некоторые отрезки мне приходилось перепрыгивать. Весьма любопытна калькуляция тех расстояний, какие предстояло преодолеть по открытым участкам. Ум безостановочно производил молниеносное исчисление вероятностей, прежде чем корпус устремлялся вперед.

На нашей позиции Спинелли уже все организовал. Я еще раз подошел к стереотрубе и взял на прицел амбразуру: из смотровой щели наружу выступал новый и более сильный пулемет, чем тот, что устроил нам последнее окуривание. Сделав настоятельные внушения наводчику, что теперь от него зависит, насколько серьезным окажется наш ответный обстрел, я разрешил открыть огонь. В это мгновение, как по мановению волшебной палочки, с деревьев на той стороне взлетели над куполом две сороки с сияюще-белым и медно-зеленым переливом.

Затем застучали молотки оружия, и раскаленные снопы очередей ударились в основание амбразуры. Иногда пули брали выше

и срезали ветки тополей, растущих во внутреннем дворе укрепления, или они сдвигались, вздымая в местах попаданий столбики пыли на бетоне стены и брызгами отскакивая в Рейн. Другие теребили триколор, развевающийся рядом с башней.

Я увидел, как пулемет на той стороне сразу же открыл ответный огонь, однако спустя короткий промежуток времени стрельба утихла, а ствол окутался легким дымком. Я это предвидел, потому что наш непрерывный огонь захватывает оружие противника словно клещами, так что пулеметный расчет не рискует в этот момент даже оттащить его. Так с ним можно легко разделаться.

После этой интерлюдии я отправился завтракать, а потом, как каждое воскресенье, был в Иффецхайме у д-ра Айерманна, куда приглашен на щуку и бутылочку мозельского. Утро стояло чистое, ясное, залитое свежими красками; и сознание, которое в бою частями, словно зоркий страж, постоянно пребывает снаружи, возвращается в тело. Во время кризиса взыскивают дебиторские задолженности.

Вечером я узнал, что осколок величиной с мелкую монету, которым ранило Эрихсона, проник достаточно глубоко. Ранения в шею всегда мучительны, потому что через эту часть тела все пути жизнеобеспечения проходят как через перешеек.

Во время перестрелки за пулеметом на открытой огневой позиции чувствуешь себя значительно уверенней, чем в амбразуре бункера. Крошечные смотровые щели и бойницы, сквозь которые глаз защитника из крепкого сооружения следит за местностью, похожи на магниты, которые с обширного пространства притягивают к себе массу огня. Таким образом, личный состав оказывается под избыточным давлением, будто в водолазных колоколах на большой глубине. Оборонительные укрепления — это мастодонты сопротивления, однако, возможно, именно поэтому им грозит вымирание, поскольку в них в чистом виде находит выражение идея позиционной обороны.

ФРИДРИХСТАЛЬ, 16 апреля 1940 года

Вчера, во второй половине дня, сухой, теплый ветер с гор ворвался в долину Рейна. Он не принес с собой ощущения тяжести, напротив, оживил меня и приподнял настроение. Пойменный лес в ясном воздухе предстал передо мной в царственном блеске — молодая трава, прозрачная, сияюще-изумрудная, и тополя как светлые, изящные, исполненные грации стебли, чьи стройные станы вселяют гордость в идущего под ними человека. Первые ласточки резвятся в еще безлистных кронах деревьев, утки парами взлетают из зарос-

лей тростника у небольших тихих прудов, лысуха чуть слышно ныряет в глубину.

В одиннадцать часов нас сменили, и мы пешим порядком при ясном свете луны прошагали до Баден-Ооса, где переночевали в казарме. С наступлением дня мы по железной дороге переместились в Брухсаль и оттуда под проливным дождем добрались до места расквартирования, распределенного по множеству мелких населенных пунктов. Две роты, в том числе и моя, встали на постой во Фридрихстале, одном из главных центров баденской табачной культуры. Я устроился на верхнем этаже небольшой виллы, принадлежащей одному из табачных фабрикантов, в комнате, из окон которой открывалась упоительная перспектива на Хардтский лес.

Мы несколько недель проведем здесь на отдыхе и пройдем подготовку.

ФРИДРИХСТАЛЬ, 20 апреля 1940 года

Утром — в лесу. Отслаивая чешуйки коры ствола конского каштана, я обнаружил под ними неизвестного мне *muscetophagus* — продолговато-овальное, темно-коричневое существо с фиолетовым отливом, зубчатыми поясочками и крапинками золотистых волосиков в виде звездочек. Я как настоящий кладоискатель.

Научное изучение насекомых относится к тем наслаждениям, которые с возрастом только усиливаются. Познание видов, какое получаешь в тридцать, сорок или шестьдесят лет, уподобляется пирамиде, на вершине которой каждый раз оказывается новый фрагмент находок. Очевидно, что с накоплением опыта значение единичных случаев тоже вырастает.

Это можно сравнить с кроссвордом, разгадывать который тем приятнее, чем меньше пустых полей остается. Надо думать, жизнь таких людей, как Резель, Дорн, Фабр, Райттер, Зайтц и Гангльбауэр была весьма приятной. Коль скоро нам выпало возделывать такое чудесное поле счастья, мы должны избегать прыжков в сторону, дабы не уподобиться молодому ботанику из гофмановской «*Datura fastuosa*»¹.

В полдень в комнате полумрак — я неоднократно наблюдал, как замкнутое пространство при известных условиях превращается в *camera obscura*. На потолке, на стене видишь четкие проекции людей, идущих по улице. Почему в созерцании этих теней таится какое-то коварное удовольствие?

Вечером — красивое и ясное полнолуние. Когда в таком освещении на земле вырисо-

¹ «Ослепляющий дурман» (лат.).

ываются очертания кустарников, изгородей, беседок и прочих предметов, нас иногда охватывает настроение, в котором соединены очарованность и страх. Нередко я уже спрашивал себя, на чем оно может основываться, и прихожу к выводу, что в этом порождении теней формы сбрасывают с себя покров и приобретают одухотворенность. Они переходят в более высокий порядок, в тот порядок неразрушимости, который определяет их геометрию. На всех вещах лежит какая-то математическая печать, неосязаемая и мощная одновременно. Мы с трепетом вступаем в сетку теней и, проходя сквозь нее, начинаем действовать подобно ночным привидениям. И в то же время мы невольно затаиваем дыхание — раздайся сейчас вдруг некое волшебное заклинание, и мы снова будем низвергнуты в материю.

Казанова. Историки, устраивающие ему бухгалтерскую проверку, безмерно скучны. Источники первостепенной важности находятся в мемуарах, а не в публичных реестрах Венеции, Парижа или Вены. Человека не раскроешь, уличив его во лжи, — он, скорее, раскроется сам посредством тех способов и приемов, какими лжет.

Казанова как лицедей. Дитя лицедеев, спутник лицедеев. Его внешний вид, его кружева, его бриллианты, его табакерки, его дра-

гоценности. Он испрашивает у папы дозволения отделать бриллиантами врученный ему орден Золотой шпоры. Когда Берни дает ему государственное поручение, он выполняет его не как дипломат, а как лицедей. Во время званого обеда в Кельне он, опять-таки как лицедей, торжествует победу над простымдушным Кеттелером, который внутренне был гораздо его сильнее. Сходные штрихи разыгрываются в дуэли с Браницким, этом неисчерпаемом источнике его тщеславия. Там, в Польше, как и повсюду, где бы он ни задерживался, о нем вскоре начинает расходиться дурная молва. Он упоминает об этом в своих записках, причем так, что в воспоминаниях сам триумфатор оказывается безупречным. Это чисто лицедейский прием; ему достаточно ослепить приглашенных на вечер. И все же нельзя сказать, что он обращает в свою противоположность изречение «Быть больше, чем казаться», — а нельзя именно потому, что бытие и видимость для него особым образом являются равнозначными. Он лицедей по происхождению; и потому успех у публики ему обеспечен.

Впрочем — что же он может опровергнуть ложью? Может быть, то обстоятельство, что он, великий мастер в сей области, обладал, тем не менее, только второсортными женщинами? Остаются, включая Генриетту, комедиантки, авантюристки да дамы, у которых

ни гроша за душой. Что же касается ассортимента, то есть и другие дилетанты, вроде Байрона, на пример которых можно было бы сослаться. Примечательно, что наш кавалер лишь вскользь касается всего, что относится к Манон Балетти. Но она, пожалуй, все же занимала в его жизни самое большое место — правда, за кулисами, и об этом ни слова.

Чем объясняется та притягательность, которую этот богатый на пороки венецианец имеет для нас? По какому принципу наша память осуществляет выбор из огромного числа тех, кто когда-либо жил на земле и чем-то обратил на себя внимание? Почему нам по-прежнему близок такой бродяга, как Вийон, в то время как бесчисленное множество людей чести, которые уже в его время пользовались известностью, оказались преданными забвению? В основе этого выбора лежит, пожалуй, принцип целостной жизненной силы, что, как сок из корней, переходит в деяния и творения — силы, в которой, по ту сторону всех заслуг и всяческой морали, мы познаем самих себя, ибо она является нашим общим наследством.

ФРИДРИХСТАЛЬ, 23 апреля 1940 года

Простуда, в той малопривлекательной стадии, какая никак не желает перейти в следующую. Вдобавок — падение с лошади, споткнувшейся

на учебном плацу, падение головой вперед, к счастью, на мягкую землю. Тем не менее, я ненадолго оказался как бы оглушенным, и это состояние не проходило, пока люди отряхивали меня от пыли; я стоял между ними как абстрактный объект. Вечером с почтой неприятные новости.

Во второй половине дня — в Брухсальском замке с его знаменитой лестницей. К сожалению, хорошей фотографии не получилось. Наряду с лестницами в Майссенском замке, которые, подобно веретену, кажутся выбитыми в массиве камня, эти — самые красивые из тех, что я когда-либо видел. Неожиданный эффект от такого рода строений был бы еще сильнее, если бы прежде не приходилось видеть его бледных подобий. И все же впечатление *prima vista*¹ — удовольствие, доступное только современникам.

Когда мы постимся, чтобы излечить себя, то действуем подобно хозяину, который на некоторое время освобождает своего повара от его обязанностей, потому что должен выпроводить из дома непрошеного гостя. Постничество — великое лекарство; оно приносит не только здоровье, но и дает досуг и духовную мощь.

¹ Первого взгляда, на первый взгляд (*лат.*).

ФРИДРИХСТАЛЬ, 28 апреля 1940 года

В глубине Хардта, где еще сохранилась атмосфера одиночества девственного леса. Гроза, молнии и сияние солнца, а еще барабанная дробь дятлов вблизи и вдали. Черный дятел скользнул надо мной, когда я, растянувшись, лежал на мхах в дубовой лесосеке, потом он стал по спирали подниматься вверх вокруг старого ствола. С этой птицей поистине что-то нечисто, и особенно подозрительны пропорции: огромная голова на тонкой шее. Негнущиеся крылья издают в полете какой-то свист; ржущий крик жалобнее крика зеленого дятла. Распространенное в народе название «огненная курица» подобрано метко.

На моем столе в вазе цветут плачущие сердца — еще один тест для собственной проверки. Сейчас я оцениваю удовольствие от них, и мне кажется, что никогда еще оно не было таким сильным. Насколько все же недостаточны все наши научные системы по сравнению с одной такой цветущей веточкой! В них — объяснения нужды, но кто же объяснит изобилие?

ФРИДРИХСТАЛЬ, 8 мая 1940 года

Полковые учения проходили на всем протяжении Хардта до самого Тойч-Нойройта; я принимал в них участие в качестве судьи.

Утро было свежим и ясным; в лесу копыта лошадей касались островков майских лан-дышей. После короткого боя за овладение лесной опушкой — «общий отбой». В основу разбора учений генерал положил фразу о том, что успех этой войны зависит от быстрого наступления и маневренной войны на Западе.

В ротной подготовке мы также стремимся отработать атаку на широко рассредоточенные цели; в середине месяца она должна завершиться смотром. Кроме того, два дня в неделю я инструктирую ударную группу, в которую из каждой роты отбираются лучшие солдаты. Мы либо на небольшом укреплении тренируем вторжение с использованием боевых зарядов, либо разучиваем атаку с окружением на бункерах и бревенчатых срубах в лесу.

ФРИДРИХСТАЛЬ, 10 мая 1940 года

Ночью мне приснились авиационные эскадры, которые пролетали над домом. Поутру, в тире, я узнал, что в воздухе и вправду было оживленно. В сторону Голландии и Бельгии направлялись транспортные самолеты. Война, видимо, вступила в кризисную фазу, однако никто не взялся бы точно определить, сколько еще она могла продолжаться.

Во второй половине дня мы с полковником долго ездили верхом по красивым лесам и под вечер устроили остановку в Грабене, чтобы отведать спаржи. Во время верховой

прогулки неоднократно прибывали офицеры и посыльные на мотоциклах с распоряжениями — в одном из них говорилось о временном запрете на отпуска. Мы можем выступить в любой момент.

С большой неохотой оставляем мы Фридрихсталь, с жителями которого по-настоящему сдружились. Они ведут свое происхождение от гугенотов валлонской крови и носят такие фамилии, как Лакруа, Борель, Горенфло — последняя от *sœur-en-fleurs*¹. В 1720 году они принесли с собой знание табаководства и сегодня засадили весь Баден новыми растениями, грядки которых под рамами из промасленной бумаги в этих краях можно видеть теперь повсюду. Таким образом, они извлекают из своей земли десятикратную пользу. Правда, выращивание этой культуры требует массы стараний и добросовестности. Как гласит одна местная поговорка, фридрихстальцы — де спят только на коленях, устроив на кровать одну голову.

Поэтому они зажиточны, жизнерадостны, постоянно готовы к удовольствиям и не скупятся тратить деньги.

ФРИДРИХСТАЛЬ, 14 мая 1940 года

Приказ выступать сегодня вечером, цель похода неизвестна. Третьего дня, как оказалось

¹ *Sœur-en-fleurs*, букв. «цветочное сердце» (фр.).

вовремя, я устроил праздник для всей роты. На него мы пригласили и местных хозяев, у которых квартировали. Была спаржа, кофе, вино, пироги, затем выступление кабаре, где также приняла участие танцевальная студия из Карлсруэ. До самого утра в зале и коридорах продолжалось буйное веселье. Пользуясь правами начальника гарнизона, я несколько раз продлевал комендантский час, дабы не закрывать ресторан, тем более что в мои обязанности как старшего командира ударной группы роль стража добродетели все-таки не входила.

У меня при этом сложилось впечатление, что в нашем небольшом коллективе мало-помалу возник компанейский дух. Основная часть бойцов была из Магдебурга, а саксонцы, по моему ощущению, к ним гораздо ближе, чем нижнесаксонцы. Саксонцы живее, общительнее, они толковее в обращении с автоматическим оружием и привыкшие к грубой работе. Восклицание, которое я частенько слышал от них при выполнении тяжелых и неприятных дел, настолько пришлось мне по вкусу, что я ввел его у нас в качестве опознавательного боевого клича — а именно: «Ran wescke!», что, собственно говоря, означает «Ran welche!», то есть призыв на помощь рук, которых не хватает там, где необходимо их приложить. Так кричат заготовщики свеклы на магдебургских полях, когда работа горит.

Для полноты подготовки следовало добавить еще кое-что, чтобы отряд стал по-настоящему боевым, а именно — человеческих взаимоотношений, ведь они связывают людей на атомарном уровне. На это всегда требуется некоторое время; сперва необходимо переплести друг с другом определенный жизненный материал, накопить некий совместный запас маленьких страданий и радостей. Ведь история должна с чего-то начаться.

Прощальная прогулка по Хардтской долине, под крики дятлов и кукушек и под аккомпанемент баденского соловья, изысканного и голосистого, как Йенни Линд¹. Глубокий, мшистый ельник между Хиршграбенем и Ликкенхаймом. Нежное, сухое похрустывание сосновых шишек, из которых солнечный блеск брызгает семенами. Затем спрятанная в подлеске пасека, служащая для оплодотворения маток.

ШПАЙЕР, 15 мая 1940 года

Под вечер, перейдя городской ров, мы в хорошем расположении духа выступили в поход. Фридрихстальцы обильно украсили нас и наших лошадей цветами и проводили нас до

¹ *Йенни Линд* (1820—1887), прославленная шведская певица, блиставшая на лучших европейских подмостках как «шведский соловей».

самого Хардтского леса. Мы неохотно расставались с этими славными людьми, они нас избаловали. Затем наступили сумерки. Тучи майских жуков с жужжанием носились в воздухе над лесными перепутьями или кружили вокруг яблонь на проселках, усыпанных опавшими лепестками. Как почти всегда в таких случаях, нам создает неудобство какая-нибудь мелкая хворь. Теперь мне досаждал катар, но на этот случай у меня были при себе эмсские пастилки. Совершив серьезный переход, мы под утро прибыли в Шпайер.

ВАЙДЕНТАЛЬ, 16 мая 1940 года

Ночной переход из Шпайера до Вайденталя. Когда мы проходили через Нойштадт-на-Хардте, сирены возвестили воздушную тревогу, однако бомбежки, которая на узеньких улочках города доставила бы нам массу хлопот, все-таки не последовало. Переход был утомительный. Как всегда при таком напряжении в людях проявляются скрытые, до поры до времени неизвестные дарования. Так, во всяком случае, было в первом отделении, где остроумие расцвело пышным цветом. Около семи часов мы заняли квартиры. Как следует выспавшись, я первым делом пошел на почту и отправил в Кирххорст рукописи и дневники. При мне остается только эта тетрадка. На прощание я с обоими своими

офицерами, Койнекке и Спинелли, отлично отобедал у бургомистра, в чьем доме мы все трое и жили. Его супруга подавала к столу салат собственного приготовления.

КАУЛЬБАХ, 17 мая 1940 года

Снова серьезный ночной переход по горам Хардта через Хохшпайер, Кайзерслаутерн, Оттерберг до Каульбаха. Во время остановки в Кайзерслаутерне я спросил дорогу у какого-то бойца противовоздушной обороны. Он, немолодой человек, после этого случая, видимо, справился обо мне у моих сослуживцев, потому что через некоторое время спешно догнал меня и представился мне читателем. Он принес с собой бутылку очень доброго пфальцского вина и сунул мне в руку бокал. Пока он провожал меня, бокал не пустовал. В этой вечерней встрече было что-то особенное, духовное. Я почувствовал, что, будучи автором, ты и в темноте как у себя дома.

Затем привал в буковом лесу. Ветки деревьев свисали до самой земли и образовывали шалаши, под сенью которых мы и передохнули. За Оттербергом мертвая лошадь на обочине дороги — первая потеря. Место расквартирования в Каульбахе, где на каком-то крестьянском дворе мы спали едва ли не до полудня, а затем скромным пиром отметили день рождения Койнекке.

Итак, мы продолжаем продвигаться через Пфальц в западном направлении, идя навстречу либо большому сражению, либо какой-то запланированной операции. И чем дальше мы продвигались вперед, тем больше вырисовывалась возможность того, что нас повернут налево. При этом я чувствовал себя как в 1914 году, когда боялся, что пороку мне так никогда и не дадут понюхать.

ГРУМБАХ, 18 мая 1940 года

Через Лаутереккен в Грумбах, взятый в кольцо раскинувшихся по окрестным склонам фруктовых садов. Я с двумя своими офицерами устроился в доме пастора.

Наш распорядок дня определяется тем, что с наступлением темноты мы выступаем в поход и до позднего утра остаемся в пути. Затем почти весь световой день сон, еда, чистка оружия, построение и получение нового приказа на марш.

Я квартирую под крышей в небольшой горнице, с прекрасным видом на цветущие луга и каштаны. Среди домашней обстановки мое внимание привлек выдавший виды умывальный столик с черной мраморной плитой, в которой наряду с фрагментами светлого коралла была заметна окаменелая раковина величиной с куриное яйцо. В ее нежном профильном срезе вырисовывался высокий,

похожий на ряд шипов гребень и зубчатая кайма, напоминавшая стены замка. На этот маленький феномен, как я позднее узнал за ужином, никто до сих пор не обращал внимания, хотя умывальный столик находится в доме уже не один десяток лет.

ИДАР, 19 мая 1940 года

Подъем в полночь. Пастор приглашает нас на чашку кофе в свой кабинет, где готовит воскресную проповедь. Поскольку в последние месяцы я много раз останавливался в домах священников, у меня выработался некий орган для определения разницы в евангелической и католической атмосфере. Такому из книг по истории не научишься. У протестантов возникает ощущение мельчайших частичек, которые благодаря магнетическому напряжению висят в воздухе. Есть также различие между старой и новой аристократией. Размышления о неминуемости Реформации. Надо стремиться постичь это в единстве — так, как в случае с машиной, когда подъем делается круче, в действие приводится вторая передача. Двигателем становится этика. Ничего не говорит против того, что в ходе дальнейшего развития это приведет к одной церкви, к организации христианского мира.

Марш через Вольфштайн, Обер-Йеккенбах и войсковой учебный плац Баумхол-

дера с его обезлюдившими поселениями, затем через Болленбах до Идар-Оберштайна. Здесь, наконец, мы должны были расположиться биваком под Тифенштайном, однако во второй половине дня расквартировались в городишке. Во время выступления одна из лошадей копытом ударила лейтенанта Ванкела в паховую область; пришлось вызывать носилки.

Кров мы нашли на горе у одного фабриканта. Он оказался сведущим в медицине и приготовил мне для лечения катара добротный компресс. За ужином беседа о самоцветах, торговля и обработка которых процветает с незапамятных времен в этих краях. Уже римляне заботились о содержании здесь агатовых копей, и, как сказал наш хозяин дома, с той поры в Идаре сохранились римские фамилии. И в самом деле, при вступлении в город я лично видел фирменную табличку некоего Цезаря, который для полноты картины еще и носил имя Юлий.

ИДАР, 20 мая 1940 года

День отдыха в Идаре. До полудня в Павильоне ремесел, своего рода Торговом музее, где в изобилии выставлены на обозрение самоцветы. Особенно мне понравилось одно чашеобразное изделие из аметистов с вкраплениями агатов, роскошные пятнышки которых рас-

цветали из фиолетового снега кристаллов. Одновременно я испытал странное беспокойство, какое обычно сообщает нам близость мира горных пород своими пещерами, гротами и шахтными стволами, в которых, словно глубоко заключенный волшебным заклинанием, в холодной красе лежит скованный дух.

Целый день, пролетая над котловиной, гудели самолеты, по-видимому, транспортные. Вечером, в сиянии полной луны мы пили на террасе земляничный крюшон.

БЭШАЙД, 21 мая 1940 года

В три часа подъем, который преподнес мне исключительное сновидение: я беседовал о стиле Кассиодора¹, и притом с рыцарственным охотником раннего Средневековья, оказавшимся тонким знатоком древности. При этом мне не причиняло никаких хлопот то обстоятельство, что сперва я был современником автора, потом охотника и, наконец, двадцатого века. Я словно бы смотрел сквозь стекло, в котором объединяются три цвета. Несмотря на ранний час, я проснулся очень счастливым от осознания того, что гумус, из которого возникает для меня слово, по-прежнему богат неисчерпаемыми возможностями.

¹ Флавий М. А. Кассиодор (ок. 490—583), римский политический деятель и писатель готской эпохи.

Восхитительно свежим утром — по Идарской долине, где в зеленых складках гнездятся агатовые мельницы, ветхие и замкнувшиеся в себе, словно прибежища алхимиков или венецианцев. Догадываешься при виде их, что ремесло поднялось здесь на самую высокую, магическую ступень. Рядом с некоторыми из них сложены груды серых, величиной с детскую головку, агатовых глыб. Мельницы драгоценных камней. Там, где сокровищ не счесть, теряется их всякая связь с деньгами; они подчиняются высшему порядку ценности.

Затем в нарастающий зной — лесами Хунсрюка, над головой тянулись на запад одна за другой авиационные эскадры. Полуденный привал в Таллинге; здесь какая-то крестьянка освежила меня стаканом пахты. Когда, наконец, после трудного перехода дело дошло до распределения рот по квартирам, я получил для своей деревеньку Бэшайд¹, расположенную на высокой горе. Первым делом выгрузили поклажу, поскольку обоз мы должны были оставить в долине; и, чтобы немного ободрить солдат, я взвалил на себя доверху наполненный ранец. Оба офицера последовали моему примеру и подхватили еще пару. В густых облаках пыли, на змеей извивающихся крутых тропах пот лил с нас ручьями. И все-таки это восхождение было,

¹ Bescheid — решение, приговор, заключение (нем.).

возможно, лучшим средством против моего катара, ибо, когда я добрался до вершины, то почувствовал в груди облегчение. Переночевал я в небольшом домике, каждая комната в котором была увешана красивыми гравюрами на меди. По картинам узнается ценность обстановки; они — зеркало вкуса.

ВЕЛШБИЛЛИГ, 22 мая 1940 года

Снова чуть свет подъем, потом через Фелль и Лонгуих марш по долине Мозеля, вдоль подножия обширных, самым рачительным образом возделанных виноградников. При этом у меня складывалось впечатление последнего, завершающего штриха, которое только усиливалось благодаря виду мостов, строений и стоящих перед домами жителей. К тому же эти имена, вроде Децем и Квинт. На память пришли замечательные стихи Авзония¹. Здесь наш самый романский уголок. Южный Тироль не в счет. Выбор римлянами мест для поселений вовсе не был случайным. Мы, люди, — существа с невидимыми корнями, которые приживаются везде; однако процветаем мы только в соответствующем нашей природе крае.

Погода стояла гнетущая, душная; на сей раз страдали не столько ноги, сколько желудки,

¹ Авсоний (или Авзоний) (310—395), римский поэт.

кроме того: рвота, кровотечение из носа, головная боль, тошнота. После того как под лучами палящего солнца мы сделали полуденный привал в каменоломне, недалеко от Эранга, я и сам ощутил боль в затылке и, оседлав верного Юстуса, худо-бедно тащился дальше.

Во время перехода из громкоговорителей в деревнях и небольших городках мы узнавали о грандиозных успехах наступления. Для меня вязкость фронтов была своего рода догмой, а потому я теперь не переставал удивляться. Эта война до мельчайших подробностей отличалась от схемы войны прошедшей, и, следовательно, своими знаниями той схемы я более пользоваться не мог.

Расквартирование в Велшбиллиге. Я разместился у одного крестьянина, в доме, стоящем на римском фундаменте. Дав мне немного поспать, мой хозяин передал мне с Рэмом блюдо жареного картофеля с консервированной говядиной, чего хватило бы, чтоб до отвала накормить трех лесорубов. Отношение хозяина жилья к солдату — особое, поскольку, подобно священному праву убежища, оно по-прежнему причисляется к формам исконного гостеприимства, которое предоставляется невзирая на личность. Воин имеет право быть гостем в любом доме, и эта привилегия относится к самым замечательным, какие дает ему его сословное положение. Он делит ее только с преследуемым, со страждущим.

ЛИНТГЕН, 23 мая 1940 года

Выступление в поход как обычно. При погрузке оружия я краем уха услышал ответ одного унтер-офицера, которому возразил было ездовой: «Я предпочел бы - - - -»

«Попридержи-ка, голубчик, язык! Я предпочел бы прохладиться сейчас у бассейна».

Под Эхтернахом — через люксембургскую границу, переход которой я приказал отметить громким «*Ran weske!*» Первый же дом на границе был разрушен взрывом препятствия, устроенного на выходе с моста. На окнах висели жалюзи. За околицей весьма опрятного городка, на дороге, опять несколько воронок; здесь, вероятно, взрывали заграждение. Минуем Альтрир. Обеденный привал на небольшом хуторе, разговор с хозяином, хранителем охотничьего угодья. В этом человеке, как и в большинстве люксембуржцев, меня поразила изысканность языка. Это, вероятно, объясняется тем, что вместо использования обычного в Люксембурге нижне-немецкого диалекта они при подобных этой встречах переходили на немецкий литературный язык. Таким образом создавалось впечатление, что речи предшествовали размышления и тщательный подбор лексики — и, соответственно, что она адресовалась внимательному и вдумчивому собеседнику.

Тяжелый переход в Линтген, там на постое у какого-то пекаря. Городок переполнен солдатами и беженцами. У своего булочника я тоже встретил согнанных с насиженных мест люксембуржцев. Так, за ужином я беседовал с пятидесятилетней женщиной, которая, если я правильно понял название, проживала в Дюттвайлере, где продвижение в сторону противника уперлось во французскую границу. Во время разыгравшихся там боев она укрылась в подвале и провела там несколько дней, пока снаряды опустошали и выкорчевывали ее сад. Одним из них снесло эркер дома, другой повалил старую любимую яблоню. Осколками изрешетило крышу, куры с оторванными головами валялись по всему двору, поросята разбежались из разоренного свинарника; кровать, установленная ею в подвале, ходила ходуном. Обо всем этом грубоватая особа, которой такое, конечно, и в дурном сне не могло присниться, поведала мне с веселой красочностью, почти смеясь, или, скорее, с тем здоровым внутренним юмором, который живо передался и мне. Впрочем, она собирается пока побыть здесь, мы же тем временем покидали городок.

На марше я узнал от отпускников, что в Миссбурге, расположенном недалеко от Кирххорста, от бомбежки пострадали предприятия. Я подумал о Перпетуе, о детях, о своих коллекциях и рукописях, хранящихся

там под самым чердаком дома, однако не счел, что уже достоин лампы Нигромонтана¹. Шла и в самом деле тотальная война, во время которой существование каждого человека находится под угрозой.

РАМБРУХ, 24 мая 1940 года

Через Роллинген и Реккинген, цель перехода — Хемстерт в Бельгии. В Зойле, однако, появился командир полка с приказом развернуться вправо и достичь Рамбруха — это, по видимому, маневр оперативного характера.

Полуденный привал на лугу под Осперном. Обед как всегда был приготовлен вкусно и в срок, поскольку повара день и ночь трудились, что называется, не покладая рук. Поэтому перед выступлением я велел вызвать с кухни рядового Румке. Я поставил его перед строем и за выдающиеся заслуги в приготовлении чечевичной похлебки, которая опять вышла отменной, присвоил ему звание ефрейтора. Поскольку вкус приведенного мной аргумен-

¹ *Нигромонтан* — выдуманный персонаж, впервые появляющийся во второй редакции «Сердца искателя приключений». Затем также встречается в романе «Гелиополис» (1949). Автор называет его своим «наставником», который раскрывает перед ним магическо-реалистическое видение мира и обучает методике «стереоскопического зрения». Нигромонтан противопоставляется «мавританцам» (ср. комментарий к записи от 5 апреля 1939 г.).

та еще был свеж в памяти каждого из присутствующих, это вызвало бурю одобрения.

Через приятные глазу люксембургские пастбища мы продвинулись до Рамбруха; там я устроился в небольшом кафе. Владелец его был тучный, общительный человек фламандского типа, лет эдак тридцати. Если б на белом свете жили только такие люди, то шли бы не войны, а беспрерывные пирушки. «Парни, надеюсь, вы не воду пьете?», — приветствовал он, немедленно наполняя бокалы пивом, входящих в кафе четырех молодых рабочих.

НЕФШАТО, 25 мая 1940 года

Утром выступление через Мартеланж. Тут был разрушен мост, а также многие дома. Вероятно, дело рук подрывников. Там и сям были видны крестьяне, снова вышедшие на поля. Что же заставляет человека трудиться так неустанно: глубокое убеждение, инстинкт насекомого? Когда я записываю эти строки в свою тетрадку, во мне звучит примечательная реплика: «Сам-то ты вот тоже ведешь дневник».

Боланж, Фовийер, Витри. На этом пути следы боев между разведывательными отрядами, очень наглядные, словно они сооружены специально для учебных занятий по тактике. Видны кучки гильз на обочинах

дорог, рядом могилы, потом следы бронемашин, которые разворачивались на полях в боевой порядок и одна из которых сгорела дотла; наконец, заграждение на шоссе, опять с могилами и стальными касками бельгийцев на них.

В Тремоне полуденный привал. В домишке, из колодца которого я велел набрать воды, владелец пригласил меня на чашку кофе. Крестьянин семидесяти шести лет, впрочем, он произнес *septante-six* вместо *soixante-seize*. Он повидал на своем веку уже три войны, владеет тремя гектарами земли, кроме того, имеет сына, невестку да семерых внучат. Малышам, которые держались очень доверчиво, я дал денег в *tirelire*¹.

В Нефшато мы разбили палатки на окраине города. Обстановка в нем производит впечатление полной анархии. Подавляющая часть жителей бежала, дома стоят пустыми, предметы домашнего обихода свалены кучами. Я назначил ночной дозор для поддержания порядка и еще раз проинструктировал личный состав о том, что никакая степень разрушения не может служить оправданием злоупотреблению властью в вопросах собственности. Для наглядного объяснения своей мысли я приказал счетоводам оценить перед строем солому, реквизированную мною для

¹ Копилку (фр.).

палаток в ближайшем амбаре, и тотчас же наличными выплатить ее стоимость хозяйке.

Вступление в такого рода зоны всегда действует расслабляюще — это было заметно даже при обычной отдаче приказа, когда между офицерами вдруг возникли препирательства из-за лошади. Мне было любопытно, как же поведет себя командир. Он ограничился тем, что примирительно произнес: «Господа, давайте оставаться джентльменами, иначе мы никогда не стронемся с места». Короткая фраза подействовала безотказно, будто отрезвляюще.

Около двух часов утра в населенном пункте зенитный огонь, однако, налета не последовало. Целый день, как всегда, только немецкие машины.

ГИВОНН, 26 мая 1940 года

В пять часов выступление через Бертри и Фай-ле-Венер. Снова сильные разрушения. Жители, кажется, бежали в большой спешке. Нередко какой-нибудь дом еще выглядит снаружи весьма хорошо и уютно, однако стоит заглянуть в окна, как перед глазами предстает картина чрезвычайного беспорядка. Коровы с переполненным, вздутым выменем стоят на лугах, откуда доносится их жалобное мычание. Лишь по дорогам тянутся войска, иначе вымерший и обезлюдивший ландшафт

выглядел бы совсем призрачно. Вскоре, после того как мы построились, мимо проследовал генерал, и мы узнали, что вместо Буйона, куда уже были отправлены квартирмейстеры, мы еще сегодня должны будем добраться до Гивонна. Это было уже второе подобное вмешательство в наш переход.

В лесу перед Фай-ле-Венером нам повстречалась колонна более чем четырех тысяч пленных, — в основном это были цветные, — подобно какому-то костюмированному и этнографическому показу они продефилировали мимо нас. Среди них находились и несколько европейцев, в большинстве своем с медалями за Мировую войну и уже седовласые. После сильного ливня мы устроили привал на еще влажном лугу.

Всю вторую половину дня мы продвигались дальше через обширный Арденский лес, то поднимаясь в гору, то опускаясь под гору. Через французскую границу — поскольку в отсутствие командира я как раз вел батальон, то послал связного напомнить Спинелли отметить это событие кличем «*Ran wecke!*». На пути все новые сгоревшие автомобили, сбитые самолеты, могилы, домашняя утварь. Повозки беженцев похожи на корабли; видны обломки предметов, словно морем выброшенные на берег там, где они потерпели крушение. И мертвые лошади — проходя мимо одной, сплошь усыпанной мухами,

посыльный заметил: «Прямо кипит изнутри», — чем весьма удачно выразил состояние, в котором она находилась. Посреди этого хаоса уже тянутся мощные кабели, на которых в некоторых местах висят маленькие таблички, грозящие смертью каждому, кто повредит их. Это — нервные стволы армии. Во время одного из привалов я осмотрел небольшое, добротное возведенное укрепление, которое, видимо, для сдерживания бронемашин, удачно располагалось на изгибе шоссе. Грациозные орудия, еще подкарауливая, смотрели из амбразур, кучи гильз были разбросаны вокруг них. Потом — на позициях, огибавших укрепление, пока внезапная мысль о том, что перед ними, должно быть, заложены мины, не испортила мне изучение.

Через Буйон, над которым на горе возвышалась крепость. В черте города развороченные дома, развалины длинных улиц, особенно в районе старого моста в центре. Мимо прошли люди с бутылками вина; я отрядил Рэма на велосипеде, чтобы разнюхать источник; он вернулся обратно с несколькими бутылками бургундского. По его рассказу, он побывал на каком-то армейском складе, в подвале которого восседала изрядно подвыпившая компания. Вообще, надо заметить, вдоль всего продвижения в сторону противника стояли бутылки из-под шампанского, бордо и бур-

гундского. Я насчитал, по крайней мере, по одной на каждый шаг, не говоря уже о местах лагерных стоянок, которые выглядели так, как будто их оросил бутылочный дождь. Ну, да это, пожалуй, уже стало традицией кампаний во Франции. Каждому вступлению германских войск сопутствует преизобильное возлияние, как его устраивали боги Эдды и перед которым не устоят никакие запасы.

Квартира в Гивонне, с общим размещением в замке, в городе сильное разорение; нередко в тех местах, где стояли дома, видны лишь чудовищные, заполненные желтой водой воронки. В парке — свежие могилы немецких солдат медико-санитарной службы, погибших там в результате прямого попадания бомбы. Автомобиль владельца вверх колесами лежит в замковом пруду. Я спал на полу в детской рядом с полкой, уставленной книгами, и на сон грядущий полистал школьные тетрадки.

БУЛЬЗИКУР, 27 мая 1940 года

В восемь часов выступление. Вокруг царит мертвая тишина, которая поразила меня еще в Бельгии. Пустынный ландшафт, только солдаты, с лошадьми и повозками влекущиеся вперед по дорогам, оживляют его.

Еще в утренние часы мы вступили в Седан. Город был сильно разрушен; большие

дома смяты прямыми попаданиями бомб, другие лишились фасадов, так что внутренность комнат и роскошных залов смотрелась теперь как на архитектурном профильном сечении, да еще винтовые лестницы, повисшие в воздухе. В переулке, который мы пересекали, картина, кажется, стала веселей. Мы увидели солдат: одни просунули головы через голые стропила крыш, другие наполовину вывесились из окон. На красных шнурах от гардин они спускали вниз покачивающиеся бутылки с бургундским, одну из которых, подобно рыбе намерившейся удрать с приманкой, я тотчас же изловчился подхватить на ходу: «Châteauneuf-du-pape» урожая 1937 года.

Город мы покидали по дороге на Доншери, где я увидел новое поколение знаменитых тополей и вязов. В пыли, по правую от меня руку, лежала великолепная ангорская кошка с черной, подсвеченной бархатисто-коричневым шкуркой, распластавшаяся наподобие коврика. Когда я наклонился с седла, чтобы поближе разглядеть ее, в нос мне ударил запах падали. В садах цветущие пионы, между ними кролики, грызущие листья салата. Короткий привал, по счастливой случайности возле какого-то склада, битком набитого сапогами и одеялами, из чего я приказал укомплектовать недостающее нам количество. Мой унтер-офицер, командующий кухней,

некоторое время маршировал бок о бок со мной, он поведал мне, что его дед в 1870-м, его отец в 1914-м, и теперь вот он сам в 1940 году проходили этими местами.

Недалеко от знаменитого домика на дороге стоял генерал, он поприветствовал роту и поинтересовался моим самочувствием, когда, подъехав к нему верхом, я отдавал рапорт.

«Благодарю, господин генерал, хорошо. Можно ли надеяться, что мы, наконец, вступим в бой?»

«Вступите, сударь, вступите — под Сен-Кентеном».

Дальше мимо этих поразительных мест. В деревнях и городках не дымил ни один очаг, на нашем пути не повстречался ни один ребенок, ни одно живое существо. Нередко я прижимался лицом к стеклам окон и тогда видел в комнатах накрытые обеденные столы, с тарелками и бокалами, но без гостей и хозяев — картину внезапно прерванных трапез. В церквях еще стояла на алтарях серебряная и золотая утварь, а во дворцах жизнь, казалось, заснула беспробудным, как в замке Спящей Красавицы, сном — мертво, мертво, мертво. Весьма примечательно было то, что в населенных пунктах, вдоль бордюрных камней, были расставлены длинные ряды всевозможных стульев, от простой кухонной табуретки до роскошного, отделанного золотом и пурпуром кресла — однако все пустые, будто на них

восседали призраки. Впрочем, когда я поинтересовался у единственного попавшегося мне навстречу жителя, что все это значит, — тот поведал мне, что-де приезжал на грузовике какой-то военный чин и велел в кратчайший срок провести очистку помещений. В результате мэр оказался пьяным в стельку, а беспорядок чрезвычайным. Это меня немного утешило, ибо я увидел, что зрелища, столь угнетающе подействовавшие на меня, лежат в природе вещей и не объясняются исключительно нашим присутствием. Предметы обихода обладают тем свойством, что из дома, который покинули, исчезает номос¹; лары и пенаты не остаются в нем. Во всяком случае, на примере увиденного учишься ценить ту могущественную, почти незримую работу, которая продлевается благодаря семье.

Совокупность всего являет грандиозное фойе смерти, прохождение через которое основательно потрясло меня. В один из ранних периодов своего духовного развития я часто погружался в видения абсолютно вымершего и обезлюдившего мира, и не стану отрицать, что эти мрачные грезы доставляли мне тогда наслаждение. Здесь же я вижу идею осуществленной, и мне хотелось бы верить, что, даже если бы никаких солдат не было, дух очень скоро все равно бы разрушился — в эти два

¹ Nomos — обычай, закон, порядок (*иреч.*).

дня я уже успел почувствовать, как уничтожение берет свое.

На марше я время от времени беседовал с нашим младшим офицером-оружейником, который делал меткие наблюдения и, сообщив их смысл мне, снова устремлялся на велосипеде вперед и опять возвращался, некоторым образом, чтобы принести мне, как собака поноску, образы, которые он схватывал на лету. Так, он полагал странным, что встречавшиеся ему музыкальные инструменты были разбиты — это символизирует амусический характер Марса и, если мне память не изменяет, уже отмечено на великом полотне Рубенса, посвященном теме «Марс и музы». Зеркала же, напротив, в большинстве своем остаются невредимыми — он объяснял это тем, что они-де используются для бритья; есть, вероятно, тому и другие причины. К области демонологии относится и то, что, несмотря на поспешность стремительного наступления, всегда находятся люди, которые выкраивают для себя время на то, чтобы выставить в окнах пустующих домов на обозрение разные абсурдные предметы: набитые чучела птиц, цилиндры, бюсты Наполеона III, портновские манекены и тому подобное.

По дороге разбившиеся самолеты, один из которых, за Седаном, рухнул прямо на крышу и теперь держал ее в тисках своих крыльев. От взрыва обуглился не только дом; зелень

окружавших его деревьев поблекла и высохла от огня. На лесном участке танки, из них трупный запах.

Сразу после обеда в Бульзикуре расположились на постой. Совещание в саду; я нашел офицеров подтянутыми, физиономии их словно вылиты из звонкой бронзы. Когда на обратном пути я в сумерках шел через разрушенную Рыночную площадь, то попал на своеобразный маскарад: люди в цилиндрах, соломенных шляпах, фуражках железнодорожных служащих и тропических шлемах водили карусель на мотоциклах и автомобилях без покрышек, которые они с грехом пополам заставляли двигаться. Кроме того дома с искромсанными на куски ставнями, двери с предупреждениями вроде: «В подвале трупы» — или: «Осторожно, мины» — нанесенными, вероятно, теми, кто предпочел бы никому не предоставлять кров. Поодаль мясная лавка: на колодах и прилавках еще в огромном количестве лежало мясо, тошнотворный смрад проникал на улицу сквозь ее красные решетки.

На квартиру, через маленький мостик, мимо мертвых лошадей. Другие животные лежали по огородам, например большой дог с желтой, вздувшейся на жарком дневном солнце шкурой.

В своей комнате я еще выпил бутылку «Châteauneuf-du-pape», вспоминая при этом

Буркхардта¹, чьим любимым вином было именно это. Можно сказать, что его опасения оправдались. Меж тем я перелистывал бумаги, которые хозяин, по всей вероятности, собирал в большой спешке и второпях все же забыл, например, свой брачный контракт.

ДУМЕЛИ, 28 мая 1940 года

Пробудившись ото сна, прошелся по садам, где прыгали кролики, тогда как перепуганные куры жались к общинным угожьям. Было видно, как они сбивались в кучки за ближайшими луговыми кустарниками. Потом кофе, и в десять часов выступление. Поскольку две лошади захромали, я оставил багажную повозку здесь, к великому удивлению командира обоза, нашедшего мой приказ совершенно непостижимым.

Далее — через Вийер-сюр-Мон, Пуа-Террон, Монтиньи-сюр-Венс, когда на протяжении всего пути нас сопровождали одна на другую похожие картины. Пустые, необитаемые дома, мертвые лошади и одинокий, мычащий скот на пастбищах. Полуденный привал в Ля-Лобб. Мы установили стол прямо на шоссе и распиваем бутылку бургундского

¹ Имеется в виду *Якоб Буркхардт* (1818—1897), базельский историк культуры, автор эпохальной «Культуры Возрождения в Италии» (1860). Юнгер причислял Буркхардта вместе с Ницше к крупнейшим диагностам современности.

под бульон, приготовленный из отловленных в Бульзикуре кур.

Вечером в Думели, в каком-то покосившемся доме. Спал еще в кровати, однако совершенно не раздеваясь и с седельной сумкой под головой.

БЮСИ - ЛЕ - ПЬЕРПОНТ, 29 мая 1940 года

На заре выступление, после всего лишь пятичасового отдыха, который, как обычно, был урезан наполовину получением приказа, раздачей пищи и всевозможными делами. Кроме того, мы сегодня снова оставили за плечами приличное расстояние, так что с длинными остановками мы, собственно говоря, одолели уже в общей сложности девяносто километров.

Через Порсьен, Вадимон, Фройикур. Это та самая местность, где я лежал в 1915 году, с ее домами из белого мелового камня, который красиво обрамляется у окон и дверей полоской матово-красного кирпича. Под выцветшей с течением лет штукатуркой проступили указатели дорог и надписи времен тогдашней дислокации нашего гарнизона. Я испытал при этом странное чувство — как будто они вспыхнули под действием рентгеновских лучей.

В первом же населенном пункте, Адоне, свежие могилы на деревенской площади, где

позавчера полевая кухня опрометчиво взялась раздавать пищу при свете дня и тем самым предоставила самолету удобный случай для налета. Тридцать два убитых. Ключья обмундирования до сих пор валяются вокруг.

Переход был утомительным; люди, однако, держались молодцами. Иным не терпелось проявить ту же выносливость в бою — то, как после тяжелого марша, не передохнув, они без единого слова возражения, даже, может быть, разочарования, заслушивали приказ к новому отправлению в дорогу, было просто феноменально. Молча, довольствуясь малым, двигались они на пределе человеческих сил.

Во второй половине дня в Бюси-ле-Пьерпонт, одном из типичных захолустьях меловой провинции, к единственно сохранившемуся колодцу которого повара и ездовые по несколько часов выстаивали в очереди за водой. На деревенской площади две боевые машины: маленькая немецкая и тяжелая французская по имени «Атос», окрещенная так, вероятно, каким-нибудь заядлым читателем «Трех мушкетеров». Я залез внутрь и вынужден был, как всегда, констатировать, что в этих воняющих маслом, бензином и резиной штуковинах я чувствую себя в высшей степени неуютно.

Прогулка по садам, где возились куры, кролики, хрюшки. Падаль тоже там и сям валялась на грядках. Я насобиравал здесь зеле-

ного горошка и корешков, надергал редиски. Снова выбыли из строя две лошади. Поэтому я бросил здесь очередную повозку.

Под вечер через населенный пункт прошли свыше тысячи пленных французов. Я побеседовал с некоторыми; они рассказали, что война для них длилась всего десять минут, в течение которых их, по выражению одного эльзасца, «стер в порошок» немецкий танковый полк.

ЛАНДИФО, 30 мая 1940 года

В полночь отдача приказа. Вскоре после этого общий подъем и марш через Эбулё, Марль, ле Эри-ля-Вьевиль. В Марле наш путь лежал через гигантское винохранилище, из которого осуществлялась раздача войскам. Я заставил их расщедриться на два бочонка красного вина и бутылку коньяка в придачу.

Мертвые животные: главным образом лошади, сильно распухшие, с непомерно вздыбленными половыми органами. Синие, зеленые и золотистые мухи сновали по их туго натянутой шкуре, осы тоже глодали их кожу. Они умерли от изнурения; когда мимо проходят другие лошади, видишь, как утомленно ступают они на передние ноги и, словно в последнем протесте, задирают шеи. Кроме того, мертвые собаки, угодившие под колеса автомобилей или сдохшие от голода на цепи;

коровы, куры, овцы, очень много кроликов и кошек. Несколько раз мне даже показалось, будто из недр оставленных строений доносился вопль запертых там животных.

Размещение в Ландифо, в пустом доме.

ЛАНДИФО, 31 мая 1940 года

День отдыха в Ландифо. Всю ночь мне снилось, что я продолжаю наш марш.

В полдень отправился бродить по вымершим хуторам и близлежащим угодьям. Погода стояла ветреная и душная. Я стал замечать, что в абсолютном одиночестве, вдали от отряда, у меня вскоре появляется ощущение боязни. Читал письма, рассматривал фотографии в покинутых жилищах, подобные документам ушедшей культуры.

В замке остановились летчики, чтобы подготовить здесь квартиры для штаба. Они прибыли из Булони, как рассказал мне майор, с которым я разговаривал. От него я услышал такие подробности, которые для старого знатока сражений военной техники показались просто поразительными. Большие препятствия прежних времен, такие как Сомма, Верден или Фландрия, настолько крепко запечатлелись в памяти, что укрепленные позиции и сегодня по инерции считаются непреодолимыми. А между тем, в извечном состязании огня и движения, огонь,

похоже, снова оказался оттесненным, ведь быстрые соединения зачастую оперируют вдали от пехоты. Так случилось, что однажды мой майор оказался примерно на два дневных перехода впереди своей собственной пехоты, чтобы подготовить постой в каком-то замке. И, появившись, узнал от владелицы замка, которая, видимо, не знала немецкой формы, что комнаты - де уже подготовлены — правда, как затем оказалось, для английского штаба, который в тот же день предупреждал о своем прибытии. Эта история напоминает мне Семилетнюю войну.

ЖЕРСИ, 1 июня 1940 года

Ночью тяжелые сны, как будто покинутые жилища заплетались некой тканью, поросшей буйной сновидческой флорой. Мне чудилось, будто я разглядел самую суть и каркас этой войны.

Следующий день отдыха в Ландифо. В первой половине дня построение по полной форме, затем прогулка до одинокой мызы. Индюк, куры, утки с отливающими металлом перьями и красными роговыми клювами на пустом дворе. В амбаре шерсть, овес, кукуруза и зерновой хлеб. В столовой на белой скатерти со всевозможными бокалами был накрыт торжественный обед на множество персон. Остатки кур и гусей уже

подозрительной свежести еще лежали на блюдах, а среди опорожненных наполовину винных бутылок стояли такие же, полные оливкового масла и ветеринарных лекарств, видимо, принятых разгоряченными бражниками за ликеры.

Перво-наперво я набрал по курятникам яиц, а затем, словно опьяненный одиночеством, дал волю несдержанности. Так, я забрался на высокую водонапорную башню. На одной из входных площадок я разглядел большой красный огнетушитель, и, поскольку мне никогда не случалось видеть эти предметы в эксплуатации, я ударил им об пол и выпустил из него белую пенистую струю. Однако внезапно, в самый разгар этих занятий, на душе у меня стало отвратительно, и я вернулся обратно в городок. Там я приказал прибраться в жилых помещениях, а потом мы зарезали быка. И как раз, когда все уже было готово, поступил приказ выступать.

Совершив ночной переход, мы достигли Жерси, где застали лишь несколько жителей. Мы втроем разместились у одной пожилой дамы, которая встретила нас так, словно ждала от нас самого худшего.

ЖЕРСИ, 2 июня 1940 года

Разговор с пожилой дамой, отмерившей уже седьмой десяток. Ее дети и внуки бежали, она

даже не знает, куда. Она рассказала мне, что при нашем приближении возникла настоящая паника. Когда же в окрестностях Жерси завязался небольшой бой, ее дочь с детьми кинулась в автомобиль и помчалась отсюда, а пули уже свистели вокруг машины. Старушка захворала, как хворает растение, которому подрезали корни. Я утешил ее, как мог, и приказал ординарцам, ребятам весьма толковым, снять с нее бремя всякой работы, в том числе и связанной с приготовлением еды.

В покинутой церкви. Впрочем, *aumônier*¹ остался и продолжает звонить. В ризнице небольшой склад вина для причастия. Оказалось, что жаждущие души нашли его вполне соответствующим каноническому предписанию: «*Vinum sacramentale debet esse de gemine vitis et non corruptum*»², — ибо разбросанные по полу бутылки лежали пустыми.

Вечером у командира. Сидя там, я перелистывал многотомный труд, в котором воспроизводилась живопись Лувра, и при этом вспоминал состоявшийся семьдесят лет назад между Ницше и Буркхардтом разговор о судьбе этих коллекций.

¹ *Aumônier* — священник (при войсковой части, тюрьме или каком-либо другом учреждении); капеллан; духовник (*фр.*).

² Жертвенное вино должно быть из подходящего винограда и не испорченное (*лат.*).

ЖЕРСИ, 3 июня 1940 года

Второй день отдыха в Жерси, за которым, может быть, последуют и другие. После операций, проведенных на севере, происходит, похоже, новая предварительная подготовка танковых войск для удара по Парижу. Наша дивизия тоже будет сопровождать его, однако при новых и неожиданных темпах, не думаю, что мы лицом к лицу столкнемся с вооруженным противником, если, конечно, продвижение вперед не застопорится в районе Марны. Прежде всего, мне кажется опасным, что не видно ни одного неприятельского самолета.

Я подолгу беседую с пожилой дамой, мадам Робо. Она говорит, что с той поры как мы появились в доме, она может, наконец, спать.

ЖЕРСИ, 4 июня 1940 года

Прогулка верхом по полям и лугам, на которых в полном соку стояли некошеные растения — золотисто-желтые сложноцветные травы, маргаритки, своими звездочками щекочущие брюхо лошади, чистый, ярко-красный клевер, какой мне случалось видеть только на склонах сицилийских гор.

Во второй половине дня у полковника Кехлинга; кажется, наше пребывание здесь будет недолгим. Вечером снова ходил по

оставленным домам; отворив дверь в одну комнату, я наткнулся на огромную черную собаку, которая пристально уставилась на меня горящими глазами. Я спешно прошел в соседнюю каморку и увидел там на диване желтого дога, а на полу — белого пинчера, который при виде меня яростно залаял. Похоже, здесь был клуб осиротевших собак.

Цветы в садах — бледно-фиолетовый ирис со щеточками желтой пыльцы на чашелистике, вызывающими эротические ассоциации. Наслаждение пчел и шмелей, облетающих их, должно быть, исключительное. Быть может, впрочем, что все наши теории о социальных животных искажены и то, что мы считаем работой, на самом деле является наслаждением. Затем последние плачущие сердца и пионы, а еще флокс, одурманивающий своим благоуханием в сумерках. В эти часы пробуждаются все его краски, и вокруг цветков начинают роиться насекомые. Флокс, огненный цветок, когда растет отдельно — непривлекателен, зато множество кустов выглядит роскошно — это и есть гегелевский переход в качество.

ЖЕРСИ, 5 июня 1940 года

Утром опять верховая прогулка по красивым полям, еду на обсуждение свежеприобретенного опыта наступательного боя. Сейчас вой-

ска могут продвигаться так, как в 1918 нами не снилось. Пикардия с ее мягкими склонами, деревеньками, лежащими в окружении фруктовых садов, пастбищами, по краям которых стоят высокие тополя, — о! сколько раз уже этот ландшафт восхищал меня. Здесь всеми фибрами души чувствуешь, что ты во Франции; поэтому всегда остаются с тобой долины и взгорья отечества.

Я ежедневно, больше ради практики, беседую подолгу с нашей хозяйкой, и при этом всегда нахожу чему научиться. Так, к примеру, пчелы, *les abeilles*, в просторечии называются также: *les mouches*.

Вечером ужин у командира. Во время десерта прибыл посыльный из полка с приказом в течение часа приготовиться к выступлению. Новое наступление, должно быть, началось сегодня утром; мы здесь ничего об этом не слышали. Я пишу эти строки, пока Рэм упаковывает вещи.

ТУЛИ, 6 июня 1940 года

Переход до Тули, куда мы прибыли в четыре часа утра. Разместились в чьем-то большом имении: бойцы в доме на полу, лошади на лугу, повозки и кухни во дворе. Спал на кровати, положив под голову седельную сумку, в тесной, основательно обчищенной мароде-рами комнате: на стене остался один только

женский портрет, фотография флоберовских времен, излучавшая мощную эротическую энергию. Перед тем как заснуть, я посветил карманным фонариком на туго стянутую корсетом очаровательницу и позавидовал нашим дедам. Им довелось срывать первые всходы распада.

Во время ночного марша нам то и дело попадалась навстречу пададь. Впервые мы шли прямо на орудийный огонь, залпы звучали где-то рядом, затем слышались тяжелые разрывы снарядов. Справа — веера прожекторов, между ними — желтые, подолгу висающие в воздухе сигнальные ракеты, вероятно, английские.

Поскольку теперь мы в любой момент могли вступить в бой, то в полдень, при свете яркого солнца, я с командирами взводов пристрелял автоматы. Их огневая мощь произвела на меня хорошее впечатление. Перед скирдой соломы я велел расставить длинный ряд порожних бутылок из-под вина, недостатка в которых здесь не было, и потом их обстреливать. Одной короткой очереди было достаточно, чтобы вдребезги разнести любую из них. Упражнение стало причиной несчастья для старой, жирной крысы, внезапно выскочившей из своего соломенного убежища с окровавленной мордой, которую Рэм, не долго думая, прикончил бутылкой.

На обратном пути разговорился с одним пожилым французом, на своем веку видевшем уже третью войну, причем войну 1870 года — глазами пятилетнего мальчишки. Женат, трое дочерей; на мой вопрос, красивы ль они, невозмутимо повел рукой: «Comme ci, comme ça»¹. Впрочем, я ощутил в нем при встрече то достоинство, какое придает человеку долгая и многотрудная жизнь.

Очень жарко. В церкви. В одном из боковых нефов множество пожилых женщин, устроившись на соломе, бесчисленными ртами поглощало похлебку из круглых чашек. Ее принесла молодая девушка, которая теперь сидела на скамье, погрузившись в молитву.

Потом на кладбище. Двое мужчин рыли могилу — для старика, третьего из беженцев, что умерли за последние два дня. Они копают на давнишнем месте погребения; один из них извлек на свет чей-то череп.

Вообще для войн и судьбоносных катастроф характерно метание из крайности в крайность. Сначала начало боевых действий представляется совершенно невозможным, а затем — неминуемым. Таким образом, мы пребываем в неопределенности до тех пор, пока, наконец, не грянет гром. Однако гром сей уже давным-давно предопределен в рас-

¹ Так себе (фр.).

четах высшего генералитета. В этом-то и заложена аллегория всей жизненной ситуации. Нам не избежать участия, когда разразится буря.

Размышление во время вчерашней ночной поездки верхом — о механизации смерти, о бомбах пикирующих бомбардировщиков, об огнеметах, о всевозможных сортах отравляющих газов — короче говоря, обо всем том мощном арсенале уничтожения, который приобрел угрожающий размах. Все это только театр, чисто сценическое оформление, сменяющееся вместе со сменой времен и, к примеру, в эпоху правления Тита¹ игравшее не меньшую роль. Уже первобытные народы не были избавлены от такого рода забот; и сейчас можно встретить племена, подвергающие человека самым изобретательным пыткам. Ужасы уничтожения, как на старинных картинах адских мук, всегда сопровождаются тщательным изображением технических деталей.

Но дистанция, отделяющая нас от смерти, всегда остается неизменной. Одного шага достаточно, чтобы отмерить ее; и если мы будем полны решимости и осмелимся на него, тогда все остальное покажется не более чем

¹ *Тит Флавий Веспасиан* (39—81), римский император с 79 года.

искушением. Картины, которые встречаются нас на этом пути, суть зеркальные отражения нашего бессилия — они меняются вместе со сменой эпох, которым мы принадлежим.

ЛАОН, 7 июня 1940 года

Ночь провели в Тули, вероятно, из-за сопротивления, оказанного наступлению на нашем участке фронта. Французы обороняются на высотах у канала Эн-Уаза, и вчера после полудня 25-й дивизии удалось продвинуться на участке леса южнее Санси. Наша 96-я дивизия пока остается в прежнем районе, однако может выступить с минуты на минуту.

Около полудня марш в направлении Лаона, который располагается на горе и виден как на ладони. Город, где мне случалось уже бывать в 1917 году, живо сохранился в моей памяти как ключевая романская цитадель передового края, и я не думаю, что мое чувство меня обманывает. Вокруг древних святынь царит особая атмосфера.

По дороге снова мертвые лошади, две из них плавают в огромной воронке от снаряда. Дальше — подбитые танки. Сильные разрушения на подступах к населенному пункту и в пригородах: ландшафты баррикад.

Невыносимый зной, в городе тоже. Я приказал составить винтовки в шалаши и послал квартирьера в отведенный для нас квартал.

Когда во время отдыха я со Спинелли сидел в удобных креслах для бритья, вынесенных нами на улицу из заведения какого-то куафёра, мимо проехал генерал и прокричал мне, что сегодня взят Суассон, а Энский канал форсирован в трех местах.

Размещение на окраине города; я с двумя офицерами занял виллу с большим садом и просторной террасой. Поскольку чрева винных подвалов были еще полны, я откомандировал транспорт, вернувшийся вскоре загруженный бутылками и бочонками с красным вином. Для подобных поручений следует выбирать людей мозговитых, которые быстро соображают, что к чему. Другие, смотришь, возвращаются с уксусом, *vinaigre*¹, вместо вина и приносят банки, полные краски, вместо консервов. Потом я велел зарезать корову, поскольку поставленное мясо было сомнительного качества. Прямо с террасы я указал на одну из коров, которые паслись на огородах. Изобилие мяса с незапамятных времен относится к приметам только что одержанной победы.

Большая часть роты вооружилась велосипедами, среди которых можно было увидеть и тандемы, и дамские велосипеды и маленькие мопеды. Полковнику это, равно как и украшение транспорта гротескными символами,

1 *Vinaigre* — уксус (фр.).

показалось верхом безобразия. Он устроил засаду у одного из колодцев и без лишних слов посадил под арест бойца, разгуливавшего возле колонки в тропическом шлеме.

Я пишу эти строки, облившись с головы до ног в ванной, устроившись на террасе и дегустируя ликеры «Cointreau» и «Fine Champagne», обнаруженные нами в домашнем баре. На расстоянии небольшого перехода, у Шэме-де-Дам, слышна артиллерийская канонада: множество дробных ударов, подобно обвалу в горах. Резкие реплики в страшной беседе. Когда слышишь ее так, как я слышу ее сегодня, тогда со всей очевидностью понимаешь, что среди людей, веда они даже хоть самые ангельские речи, настает когда-нибудь предел слову. Начинают говорить эти голоса из железа и пламени, рассчитанные на устрашение, — и тогда сердца до последних глубин подвергаются поистине тяжкому испытанию.

ЛАОН, 8 июня 1940 года

Вечером еще читал Бернаноса¹ — первую книгу, опубликованную этим автором со вре-

¹ *Жорж Бернанос* (1888—1948), французский писатель, провозвестник духовного обновления на основе католицизма. Борьбу добра и зла он представлял в своих произведениях как схватку Бога и Сатаны. Автор романов «Под солнцем Сатаны» (1926), «Дневник сельского священника» (1936), «Мертвая община» (1940, опубл. 1943) и других. Здесь,

мени его переезда в Южную Америку. Я нашел ее здесь, в доме, и перед тем как заснуть поразмышлял о положении этого ума, которое может служить поучительным примером. Перед моей поездкой в Париж Штайнер горячо призывал посетить его; и, возможно, лишь его известность помешала мне выполнить его наказ, поскольку среди всех знакомств, к каким можно стремиться, именно знакомство с людьми известными привлекало меня меньше всего. Представляется, что в той степени, в какой мы делаем себе имя, мы теряем в качестве — в том, которое я назвал бы качеством соседа. По мере нарастания известности у толпы, человек утрачивает свое значение как ближний. Это, прежде всего, видно по женщинам: насколько все-таки отзывчивее любая из них, нежели те звезды, что глядят на нас с обложек журналов.

Среди ночи я был разбужен взрывами авиабомб, сброшенных в ближайших окрестностях города. Я собрался было спуститься в подвал, но сапоги мои куда-то запропастились. Тогда я оставил эту затею и вскоре снова уснул.

скорее всего, имеется в виду книга «Большое кладбище под луной» (1938). Сборник прозы «Дом живых и мертвых» вышел из печати уже после смерти, в 1949 г. Большое влияние на творчество Бернаноса оказало мировоззрение Леона Блуа. Бернанос покинул Францию 20 июля 1938 г. и эмигрировал в Бразилию, откуда вернулся лишь в июле 1945 г.

В первой половине дня мы со Спинелли совершили познавательную прогулку по знойным садам на склоне горы. Розы, белые пионы, жасмин. В различных домах, частью поврежденных попаданиями снарядов. В одном из них сквозь брешь в стене столовой мы увидели шелкового паяца; он небрежно восседал на буфете, повисшем над пропастью. Из бельевого шкафа я взял полотенце, которого мне не хватало. Вообще, что касается реквизиции, то в ней существуют совершенно точные границы, которые я постарался четко и ясно очертить перед бойцами. Так, к примеру, солдат имеет право взять себе ложку, если потерял собственную, — при известных обстоятельствах даже серебряную, если наткнулся именно на нее, но ни в коем случае не тогда, когда рядом с ней лежит оловянная. Мы достигли каменной стены цитадели в том месте, где на ней были высечены указания годов: 1598 и 1498.

К обеду Рэм притащил с огородов молодой картофель и первую черешню. До сего момента я предавался старому пороку — рвал прямо с куста зеленый горошек. Мне кажется, что с ним поглощаешь толику экстракта тончайших энергий природы.

ЛАОН, 10 июня 1940 года

Вчера, когда остальные батальоны полка двинулись по направлению к Суассону, наш,

к великому сожалению, на короткое время был откомандирован от 9-й армии в Лаон, чтобы до подхода других подразделений обеспечивать там порядок. В рамках этого задания моему попечению вверялся Верхний город, и в частности цитадель, музей и кафедральный собор.

В Верхнем городе, особенно по ночам, еще царило состояние анархии. Хотя он почти полностью был покинут жителями, однако в таком месте всегда остается известный осадок, который легко смешивается с отрицательными элементами, имеющимися во всяких войсках. Поэтому я приказал обходить узкие улочки многочисленным патрулям и дозорам, которые должны были задерживать каждого, кто без соответствующих полномочий был обнаружен в домах, а также пьяных и всех подозрительных лиц, и сажать их всех до утра под замок в каземат цитадели; в полдень я буду с ними разбираться.

Цитадель, старинное укрепление с высокими стенами, сегодня не имеет военного значения. Она служила всего лишь местом расквартирования войсковых частей, и ее огромный двор, крепостные рвы, казематы и хозяйственные помещения я застал в неопишемом состоянии. Предметы снаряжения, брошенное оружие, мебель, автомобили, полные вина бочки и полные консервов ящики валялись кучами, подобно выброшенным

морским прибоем на берег вещам с утонувшего корабля или остаткам какой-то барахолки, над которой пронесся ураган.

В музей, содержащий скромную провинциальную коллекцию, я назначил караульное отделение. Я увидел там портрет кисти Грёза, кроме того — картины родившихся здесь, в Лаоне, братьев Ле Нэ, одну прекрасную копию Рубенса кисти Делакруа. Особенно понравилось мне подаренное городом Наполеону III полотно с изображением цветов. Персики и астры в ярких лучах солнца, а рядом — голубое пятно ириса, смотревшееся на темном фоне просто удивительно. Зной и прохлада чудесным образом сохраняют здесь равновесие. Я приказал составить опись. Недоставало трех живописных полотен; ларь, в котором хранились монеты, был пуст.

Наконец, я поставил охрану в кафедральном соборе. Она состоит из наблюдателя за самолетами на башне, двойного поста у портала и патруля внутри, замещающего церковных служек и следящего за подобающим поведением посетителей. После вчерашнего беглого осмотра этого архитектурного сооружения, я сегодня в первой половине долго находился под его высокими сводами. Как и в первый день, оно показалось мне великолепным. Особенно захватило меня простое движение его линий — например то, как легко и непринужденно несущие колонны

разворачиваются в листья капителей. Здесь догадываешься о чудовищной силе еще не родившихся столетий, до времени дремлющей в почках.

На башне, с высоты которой перед моим взором развернулись широкие дали с рельсовыми путями железных дорог, с катящимися по улицам машинами, аэродромами с заходящими на посадку и взлетающими самолетами, я постиг согласие между тем, прежним, и нашим временем. Я почувствовал, что оно просто не может стать для меня чужим, и поклялся себе никогда впредь не забывать того, чем я обязан предкам.

Химеры, как бы подкарауливая, глядят на землю. Некоторые из них, в точном соответствии с зоологическим миром, были, например, похожи на летучую мышь, рысь, волка, кошку, а внизу слева, у большого портала, на самого настоящего гиппопотама, причем все детали были схвачены с неподражаемой точностью вплоть до расположения ушей. Другие изображения, например с головами нерадивых монахов, обнаруживают черты трансцендентной физиогномики. Но наиболее странное впечатление производят те, что ведут свое происхождение из царства демонов; окаменелости какого-то отмершего опыта, которые вызывают в нас странное влечение, смешанное с ужасом. Мы чувствуем, что подобное нельзя просто выдумать.

Я вспомнил об Акрополе, где такие изображения закапывались глубоко под фундамен-ты. Какое разительное отличие от этих стай призраков и скоплений духов высоко в возду-хе! Сколь странен вид пасущихся стад круп-ного рогатого скота, которые видишь сквозь леса колонн на башнях. Сегодня я постиг смысл этих кафедральных соборов как тво-рений, жизненных творений, безмерно дале-ких от мертвых масс музейного мира. Мысли этой содействовало и то, что эта церковь была под моей защитой; я, как будто она сделалась совсем-совсем маленькой, прижал ее к своей груди.

Со своими двумя офицерами я живу на рю дю-Клуатр, в квартале нотаблей, кото-рые все без исключения бежали очертя го-лову, побросав свои роскошные дома. Здесь мы столкнулись с таким уровнем наслаж-дения жизнью, какой в Германии уже дав-но неизвестен. Мы, настоящие санкюлоты, победители, если и не совсем без штанов, то уж, во всяком случае, в штанах из древесно-го волокна, не без изумления взирали на то, что в мире еще не перевелись такие сокрови-ща — как, например, погреб моего неведо-мого хозяина с собранием бургундских вин на полках и стеллажах, закрывавших сте-ну чуть ли не до самого потолка. Было бы, без сомнения, безрассудством дать пропасть столь хорошим вещам; поэтому вчера мы

второе устроили при мерцании свечей дегустацию вин, в результате которой мягкое «Vougeot» получило первый, а «Chambertin» — второй приз. Очень сильным оказалось и «Beaune» урожая 1934 года, украшенное прекрасным девизом: «J'aime à vieillir»¹.

Ночью душно. Снова бомбы поблизости, дробь разрывов — читая в постели, я услышал, как над крышами, подобно опасным насекомым, с жужжанием пронесли самолеты. Снова погрузился в Бернаноса. Такого рода критические дискуссии, скажем, по поводу Морраса², изрядно набили мне оскомину в связи с немецким национализмом — хорошо, если все это изливается только на армии, подобно безмянным ливням дней и ночей, сила которых вращает в долине мельничные колеса. Полемический задор любого из таких заметных умов всегда оставляет чувство неловкости. Всякое спорное утверждение, сдерживаемое про себя, идет тебе в заслугу, и тем скорее, чем больше в нем остроумия.

¹ Дословно: «Я люблю стареть» (фр.).

² Шарль Моррас (1868—1952), незаурядный публицист, писатель и поэт, член Французской Академии (исключен после 1945 года), один из создателей и признанный вождь праворадикальной организации «Аксьон франсез» (1938—1945). Автор политико-философских сочинений, в которых излагал свои антиклерикальные, атеистические и антисемитские взгляды, а также литературно-критических эссе, рассказов и стихотворений. После войны был приговорен к пожизненному заключению.

Прервался на Мопассана: его дешевый томик я нашел среди коробок с конфетами и совершенно интимных вещей на ночном столике рядом с кроватью. Он относится к тем авторам, которых я начинаю ценить все больше и больше — здесь сила индивидуальности держится на том, что проявляется как унаследованное качество, что в конечном итоге ложится на чашу весов. Есть такой вид легкости, который настолько скрывает труд, самое сокровенное ядро работы, что ее на первых порах недооцениваешь. Верное же представление дает только оригинал. Абсолютная элегантность одного из таких простых слов, как, например, *pous faisons*¹, стала мне совершенно ясной при чтении — я увидел, как оно в обороте речи сверкает подобно рыбке, стремительно взлетевшей над водой. Бесподобны остроты, придающие завершающий глянец, благодаря которому содержание рассказа вспыхивает дополнительным светом; они в известной мере завершают формулу.

Обратно к Бернаносу: он беспокоился, что современные государства развиваются уже не в соответствии с мерками и правилами человека, а возникают подобно исполинскому насекомому. Опасение кажется на первый взгляд справедливым, однако речь здесь,

1 Мы делаем (*фр.*)

по сути говоря, идет об одном историческом явлении, которое возвращается все снова и снова и которое само по себе является второстепенным — поскольку оно представляется реакцией на глубочайшее нарушение и, быть может, даже излечивает. Человеческая история отклоняется либо в сторону механического, либо в сторону демонического начала, но рано или поздно неизменно возвращается к тем нормам, что обеспечивают некое равновесие. Тайна же заключается в том, что страдание служит источником более высоких, целительных сил.

Размышлял о таких словах, как *beaucoup*¹. Они, собственно говоря, представляются несколько неестественными для столь простых отношений — и, вероятно, возникли в определенной среде, например, среди охотников или рыбаков, а уж потом были введены в общее словоупотребление. Многие словечки из студенческих и некоторых других кругов до сих пор сохраняют свою соль, хотя об их происхождении уже мало кто сегодня догадывается. Впрочем, словечко «много» чуть ли не во всех языках можно заменить каким-нибудь крепким выражением.

¹ Слово, написанное слитно, означает по-французски «много», а *beau coup* — удача, удачный ход; глупость (*ирон.*). При произношении разница не заметна.

ЛАОН, 11 июня 1940 года

Снова в кафедральном соборе, на сей раз под сводами подвалов, которые продолжаются в глубине лесами подземных колонн и теряются в пещерных переходах; затем в веретенах боковых башен и на хорах, с высоты которых взгляду открываются все новые и новые тайны. Во время этих блужданий меня, прежде всего, поражала основательность сооружения: более удачную конструкцию трудно себе вообразить. К тому же грандиозная сила замысла, который, даже оставаясь по ту сторону времени, заставляет работать на себя не одно поколение. На одном из хоров я подобрал крошечную засохшую летучую мышь и спрятал ее на память. Опять на башнях, чтобы еще раз всмотреться в демонов.

На обратном пути мне внезапно пришло в голову, что я еще должен был бы написать письмо Фридриху Георгу, и что у меня для этого нет пера. Поэтому я стал высматривать какую-нибудь писчебумажную лавку и, не обнаружив таковых, направил свои стопы в сторону Высшего суда, что помещался в готических зданиях, вплотную примыкавших к собору. Миновав вход и приемные, я очутился в большом зале, где на зеленом сукне стола заседаний увидел будто на время короткого перерыва оставленные шапочки судей.

Я уселся в кресло председателя и принялся изучать внезапно прерванное дело. Однако пера я здесь не обнаружил и продолжил свои поиски в помещениях пожарной части, секретарей, адвокатов и судей. Под конец я зашел в кабинет председателя суда и, поскольку еще нуждался в отдыхе после восхождения на башни, присел перевести дух за его письменный стол. Выдвигая ящики, я нашел массу документов, писем и прошений. Кроме того, я увидел, что работа в столь высоком ведомстве основательно расшатывала нервную систему, каковое впечатление подтверждалось наличием всяких мензурок и баночек, наполненных лекарствами. Но самое главное — в одной из маленьких коробочек я обнаружил — таки заветные перья, ради которых, собственно, и явился. Таким образом, теперь у меня были все основания покинуть здание, когда бы бес любопытства не подтолкнул меня осмотреть еще и верхние этажи. Здесь я нашел жилые помещения, в одном из которых, в силу солдатского права, изъяс резиную губку, в которой нуждался. Еще выше, под самым чердаком, были штабелями сложены горы пожелтелой документации в синих конвертах, которая, похоже, уже не первое десятилетие хранилась здесь. Я извлек одно дело, заведенное по поводу тяжбы о домах еще в шестидесятые годы, и, с головой уйдя в чтение, перелистывал его до тех пор, пока

почерк не начал в сумерках расплываться перед глазами.

Потом, почти уже в темноте совершил вместе со Спинелли обход, во время которого взглянул на район разрушений совершенно другими глазами. Мы проходили дворы, где кошки водили безмолвные хороводы — пугающие и торжественные. Магазины, особенно мясные лавки, распространяли смрад разложения. Проход через вымершие здания сначала волновал, затем стал утомительным и, наконец, начал вызывать тревогу. Мы завернули в кафе, где на мраморных столиках по-прежнему стояли наполненные до половины рюмки, и сделали несколько ударов кием по единственному бильярдному шару, сиротливо лежавшему на зеленом сукне. Затем привели в действие игральные автоматы.

В поисках дороги мы оказались в большом доме с залами, заполненными картотеками; то было ведомство, в котором велись земельные книги, как я выяснил из планов и чертежей. Затем в отделении жандармерии; объявления о розыске и задержании скрывающихся преступников, паспорта и пишущая машинка, текст, прерванный на полуслове.

Когда уже стемнело, мы вошли через разбитый портал в библиотеку. Мы шествовали по залам, где время от времени луч фонарика выхватывал разные книги — например бесценное издание «*Monumenti antichi*». Оно

занимало целый шкаф. Частью на полу, частью на длинном столе лежало собрание автографов едва ли не в тридцати толстенных томах, один из которых я наугад раскрыл. В нем содержались письма знаменитых ботаников XVIII столетия, отчасти написанные весьма красивым и изящным почерком. Из второй пачки я извлек официальное послание Александра I, а также листки Евгения Богарне и Антомарчи, личного врача Наполеона. С чувством, что мне посчастливилось проникнуть в пещеру Сезам, покинул я это место и возвратился на квартиру.

После полуночи бомбежка города продолжилась.

ЛАОН, 12 июня 1940 года

Утром под мою охрану и для обустройства в цитадели были приведены семьсот пленных. Я выступил перед колонной, наскоро сформированной из представителей разных родов войск и полков, и выбрал из нее единственного: интеллигентного вида фельдфебеля, которого назначил главным. В качестве переводчика я прикрепил к нему одного эльзасца и дал ему поручение определить шесть командиров секций, каждый из которых должен был, в свою очередь, подобрать себе по десять капралов. Наконец, каждый из капралов возглавил десять человек по свое-

му выбору. А я тем временем кусочком мела поделил наверху на участки места для их размещения.

Таким образом, в течение получаса вся масса была разделена и размещена в казарме. Когда я узнал, что многие уже давно ничего не ели, то отдал команду всем поварам выйти из строя. Их оказалось около дюжины. Я тотчас же велел им отправляться на кухню, где оставалось много припасов, и приступать к стряпне. Однако прежде задал им еще один вопрос: «Кто из вас знает, как готовится *sole à la meunière*¹?» Вызвался маленький плутоватый Артюр, парень, в недалеком прошлом служивший ординарцем в марокканском казино. «Это проще простого, *mon capitaine*». Кроме него из строя вышел еще один, спокойный, приятный человек, месье Альбер. Его-то я и назначил своим поваром, а Артюра определил ему в подручные.

Впрочем, очередность мероприятий, напращивавшихся сами собой, была следующей: организация караула на выходе, распределение и устройство пленных, продовольственное снабжение, устройство отхожих мест и полицейские меры предосторожности. В остальном я предоставил людей самим себе, а свои приказы передавал им через их командира, служившего одновременно и тем рыча-

¹ Камбала мельничихи (фр.).

гом управления, которым они приводились в движение.

Потом уже, задним числом, меня посетила мысль, что присутствие семисот французов ничуть меня не смутило, хотя рядом со мной, больше для проформы, стоял лишь один-единственный часовой. Насколько все же опаснее оказался тот, один, который в Пристервальде, туманным утром 1917 года, бросил в меня ручную гранату. Это было мне в назидание и укрепило меня в решении никогда не сдаваться, которому я оставался верен еще во время Мировой войны. Во всякой капитуляции заключается некий неоправимый акт, который ослабляет изначальную силу воина¹. Так, я был убежден, что язык тоже разделяет горькую участь поверженного. Это особенно хорошо можно видеть в период гражданской войны, когда проза разбитых партий тотчас же утрачивает силу. Тут я солидаризируюсь с Наполеоновским «Ты должен умертвить себя!». Это, естественно, имеет силу только для тех людей, которые знают, в чем на этой земле заключается главный вопрос.

Покончив с такого рода заботами, я отправился в библиотеку, чтобы еще раз взглянуть на собрание рукописей, которые сегодня каза-

¹ Ср.: «Сердце искателя приключений», глава «Смелость и заносчивость».

лись мне еще более важными. В могучих переплетах хранились бесчисленные документы, начиная с пергаментов времен Каролингов, в искусных сигнатурах которых государь совершал акт подписания одним штрихом¹, и кончая рукописями современников; и среди прочего — письма и рескрипты Капетингов вплоть до папской грамоты Людовика XV и до удивительно робкой подписи его внука, «Луи». В первом томе я обнаружил послание Лотара, если мне память не изменяет, за 972 год, а в последнем — два письма маршала Фоша к Берто, председателю трибунала города Лаона. В 1920 году они, по скверной моде французских библиотекарей, были скреплены друг с другом булавкой, которая здорово испачкала бумагу ржавчиной и которую я позволил себе теперь удалить. Я возился в этом тихом месте, точно пчела в увядшем клевере, до тех пор, пока не сгустились сумеречные тени. Часы созерцания первостепенной важности, созерцания славы и заката — во прахе лавров.

К вопросу о ценности: такого рода сокровище оценить невозможно — на произвол судьбы их бросают только тогда, когда отвержены окончательно. Я, впрочем, должен заметить: мне даже в голову не пришло, что речь здесь может идти о миллионах в денеж-

¹ Точнее — два штриха в ромбе.

ном исчислении по отношению к листкам, которые я перебирал тут руками, и это, вероятно, потому, что во всем этом городе я, возможно, был единственным человеком, постигающим их значение. У меня на миг лишь мелькнула мысль о том, что документы, а также эльзевиры, которые лежали перед моими глазами, следовало бы перевезти в музей и отдать под присмотр, однако для подобного шага ответственность показалась для меня слишком огромной. Так и оставил я их, как есть, на месте, предоставив собственной судьбе.

Еще раз в цитадели, где ко мне привели молодого человека из подвижной полевой хлебопекарни, застигнутого спящим в одном из разрушенных домов. Мне была также предъявлена горсть мелочи, найденной в его карманах — продырявленные никелевые монетки, не имеющие ценности. Поскольку дело это могло бы принять скверный оборот, а мне представлялось всего-навсего ребячеством, то я принял решение отпустить паренька на все четыре стороны, особенно потому, что лицо у него было бесхитростным и доверчивым. В подобных случаях следует рассмотреть физиономию как главный и основной документ, которым наделила нас природа.

День выдался жаркий, и часть ночи мы со Спинелли провели в шезлонгах, по нашему указанию установленных на плоской крыше

цитадели, чтобы понаблюдать за обычным авианалетом. Но именно на сей раз он и не состоялся.

Перед тем как заснуть, еще раз поразмышлял о планах дня, прежде всего в отношении пленных. Наверно, именно с хорошим настроением в тот момент было связано то, что все у меня прошло как по маслу; особенно потому, что я постепенно теряю всякий интерес к практической деятельности, и чем дальше, тем больше. И все же в ней тоже есть отрада для души. На известных распутьях нашей юности перед нами могут предстать Беллона¹ и Афина²: первая пообещает научить нас искусству, как свести в боевой порядок двадцать полков таким образом, чтобы к моменту сражения все они были на месте, в то время как вторая посулит нам талант соединить двадцать слов так, чтобы благодаря им образовалась совершенная фраза. Не исключено, что мы выберем второй лавр, который реже и незаметнее цветет на скальном утесе.

ЛАОН, 13 июня 1940 года

В первой половине дня обход цитадели — в частности, подземелий, под сводами которых беспокойно сновали летучие мыши. Здесь я

¹ Римская богиня войны, входившая в свиту Марса.

² Греческая богиня мудрости.

натолкнулся на мраморную доску, посвященную коменданту, который в 1870 году взорвал себя вместе с пороховым погребом, — я смутно припоминаю, что что-то читал об этом.

Во второй половине дня я наводил порядок в винном погребе нашего дома, тоже, так сказать, работа *pour le roi de Prusse*¹, поскольку наше пребывание продлится здесь, по-видимому, всего несколько дней. Хозяин дома был любителем бургундских вин, которых держал у себя свыше тридцати сортов, так что одного только «Beaune» было, например, шесть видов. Для этого дела я подобрал из пленных одного кельнера из кафе на Монмартре, обладавшего неплохими познаниями в этой области. Пока он одну за другой водворял на место бутылки, повыверганные с полок разгоряченными бражниками, а я составлял опись, мы болтали о том о сем, например о вине, устрицах, закусках и *bouillabaisse*². В этих гастрономических вопросах мой партнер обладал большим опытом, равным образом и в том, что касалось женщин, каковых он подразделял по провинциям. Так, он сделал сравнительный анализ женщин Марселя и парижанок — марсельские женщины оказались потемперamentнее, да к тому же дешевле. На прощание

¹ Для прусского короля (*фр.*). Это выражение означает: работать даром, не получать награды за приложенные усилия.

² *Буйабес* (*фр.*), популярный на юге Франции рыбный суп.

я предложил ему высмотреть бутылочку на свой вкус; он выбрал старый «Pommard», пробка которого уже наполовину истлела.

Рано в постель, однако еще читал далеко за полночь. Сначала закончил трактат Крепэ о Бодлере, который представляется мне образцовым для подобного рода исследований. Он подразделяется на жизнеописание и документально-анекдотическую часть, и, кроме того, содержит приложение переписки Бодлера. Таким образом, человек представлен здесь вместе со своей аурой.

Некоторые детали: письмо Виктора Гюго, в котором он провозглашает искусство служанкой прогресса. Весьма любопытно в сравнении с этим замечание Бодлера о Гюго в письме от 1864 года: «Это поэт, в котором Господь из духа непостижимой мистификации создал амальгаму глупости с гением». Это и в самом деле одна из самых фатальных смесей, хотя, несомненно, также и ключ к большому успеху, к популярности. Такие книги, как «Misérables»¹ походят на понтоновые мосты, наведенные для масс. Иные, правда, вообще теряют всякий интерес заниматься музой, вынашивающей таких чад. Это напоминает мне один разговор, в 1938 году состоявшийся у меня с Жанэ сразу по окончании обеда у Жида: создается впечатление,

¹ «Отверженные» (фр.) — роман В. Гюго (1862).

что иностранцы начисто лишены известного инструмента для того, чтобы понять исключительный пиетет французов перед Гюго. Впрочем, мнение о нем, как и о большинстве крупных фигур XIX столетия, начиная с Наполеона, еще окончательно не сложилось.

В 1866 году некий Пехмея из Бухареста написал Бодлеру письмо. В нем он среди прочего хвалил стихотворение «*Elévation*»¹ и высказывал мнение, что буквы, взаимодействующие в образовании такого рода стихов, будучи переведенными в краски и геометрические фигуры, сплелись бы в узоры, какие мы видим на персидских коврах или индийских шаялах.

Потом еще немного полистал биографию Гогена, в облике которого проглядывает многое из будущих вещей, прежде всего в смеси нервозности и жестокости. Тут симпатяги внезапно выступают без драпировок.

Из глубокого сна около часа ночи в испуге вскочил от сильной ударной волны. Вражеские эскадрильи кружили над городом, сбрасывая бомбы. То вблизи, то поодаль слышались цепочки взрывов, по временам прерываемые одиночными бомбометаниями, пронзавшими ночь. Затем машины, удаляясь, с гудением снова пронеслись над самыми крышами. Налет длился, верно, часа два,

¹ «Возвышение» (фр.).

в течение которых я неоднократно засыпал и потом снова вскакивал, опираясь на локти, в постели. В населенном пункте царила мертвая тишина, как будто он вымер; и лишь внизу, в кабинете, с веселым звоном каждые четверть часа били часы.

ЛАОН, 14 июня 1940 года

В первой половине дня осматривал посты, выставленные мной у арсенала и в других местах. Опрокинутые транспортные средства и мертвые животные на обочинах дорог. Как-то собака или кошка у въезда на фабрику газовых фильтров, видимо, угодила под тяжелую машину и была так раскатана по земле, что осталось только большое красное пятно. Я никогда бы не догадался, что это останки живого существа, если бы не увидел шесть не рожденных телят, шесть эмбрионов, образовавших подобие шестиугольника. Благодаря гладкой оболочке яйца они, словно железные шарики, выскользнули из-под тяжелого колеса и в кровавом месиве единственные сохранили форму. У меня было чувство, что здесь, пусть на уровне простой механики, опять проявилась забота — забота великой Матери жизни, отображением которой предстают матери животных и людей. Как уже не однажды, я и здесь ощутил вопрос: «Зачем зрелище это явлено тебе?»

Мое сердце никогда не оставалось равнодушным к несчастью — и, на мою беду, всегда как раз к тому, что не в моде. Между тем мне это кажется одним из тех свойств, по которым подлинное несчастье и узнается.

ЛАОН, 15 июня 1940 года

В первой половине дня в арсенале, где проверял караул, а потом под управлением Койнекке стрелял дробью по бросаемым вверх бутылкам. Хранились там и огромные запасы; так, я обнаружил длинный склад, битком набитый специями, откуда велел набрать корзину всего понемногу для нужд месье Альбера. В другом складе я наткнулся на гору диковинных предметов, среди которых преобладали карманные ножи, бритвенные лезвия, ключи, бумажники и записные книжки. Из этого я заключил, что через это место проведено было огромное множество пленных, и им пришлось оставить здесь эти вещи. Среди них я обнаружил обстоятельный дневник какого-то французского капитана, который забрал себе. Он, даже чисто графологически, представлял собой образец того, как из уверенной определенности можно попасть в обстоятельства крайне сомнительные. Так, он начинался аккуратными записями, сделанными чернилами, а завершался торопливыми заметками, набросанными карандашом и, ближе к концу, кусочком сангины.

ЭССОМ, 16 июня 1940 года

Совершенно неожиданно я со своей ротой откомандирован в Шато-Тьери. На грузовиках мы проехали через Суассон.

Но до отъезда я велел прибраться в доме, где уже сложился своего рода уют развалин, похожий на тот, что был в Москве при Наполеоне. Затем я распрощался с Артюром из-за его слишком уж марокканских замашек. Он предстал предо мной и умолял не прогонять его, ибо он-де предпочитает служить мне вместо того, чтобы «*de faire ce qu'on appelle des travaux de pisse*»¹. Но поскольку он необъяснимым образом уже после завтрака был постоянно навеселе, а к вечеру, что та сорока, набивал полные карманы крадеными вещами, я велел препроводить его обратно в цитадель, к остальным пленным. Месье Альбера мы, напротив, оставили.

Дороги, деревни и города, которые мы проезжали, лежали в развалинах, путь наш был сплошь усеян сожженными машинами; попадались и выгоревшие танки. Мертвые лошади, руины, могилы. Из участков густого леса трупный запах. Во многих местах памятники 1870 года и времен Мировой войны, нередко разрушенные попаданиями снарядов.

¹ Приблизительный смысл: «Пить там всякое пойло», «Таскать за кем-то мочу» (*фр.*).

Посреди этого мира обломков на шоссе и на вновь восстановленных мостах стоит грохот тяжелых колес стремительного наступления бесконечных колонн, направляющихся на запад. Орудия, зенитки, боеприпасы, пехота на вездеходах, танки, санитарные автомобили, прожектора, дезинфекционные роты и транспортные средства, формы и назначения которых никто не знал. Царило настроение бессонных ночей, и в то же время сознание неодолимого военного превосходства. Капоты двигателей тяжелых машин украшают причудливые амулеты: грубые деревянные башмаки, стальные трофейные каски, выпучившие глаза противобагазы и элегантные манекены, которым встречный ветер забрасывает на головы розовые шелковые юбки. Машина одного штурмового подразделения увенчана черепом, который, судя по вскрытой и чуть приподнятой крышке, позаимствован из какого-нибудь кабинета анатомии. В Суассоне на засыпанных щебнем и кирпичом площадях выставлены манекены из магазинчиков готового платья. Они, кажется, указывают куда-то руками и мило болтают между собой; полицейский в красной фуражке высоко задирает юбки крестьянской девчонке.

Поскольку город пострадал от обстрелов, я поехал дальше, в Эссом, лежащий минутах в двадцати езды на берегах Марны. Там тоже царит неопиcуемый хаос, с баррикадами на

улицах; в садах между тем ни души. В замке, где мы расквартировались, до нашего наступления хозяйничали альпийские стрелки — мебель стоит в парке, а перед входом валяется мертвая собака. В одном углу штабелем сложен запас французских мин нажимного действия с табличкой, призывающей к осторожности. В комнатах уже поселились кролики, на верхнем этаже навстречу внезапно выпрыгивает испугнутая ангорская кошка.

После прибытия и размещения личного состава — в садах, где цветут первые лилии и зреет урожай. Наверху, на горе, под лучами солнца, в одиночестве, в чьем-то небольшом садовом хозяйстве. Земляника, смородина трех цветов, красная и белая малина. Какой-то мелкий сорт земляники, почти черный, неправдоподобно сладкий. Солдаты приносят вино в бочонках и мешки кофе, обнаруженные при разборе баррикад. Так падает цена товаров, когда речь заходит о жизни.

Вечером, да и сейчас еще, какое-то странное чувство, похожее на опьянение. Я наполнен увиденными картинами, как сосуд, переливающийся через край. Они продолжают струиться верхом и текут по мне, и текут.

ЭССОМ, 17 июня 1940 года

С утра я велел месье Альберу забить четырех уток, потерянно бродивших по парку, а затем,

на велосипеде, отправился в Шато-Тьери, чтобы получить дальнейшие распоряжения у генерала Шелльбаха, расположившегося там в «Голубом монастыре». В поисках этого здания я исколесил весь пустынный квартал, где дорогу мне то и дело перегораживали мертвые лошади. По краям центральной улицы, во всю длину ее, вытянулась цепочка врезавшихся одна в другую машин. Они казались огромной мозаикой и отвлекали внимание от деталей — как на картинке-загадке¹. Так, записывая приказ посыльному, я для опоры положил планшет на бронеавтомобиль, от которого сохранилась только рама ходовой части. Уже двинувшись дальше, мне припомнилось, что, пока я делал запись, мой взгляд скользил по этой массе железа, похожей на раскаленный колосник. Без мяса на этом ужасном гриле тоже не обошлось. Таким образом, я почти автоматически снимаю фотографии, которые затем проявляются каким-то таинственным образом несколько минут или даже несколько часов спустя.

Из тамошнего лагеря я прихватил с собой сотню пленных, чтобы навести мало-мальский порядок в замке и прилегающем парке. Они пожаловались мне на голод, поэтому я велел для начала принести из погребов вина

¹ Ср.: «Сердце искателя приключений», глава «Картинки-перевертыши».

и распределить по садам, где им предстояло работать, а кроме того, пообещал им хороший ужин прежде, чем отошлю их обратно. Выпив по кружке вина, они, будто рой Аладдиновых джиннов, опять воспряли силами. А месье Альбер тем временем уже насаживал уток на вертел и начинял их оливками, целую жестянку которых мы обнаружили на кухне.

К вечеру замок был полностью вычищен, и мы уже надеялись было усесться за стол, как поступил приказ к отправлению. Нам надлежало передислоцироваться в Монмирель, чтобы выполнять там те же, что и в Лаоне, функции. Вследствие этого я не смог выполнить данного пленным обещания, потому что суп для них только сейчас был поставлен на очаг. Тогда я велел разделить между ними уток, что, правда, было скорее символическим жестом, нежели серьезной пищей.

МОНМИРЕЛЬ, 18 июня 1940 года

Снова меня изумило поведение бойцов при выступлении. Несмотря на то что они весь день трудились не покладая рук, и нынче чаяли отдыха, ни один из них не подал виду, когда пришел приказ к отправлению. Добродетель их заключается в абсолютном осознании необходимости.

К счастью, мне удалось избавить их от пешего марша, группами рассадив по машинам

для перевозки боеприпасов, шедшим порожняком. Вместе мы собрались уже в Монмиреле. Там, близ городской черты, я остановился передохнуть возле бронемашины, из чрева которой как раз выбрался маленький, худощавый механик-водитель в промасленном комбинезоне. Я втянул его в разговор, в ходе которого у меня сложилось впечатление, что в подобных типах Вулкан с его рабочим характером доминирует над Марсом. Этому отвечала и тема нашей беседы — а она касалась огня. Мой собеседник успел до сих пор «прокатиться» в восьми наступлениях и видел, как горят рядом разные машины — при известных обстоятельствах человек еще мог бы выбраться наружу, как недавно его товарищ, правда, оставивший внутри большую часть кожи. Вопрос огня уже давно меня занимает; он указывает на глубокие изменения, происшедшие в противоборстве сторон.

Я разместился в великолепном монмирельском замке, который, к сожалению, тоже пострадал, и жил в нем вместе со Спинелли да несколькими ординарцами. В парк упало несколько авиабомб, и ряд окон оказался выбит; павильон, справа от ворот, сгорел дотла. Жители и, вероятно, солдаты, хоронились последние дни, как указывают временные лежа из тюфяков, в вырубленных глубоко в меловом камне подвалах. Монмирель — замок Ларошфуко, его «Максимы» искони

являются частью моего неприкосновенного запаса, а потому я, движимый чувством духовной благодарности, попытался сохранить то, что еще можно было сохранить. Я тотчас же приказал взять замок под охрану и начал с уборки обломков и мусора. В дни кризисных испытаний подобные ценности нередко нуждаются в поддержке.

В первой половине дня через населенный пункт проходило целое шествие из более чем десяти тысяч французских пленных. Его едва охраняли, лишь кое-где по примкнутым штыкам можно было разглядеть конвоиров, которые сопровождали его, как пастушьи собаки сопровождают отару овец. Складывалось впечатление, что эти усталые и изнуренные массы сами собой влачилиась вперед, навстречу какой-то неведомой цели. Я в этот момент находился у здания школы, и поскольку для расчистных работ в моем распоряжении была сотня бельгийцев и французов, то я приказал им принести из трофейного хранилища ящики с сухарями и мясными консервами и раздавать их. Кроме того, я велел разливать плодово-ягодное вино, однако толпы двигались мимо такими широкими колоннами, что продукты перепали в лучшем случае каждому двадцатому.

Со страданием таких огромных людских масс на узком пространстве мне прежде еще сталкиваться не приходилось: чувствуешь,

что больше не в состоянии распознать отдельного человека. Замечаешь также механическое движение, присущее катастрофам. Мы стояли по эту сторону решетки школьного двора и протягивали наружу банки с мясными консервами и сухари или просто отпускали их в гущу рук, сквозь железные прутья тянувшихся нам навстречу. Эта деталь особенно врезалась мне в память. Из задних рядов напирали следующие и, если сухарь падал на землю, люди проталкивались вперед, не успевая поднять его. Чтобы добраться до противоположной стороны колонны, я приказал перебрасывать консервные банки по дуге, однако все это было лишь каплей на горячий камень. В одного старика, который, прихрамывая, медленно ковылял мимо меня, я прицеливался банками, верно, не менее дюжины раз — но все они попадали в другие руки, пока он не пропал из виду в людском потоке. Потом я дал поручение конвоирам втащить сюда одного совсем молоденького солдатика, чтоб накормить его — но вместо указанного они схватили совсем другого, у которого, впрочем, тоже уже два дня маковой росинки во рту не было. Между тем раздался голос глашатая, которого Спинелли выставил на стену, чтобы выкрикнуть из толпы портного, поскольку белье наше нуждалось в штопке. Так текли они мимо сами собой, подобно темному потоку судьбы, и было стран-

но, волнующе и поучительно наблюдать эту драму через надежную решетку. Почти все они выражали полную апатию и все задавали только два вопроса: дадут ли им поест и будет ли заключен мир. Я велел крикнуть, что Петен предложил перемирие, тогда всё снова и снова стал задаваться отчаянный вопрос: «Так подписано ли оно?» Здесь со всей очевидностью становилось ясно, каким благом является мир.

В хвосте колонны, прохождение которой растянулось почти на два часа, я заметил группу седовласых французских офицеров с медалями за Мировую войну. Они тоже с трудом продвигались вперед, волоча ноги и понуриив головы. Вид их тронул меня; я приказал отворить ворота и препроводить их во двор. Здесь я предложил им поест и переночевать. После того как над ними поколдовал парикмахер, я вскоре увидел, как они, вполне оправившись, сидели за длинным столом, что стоял во дворе рядом с кухней. На обед у нас был отменный суп, мясо и вино в большом количестве, но прежде всего наша команда держала себя с такой естественной вежливостью, что угощение удалось на славу. Было видно, что настроение измотанных гостей было как у тех спящих, что видят дурной сон, который неожиданно принимает благоприятный оборот. Они были еще как бы оглушены поражением. Когда я поинтересовался у них, чем, на

их взгляд, объясняется такой стремительный крах, то услышал, что они объясняли его налетами штурмовой авиации и пикирующих бомбардировщиков. С самого начала были якобы разрушены коммуникации и снабжение, была нарушена передача приказов, затем молниеносными действиями наших войсковых подразделений их армии, словно газовым резаком, были расчленены на куски. Они, в свою очередь, задали мне встречный вопрос, могу ли я свести успех к какой-нибудь формуле — я ответил, что усматриваю в нем победу рабочего¹; однако у меня зародилось подозрение, что они восприняли мой ответ слишком буквально. Они не знали прожитых нами после 1918 года лет и тех их уроков, что, словно в плавильном тигле, слились воедино.

Вечером, наведя порядок в небольшой замковой кухне, я со Спинелли сидел в овальном салоне. Вид, открывавшийся из окна, несравненно прекрасен, ландшафт похож на выдвинутую вперед сцену, партер которой образует травяная лужайка парка, с обеих сторон обрамленная стенами высоких деревьев. Эти же лесные полосы образуют как бы кулисы; зелеными ивами и перелесками они прорежают отлогий склон. Меж ними рам-

¹ В том смысле, который вкладывает в это понятие Э. Юнгер в большом эссе «Рабочий. Господство и гештальт» (СПб., 2000).

пой лежит долина, из глубины которой поднимается церковная колокольня небольшой деревеньки. Горизонт замыкает нежное закругление. Таким образом, парк и предгорье говорят о целостном архитектурном замысле, совершенство которого заключается в чувстве меры. Я на своем веку видел и более грандиозные, более роскошные перспективы, но более законченной, более завершенной — никогда.

Потом прогулка по парку вниз, в долину. На одном крестьянском дворе мы встретили священнослужителя с сестрой и группой женщин с детьми, которым случилось пересекать поле боя. Тогда самолеты с ревущими сиренами спикировали было на них, однако, не сбросив бомбы, снова удалились, потому что, как полагала сестра, они увидели, «что среди нас был священник». Оба, хотя минуло уже несколько дней, все еще были крайне возбуждены и наперебой, в красках описывали нам пережитое. Они пребывали еще в том состоянии, которое я нередко наблюдал в сумятице последних недель. В народе метко говорят, что не все винтики на месте.

Записывая эти строки глубоко за полночь, я сижу за письменным столом герцогини. Отчасти вскрытые ящики заполнены книгами, содержащими посвящения известных авторов. Когда я листал одну из них, оттуда выпало письмо ее сына, пятнадцатилетне-

го Франсуа, написанное в очень любезном тоне. Письмо было датировано 1934 годом, и из него я увидел, что писавший собирался стать летчиком и что нынче он, вероятно, как раз достиг нужного возраста.

Что же касается замка, то к вечеру я навел здесь такой порядок, что в нем сверкало все, до последнего оконного стекла.

МОНМИРЕЛЬ, 19 июня 1940 года

Я спал в комнате флигеля, примыкавшей к капелле. Там, как живой, мне приснился Карл Шмитт: будто упал он на каком-то вокзале и поранился. Я заключил его, плачущего, в объятия. Было при этом одно примечательное обстоятельство, которое, проснувшись, я еще помнил совершенно ясно и над которым теперь тщетно ломаю голову.

Ранним утром я сижу здесь, глядя на въезд и корпуса ворот, все еще продолжающие дымиться. Из оконных стекол, сквозь которые я наблюдаю эту картину, среднее выбито из рамы, а застрявший в замазке осколок представляет собой точный силуэт Queen Victoria. Даже несколько высокомерный рот ее прорисован тонкой трещинкой.

После завтрака я на порожней машине для перевозки боеприпасов отослал в Лаон пленных офицеров, до сей поры отдыхавших в здании школы. На прощание я велел налить

им по стакану вина. Пока остальные забирались в кузов, старший по возрасту, майор, поблагодарил меня от имени всех за прием, оказанный им в Монмиреле.

На обратном пути, в саду другой школы, я обнаружил великолепный кедр с восково-голубыми иголками и тонко-ребристым стволом цвета корицы. Я никогда не видел ничего красивее, ни на Майнау¹, где растут прямо-таки гигантские экземпляры, ни в горных лесах Канарского архипелага.

В полдень я снова в большом салоне с его чудесным видом, который, мне кажется, оказывает непосредственное воздействие на строй языка и порядок мыслей. Перед обедом со мной случилось происшествие, глубоко меня растрогавшее. Я спустился в парк и, желая раздобыть там на память о проведенных здесь днях какую-нибудь безделицу, принялся осматривать белые воронки на травянистой лужайке в поисках бомбовых осколков. Однако в первом же месте попадания меня сразу же поразила находка совершенно исключительного свойства — а именно роскошная окаменелость винтовой улитки, силой взрыва исторгнутая из глубины мелового грунта. Я взвесил ее на ладони словно личный подарок: образование конической формы, длиною почти с предплечье, которое вилось спиралью

¹ Остров на Боденском озере, так наз. «Остров цветов».

и распахивалось у отверстия. В разломе виднелись веретено и внутренний завиток, перламутровый глянец которого хорошо сохранился. Я, кого близость уничтожения в эти прекрасные дни неотступно сопровождала подобно тени, тотчас же постиг преподнесенный случаем урок: mont¹ Mirail была когда-то утесом в море мелового периода, и бережно хранит в себе такие чудеса, по сравнению с которыми замок со всеми его садами является таким же мимолетным символом, как и скорлупа этого моллюска.

Было в этой находке и что-то от алхимии, от философского камня, преобразующего предмет благодаря чуду, совершающемуся внутри нас. У меня было такое чувство, как если бы среди всех картин, книг или богатств замка мне предложили бы выбрать какую-нибудь памятную вещь, но все же ничего не оказалось желаннее этого улиточного домика. Мы должны достичь того состояния, какое соответствует изобилию земли, превращая в золото все, чего касается наша рука.

На закате, прихватив охотничьи ружья, мы снова совершили прогулку в долину. На сей раз случай завел нас на большой хутор, обильно заселенный домашней скотиной, но совершенно безлюдный. Бесцельно бродя по нему в поисках курятников, дабы разжиться

¹ Гора (фр.).

яйцами, мы услышали пение, доносившееся из одной из построек, и у открытого огня очага в кухне наткнулись на темного карлика, который был в стельку пьян. На столе высился строй пустых и полупустых бутылок, которые он, нетвердо держась на ногах, время от времени подносил ко рту. Он встретил нас с ликованием и извлек из рубашки, образывавшей поверх его штанов массивное утолщение, пачку денежных знаков. Затем он принялся подбрасывать их вверх, и те, листопадом, плавно оседали на пол. Если мы правильно разобрали его пьяный лепет, то его покровительница оставила его в имении, чтобы доить коров. Когда же мы спросили у него масла, он ответил нам в том смысле, что оно, дескать, получилось бы скверным, поскольку бабы здесь слишком-де неопрятны — *moi, je suis prop*¹, похвастался он взамен этого, указывая на свои лохмотья и, словно по шаткой палубе, пританцовывая, прошелся вокруг вас. Потом, кажется, радостное упоение слилось в нем с опьянением винным, и объединенный поток целиком захлестнул его. Он принялся дотрагиваться рукой поочередно до очага, до стульев и столов, даже до стен: «Это принадлежит мне, это тоже, и это», — а в довершение — я находил экспрессию не-слабой — он показал еще на свою изношен-

¹ Поверьте, я лучше выгляжу (*фр.*).

ную шапку: «Это тоже принадлежит мне, все принадлежит мне». Затем снова, затачивая длинный нож и пугливо озираясь по сторонам: «Покровительницы здесь нет, погодите-ка, я зарежу для вас гуся, не гусоньку, нет, потому как у нее теперь малыши, а гусика, уж очень он вкусненький. Все здесь теперь мое». В конце концов, нам стало ужасно не по себе, и мы поспешили оставить это место. Карлик еще какое-то время тащился за нами, призывая вернуться; мы видели, как он хватал кур и с такой силой швырял их в воздух, что несчастные птицы с пронзительным кудахтаньем разлетались во все стороны.

На обратном пути мы близ железнодорожной насыпи проходили мимо луга, на котором колонна французских митральез побросала свои транспортные средства. Среди разбросанной поклажи я отыскал несколько сорочек, в которых в настоящий момент крайне нуждался.

День мы завершили бутылочкой «Aloxe-Corton», которую распивали в большом салоне, сидя перед камином, в то время как березовое полено, обнаруженное нами на пожарных козлах, играя язычками пламени, потрескивало в нем. Пламя осветило в глубине камина старинную железную плиту с изображением Геракла в зале Омфалы. Беседуя, мы пытались дать ответ на вопрос, предопределено ли самой судьбой этому месту то об-

стоятельство, что мимо него проходят войска и оно время от времени дает приют прусским офицерам, как то уже случалось в 1814, 1870, 1914 году, и вот теперь снова.

Спинелли пришел в радужное настроение; он зажег все свечи большой люстры, с которой на пол желтыми каплями опадал воск. Пожелав ему спокойной ночи, я удалился, оставив его наедине с бутылкой шампанского. Я открыл в нем новый, неизменно деятельный, точный ум — для него не существует никаких технических трудностей, будь то в транспортировке, будь то в организации чего-либо. Лучшим днем для него оказался тот, когда в Лаоне мы снова смогли слушать радио. Толковые замечания относительно всего конкретного и наряду с этим вполне рыцарские жесты, которые я стараюсь поддерживать в нем и которые, как я сегодня увидел, проявились у него по отношению к пленным офицерам.

Поздно в постель, там еще полистал кое-что при свете свечей, сначала папку с работами Гойи, потом иллюстрированное сочинение о Мари Лорансен¹ с розовой маскарадной живописью. При этом мысли об утрате индивидуальности. Здесь она, в известной сте-

¹ *Мари Лорансен* (1885—1956), французская художница, испытывавшая влияние А. Матисса и кубизма. Однако выработала вполне самостоятельный стиль, которому свойственна нежность красок и ритм линий.

пени, растворяется малиновой водицей. Под конец, в «Revue de l'art» за сентябрь 1924 года мой взор задержался на картине швейцарского художника Хайнриха Фюссли¹. «Сон в летнюю ночь». Это полотно выдает не только знание старых мастеров и чтение Казота², но, одновременно, позволяет заглянуть прямо в каверны реальности, а затем дает перевод впечатлений на язык эпохи. И посему мне показалось странным, что имя этого художника до сих пор от меня ускользало.

Потом сны. День был прекрасен и, словно ковер, изобиловал большими и маленькими картинками. К тому же нетруден; я еще некоторое время ощущал *perpetuum mobile* духа, преграды которому ставит только время. Особенно радовал меня улиточный домик.

РОМИЛЬИ - СЮР - СЕН, 20 июня 1940 года

В полдень прощание с *mons mirabilis*³. Через Сезанн и Сен-Жюс-Соваж в Ромильи. По пути большое количество мертвых лошадей,

¹ *Хайнрих Фюссли* (1741—1825), незаурядный швейцарский художник. Иллюстрировал литературные и драматические произведения. С 1804 года — директор Академии художеств в Лондоне.

² *Жак Казот* (1719—1992), французский писатель, принадлежал к кругу оккультистов. Писал фантастические рассказы и сказки в арабском стиле. Гильотинирован.

³ Чудесной горой (*лат.*).

так и лежащих запряженными в разбитые повозки с боеприпасами и полевые кухни. Трупы, с вздутыми, как трубы, половыми членами, ужасно распухли. Губы полуобиженно вывернуты гримасой страдания, так, что обнажились крупные белые зубы. Так формируются особые маски — как будто речь идет о демонических личинах, на которых прожитая жизнь оставила свои следы.

Потом убитые. Сначала кто-то один, слева на поле, накрытый плащ-палаткой: наружу выглядывает только предплечье. Он тычет в небо полусжатым кулаком, словно обхватывая им гриф незримой скрипки. Затем справа, перед лесным участком, целое поле трупов. Здесь, видно, подразделение занимало позицию вдоль дороги и попыталось затем найти укрытие среди деревьев; все они, вероятно, были скошены огнем во время короткого броска. Лица и руки этих убитых уже распухли и почернели, и уже потом были присыпаны мукой дорожной пыли. Зрелище крайне угнетающее, точно рожденное ночным кошмаром чьего-то могучего духа.

Опять танки; в черте города они так и остались стоять искореженными в очагах схваток; иногда тут же рядом могилы, на кресте шлем с очками. Чуть дальше, впервые за все время продвижения в сторону противника, толпы бредущих обратно людей. Видны

двухколесные повозки, высоко нагруженные перинами, на которых сидели малые дети и покачивались корзины с курами; мимо проехали автобус и локомобиль, тянувший за собой целую вереницу телег с решетчатыми боковыми стенками. Между ними двигались группы на велосипедах, кто-то вез перед собой тележки, кто-то шел пешком. Среди них видны были медленно ползущие супружеские пары, которым явно за семьдесят, матери с грудными младенцами на руках, трехлетки, уже вынужденные нести в руке маленькие корзинки.

Спустя короткое время в Ромильи, где улицы уже заполнены штатским людом и царит жуткое столпотворение. Здесь я разыскал батальон и свой третий взвод.

РОМИЛЬИ - СЮР - СЕН, 21 июня 1940 года

Размещение в домишке близ школы и большой паровой мельницы. Утром я узнал от связного, что мы, наконец, возвращаемся в свою войсковую часть и в течение дня должны быть отправлены на грузовиках; и никто не мог бы обрадоваться сильнее меня, что наше скитание в сумятице этого натиска на этом завершается. Вот уже четырнадцать дней как мы отделились, и порою казалось, будто нас просто мотало из стороны в сторону в мощном кильватерном буруне, оставляемом за

собой бронетанковым наступлением. Теперь уже едва ли можно было надеяться, что эта кампания еще подарит нам боевую стычку, и если я, как солдат, сожалею об этом, то все же одобряю такое положение вещей в отношении тех, кто страдает.

Решил расспросить о деталях в местной комендатуре, где столкнулся с еще более страшной неразберихой. Откуда-то сбоку ко мне тут же подступил человек лет около семидесяти — бургомистр небольшой общины — и очень рационально принялся убеждать меня. По его физиономии мне стало ясно, что революция во Франции наверстала известные процессы Реформации и продолжила дальнейшее развитие. Он вопрошал, как ему теперь убрать трупы более чем пятидесяти лошадей, которые заражали территорию его населенного пункта. Когда в ответ я пожал плечами, он заявил, что это-де все весьма опасно *pour la santé publique*¹. Пока я выслушивал его рассуждения, какая-то женщина, атаковав меня с другой стороны, пожелала узнать, что можно предпринять против своры одичавших собак, собирающихся вокруг ее дома. И еще в том же духе, а то и похлеще. Я поспешил ретироваться оттуда, ибо уже давно для себя усвоил, что не все можно привести в порядок. Свой взор сле-

¹ Для здоровья публики (*фр.*).

дует ограничивать только той зоной, за которую берешь на себя ответственность. Что же касается практической помощи, то возможности отдельного человека весьма скромны, как спасательная шлюпка, к примеру, имеет лишь определенное количество мест. И все же есть ситуации, в которых простое наличие какой-нибудь авторитетной силы действует исцеляюще; благодаря одному ее присутствию разрывы, из которых вытекает слепая стихия, стягиваются. Это — те мгновения, когда таинство, присущее всякой должности, становится зримым как таковое.

БУРЖ, 22 июня 1940 года

Поскольку отъезд задерживался, я, в поисках более удобной кровати, перебрался в другой дом. Впрочем, я устал от скитаний по такого рода покинутым и безрадостным местам. Но вот приобретя себе вечером в только что открывшемся снова магазинчике пару носков, я нашел, что уже простая возможность купить что-то вызывает приятное чувство. Да и продавец, как мне показалось, испытывал нечто подобное, и, таким образом, мы с ним в известном смысле заново открыли взаимобмен товара и денег.

В полдень на Рыночной площади мы погрузились в машины. Руководителем колонны, перевозившей нас, был лейтенант Бак-

хаус, который пришелся мне по душе: расторопный малый с глубоким шрамом на шее после какой-то аварии и с оторванным ухом, от которого осталось только напоминание в виде узкого полумесяца. Он хвалил своих шоферов, которые уже двое суток, а то и более, сидели за рулем, не передоверяя его никому из боязни сломать двигатель. Когда я предположил, что ему, должно быть, придется каждую ночь проводить в новом замке, он похлопал ладонью по своей машине: «Вот мой *château*». Я видел, как по мере нарастания толчеи на дорогах и перед мостами его охватывало состояние какой-то повышенной активности; он становился все расторопнее и расторопнее, чем больше работы наваливалось на его плечи. Эти люди несокрушимы, они, диковинные кентавры, внеисторичны и наделены запасом энергии на целый век, в который родились.

Через Санс с его прекрасным кафедральным собором, затем через разрушенный Аллан и через Туси в Шатийон, где мы натолкнулись на взорванный мост. Поэтому мы сделали здесь долгий привал, а затем воспользовались плавучей переправой. Там я разговаривал с парижскими беженцами, которых начавшиеся военные действия застали врасплох на курортах и в поместьях, и которые теперь снова добиралась пешком до большого города. Поскольку они беспомощно ско-

пились перед мостом, то некоторых из них я взял с собой в колонну. Часть их была одета весьма легко, другая — в модных нарядах; в сочетании с нашими серыми мундирами это придало переходу что-то от «возвращения с маскарада». Я шагал между двумя молоденькими девушками — одной миловидной и другой дурнушкой — и, болтая с ними о всякой всячине, указал им на нашего славного повара, месье Альбера, отныне сопровождавшего нас с самого Лаона. Дурнушка молвила: «Это и для меня было бы неплохим местечком». На что красавица: «Для тебя-то, пожалуй, но уж никак не для меня».

На противоположном берегу нам пришлось дожидаться машин, и во время этой паузы мы выпили по бокалу вина у полуразрушенного ресторанчика близ моста. Там сидел также один парижский рантье, владевший в Шатийоне имением, которое, как он с большим самообладанием нам поведал, было до основания разграблено перед уходом французской колониальной пехотой.

Потом дальше, на Жьен. Там, словно на заднем плане слегка стертой картины, я увидел средневековые башни, одна из которых выгорела, вокруг — еще дымящийся антураж с мертвыми людьми, лошадьми и домашними животными. На выходе из города растянулся труп свиньи: длинный, белесый, раздутый, словно гигантская личинка майского

жука. На улицах и вдоль живых изгородей на полях валялись брошенные после боя бесчисленные боевые машины. Под этим населенным пунктом, должно быть, схлестнулись друг с другом два мощных бронетанковых соединения — встреча, в результате которой дотла сгорел еще и город средних размеров. Это производит впечатление технической катастрофы неслыханных масштабов.

Сельская местность в окрестностях была, напротив, совершенно нетронута, равно как и леса, и поля по сторонам чудесной аллеи благородных каштанов. Наша колонна, двигаясь между их вековых стволов, вытянулась подобно стреле. Пленные, почти без сопровождения, а потом снова потоки возвращающихся в родные места с множеством маленьких, усталых детей, которых вели за руку.

Так мы добрались до Буржа, где спешились и переночевали в первой же помещицкой усадьбе, попавшейся нам по пути. В кухне брошенного господского дома мы с Койнекке и Спинелли так увлеклись беседой, что и не заметили, как опорожнили бутылку шампанского с тремя бутылками бургундского, чему потом сами изрядно дивились.

БУРЖ, 23 июня 1940 года

Утром, чтобы получить распоряжения, в комендатуре, где столкнулся с девицей, которую

вчера, приставив кинжал, попытался изнасиловать какой-то пьяный. Малышка, родом из Эльзаса, оказалась особой бойкой и решительной; ее пригласили в качестве свидетельницы, ибо парня этого схватили незамедлительно, по горячим следам. Когда я в шутку спросил ее, добился ли все-таки нападавший своего, она гордо заявила: «Конечно, нет, ему пришлось бы сперва меня зарезать».

Здесь мы снова увидели полковника и узнали, что в последние дни еще одна часть полка побывала в бою. В том числе наша пятая рота, командир которой, старший лейтенант Шрапел, даже раненный в руку, не отказался от намерения повести солдат вперед личным примером, и во время атаки был прошит в грудь автоматной очередью. Операции между тем прекратились: таким образом, огонь лишь вскользь опалил нас, и мы должны были удовольствоваться работой. Как мне приходилось слышать, так вообще складывается в целом участь маршевой пехоты, если она только не вступала в боевое столкновение у переправ. Опыт этой кампании еще, пожалуй, скажется важными переменами в армиях всего мира.

В городе царит столпотворение; кроме местных жителей здесь находятся не только наши войска и масса военнопленных, но и сорок тысяч беженцев. В полдень я случайно проходил мимо вокзала, на котором да-

веча расставил посты, и увидел теснившиеся у ворот огромные толпы народа. То были беженцы, горевшие желанием воспользоваться первым сообщением с Орлеаном и Парижем. Несмотря на то, что поезд уже ожидал у пассажирской платформы и имел достаточно мест, возникла ужасная давка. Слышался плач детей на земле, других трясло в детских колясках, нагруженных помимо того поклажей и противогазами. Между ними старухи и матери с прижатыми к груди младенцами. Другие женщины уже пробились на крытый перрон и в толчее искали своих детей.

Чтобы восстановить порядок, я первым делом приказал охране расчистить для меня пятак, затем взобрался на опрокинутую тележку и объявил, что всякий, кто попытается прорваться силой, будет незамедлительно отстранен от поездки. Затем я указал на семьи с детьми, которых и велел пропускать в первую очередь. При этом возникли трудности, ибо люди всякий раз пытались гроздьями увязаться за ними, в то время как другие в дюжины глоток настойчиво атаковали меня своими уговорами. Увидев, что людское море поутихло, я принялся помогать сам, поднимая вверх одного ребенка за другим. Не прошло и двух часов, как мы разместили всех по вагонам. Я еще раз прошелся вдоль поезда, где как ни в чем не бывало парижанки уже снова подрисовы-

вали себе губы, и услышал, как одна из них, приняв меня, очевидно, за какого-нибудь вокзального портье, обронила: «C'est celui, qui a dit: "doucement"¹».

Уходя, я встретил офицера генерального штаба, который налаживал движение транспорта и, словно маленький бог, уже наперед видел, что всем этим людям предстоит провести скверную ночь, потому что мост под Орлеаном еще не восстановлен для проезда. Он представился мне читателем моих книг и поведал, что самого его занесло на такой пост, на котором войну узнаешь, прежде всего, с теневой стороны. Он пригласил меня завтра вечером отужинать с ним в «Boule d'or»².

Во второй половине дня офицерское собрание, по окончании которого полковник попросил меня с командиром задержаться. Он вручил мне черно-белую ленту с серебряной застежкой, сообщив, что я награжден Железным крестом за вынос с поля боя раненого артиллериста на Верхнерейнском фронте.

Так мне напомнили о том эпизоде при Иффецхайме, который в вихре протуберанцев последних недель совершенно выпал у меня из памяти. Я тотчас же подумал о Спинелли; и мне вспомнилось, какую заботу он проявил

¹ Именно тот сказал: «Тихо!» (фр.).

² «Золотой шар» (фр.).

тогда о моем колене. Поскольку мы разделили все трудности той вылазки, я посчитал справедливым разделить с ним и награду. Я не замедлил привести свои доводы полковнику и уже вечером испытал радость, увидев Спинелли с Крестом.

В этой связи, впрочем, мне особенно ясно стала видна разница, заключавшаяся для меня между Первой и этой, Второй, мировыми войнами. Тогда давали высокий орден за убитого неприятеля, сегодня вручалась ленточка за спасительную вылазку. Примечательна также дистанция, на сей раз отделившая меня от боевых действий. Прав Гераклит: никто не войдет дважды в одну и ту же реку. Тайна такого рода чередования в том, что оно отвечает и происшедшим внутри нас переменам — мы сами образуем собой мир, и то, что мы переживаем, подчинено не случаю. Вещи притягиваются и отбираются благодаря нашему состоянию: мир таков, какими свойствами обладаем мы. Каждый из нас, следовательно, в состоянии изменить мир — в этом громадное значение, которым наделены люди. Вот почему так важно, чтобы мы работали над собой.

Высшей наградой жалует не король, ею одаривает певец. А посему для меня даже в той, первой, войне она заключается не в Звез-

де Фридриха Великого¹; она воплощена в стихотворении «Моему брату Эрнсту»².

Вечером в небольшом баре, где я приобрел пару бутылок «Veuve Clicquot». При этом я позволил себе шутку, сказав сидящим там посетителям, что это-де мой обычный рацион на ужин, после чего они воззрились на меня, как на диковинного зверя. При этой okazji я, между прочим, узнал от месье Альбера, сервировавшего для меня стол, что бокал на высокой ножке называется *flûte à champagne*³ — выражение, которого я прежде не знал и которое меня позабавило. Впрочем, в веселых компаниях существует и бокал *à rompette*⁴, вместо ножки имеющий закругление, так что поставить на стол его можно лишь перевернутым — сие означает, что его нужно предварительно осушить до дна.

¹ Орден «Pour le mérite» («За заслуги»), учрежденный королем Фридрихом Великим в 1740 г., был вручен лейтенанту Эрнсту Юнгеру в 1918 г. В истории кавалеров ордена говорится, что за все время войны его получили только 14 лейтенантов, из них два стали известными военными — генералы Роммель и Шернер, а один писателем — Э. Юнгер.

² Стихотворение Фридриха Георга Юнгера, брата Эрнста Юнгера. 29 июля 1917 г. Эрнст спас жизнь Фридриху Георгу во время битвы под Лангемарком.

³ Шампанская флейта (*фр.*).

⁴ Rompette — навеселе, пьяненький, под мухой (*фр.*).

Утром я снова «шлюзовал» женщин и детей. Я загодя справился об отправлении поезда, потому что процесс этот требовал авторитета. На сей раз дело шло уже глаже; кроме того, я принес с собой для детей огромный ящик печенья. Потом я объехал посты; при этом мне бросился в глаза ярко выраженный романский характер людских масс, особенно в пригородах.

Вечером со Штайнитцем в «Boule d'or». Добротный, точный ум. Есть в практических делах определенное число людей, которые образуют маленькое и ладное колесико, что дает толчок механизму и заставляет его работать. В нем я тоже обнаружил один из характерных признаков такого рода людей — а именно, известную иронию, с какой он отдавал приказы.

Мысли об управлении: не существует непризнанных гениев. Каждый находит в жизни соразмерное ему место. Мы рождаемся с точным социальным потенциалом, который и претворяем в жизнь. Это можно проиллюстрировать на примере кораблей, где при отплытии общество словно бы образуется заново и где отдельный человек всегда стремится обрести себя, желая приноровиться к высоким требованиям и реализовать их. Таким образом, социальное пространство раз-

межевывается заново, но уже три дня спустя опять восстанавливается старый природный порядок. Уже одним этим спектаклем ocupaется морское путешествие.

Около десяти часов стало известно о заключении перемирия, после чего со стола исчезло бургундское и в большом количестве появилось шампанское.

БУРЖ, 25 июня 1940 года

Занимаемый мною дом удобен уже потому, что имеет только один фасад, выходящий в сад, и его непросто найти. Он стоит на берегу Ивра, — тихой речушки, разветвляющейся на множество рукавов. Речка изобилует водорослями, а по берегам свисают тенистые ветви деревьев. Перед верандой зеленеет лужайка, густые кустарники кольцом обступают ее со всех сторон, от воды ее отделяет рампа буйно разросшегося касатика¹. По центру высится старая колонна, седой камень которой увит ярко-красной розой, а поодаль большое черешневое дерево, усыпанное чудесными плодами. Поскольку урожай с него никто не собирает, ягоды перезрели и полопались. Подобно им до черноты вызревает и ремонтантная клубника на грядках и опадает со стеблей; белый чашелистик выглядит

¹ Или: мечевая лилия.

как пустая кондитерская тарелочка. В этом тихом, словно глухими зарослями окруженном саду я, читая книгу, принимаю в полдень солнечные ванны, а вечером, после ужина, плаваю на каноэ по водной глади речушки, в которой играют форели. Месье Альбер тоже забрасывает здесь свои удочки.

Этот тенистый уголок, в котором природа и искусство жизни прекрасно уравнивают друг друга, простирается на краю оживленной авеню Жорес, которую я частенько отмериваю шагами, направляясь к месту службы. Я никогда не забываю полюбоваться зрелищем двух необыкновенно величественных платанов — такие экземпляры мне до сих пор случалось видеть только на островах Кос и Родос, да еще в Смирне. Такое дерево — прекраснейший символ стойкости: один факт его существования говорит о мощи и достоинстве, и оно, пожалуй, заслуживает того, чтобы его украсили золотыми цепями и приставили для ухода за ним смотрителя, как о том можно прочесть у Геродота.

Примечательно и то, как знакомые растения и деревья по-другому располагаются в пространстве. Происходит какое-то не поддающееся описанию смещение центра тяжести в атомах: иной воздух, иная вода, иная земля изменяют жизнь и течение соков. Мы ощущаем что-то неотчуждаемое, вкус род-

ной стихии, родной почвы. Сохранить его в памяти могут только стихи.

Мне же многое говорят насекомые, новые формы и соотношения видов. Сегодня я разложил перед собой некоторые трофеи, добытые в период наступления — например, *leptinotarsa*, чьи ярко-красные личинки подобно сыпи пожирают картофельную ботву в садах Эссона. Я понимал всю парадоксальность такого рода занятий в самой гуще катастроф, однако в то же время находил ее успокоительной, в этом проявляется некий запас стабильности и даже цивилизованности. Кроме того, с 1914 года я научился работать среди опасности. В наши дни нужно обладать невозмутимостью саламандры, если хочешь достичь своих целей. Это особенно относится к чтению литературы и прохождению через благоприятные и некомфортные фазы; если класть по несколько кирпичей в день, то лет через шестьдесят-восемьдесят можно жить во дворце.

Свою склонность к subtilной охоте я всегда считал для себя исполненной смысла, тогда как друзья, за исключением Фридриха Георга, рассматривали ее в качестве какого-то отдаленного гофмановского уголка моего мира. Правда, для отдельного человека так чаще всего и остается тайной за семью печатями, почему он занимается теми или иными вещами. А мне между тем кажется,

что алфавита мне уже недостаточно. Мне требуется письменность, похожая на египетскую или даже на китайскую, с сотнями тысяч идеограмм; и потому я удочерил эту ее разновидность, благодаря которой лакоплюсь теперь целыми ульями меда учености, наполненными для моего насыщения в последние два столетия. Вообще же, я отношусь к наукам XIX столетия так: они для меня подмости, на которых я занимаюсь тем, что мне по душе. Таким способом я достигаю ряда точек, типов, инкрустаций, тонким слоем которых, словно узелками сети, покрыт весь мир. Это более тонкий инструмент, чем слова, однако роскошь процедуры заключается в том, что она пригодна исключительно для собственного употребления и не поддается ретранслированию. Однако считать ее ложным методом я не могу. Здесь происходит то же самое, что и с моими снами — в них я не удаляюсь из своей сферы, но углубляю и расширяю ее.

Мы носим столетия перед своими глазами как фильтры, протиснутые между нами и вещами, которым они придают свой колорит. Могу, пожалуй, сказать, что XX век создает мне основное освещение, проникающее до самых глубин сна. Потом следует век XIX, и уж затем XVIII.

Вид убитых при Монмиреле породил во мне чувство, будто эти фильтры отсутству-

ют — то есть, картина выпала из рамок истории. Я видел здесь абсолют, каркас ядра, и ощутил присутствие тех сил, которые мы давно знаем лишь по названиям — они не вечны, но их господство будет длиться так долго, сколько просуществует время. Я почувствовал их страшный триумф.

Абсолютное тоже нашло отражение в том, что впервые в жизни моя жажда новых образов насытилась. Даже сверх того — я увидел больше, чем мне бы хотелось; я уподобился зрителю какой-то драмы, принявшей непредвиденный оборот, страннику по изобильному ландшафту, который за узкой тесниной предстал вдруг обыденным и пугающим. Здесь нас внезапно охватывает чувство бессилия; мы осознаем, что наши исторические, философские и моральные средства, которыми мы так гордились, перестают действовать, и что мы нуждаемся в ином оружии.

Мысль, ускользнувшая от нас, похожа на рыбу, сорвавшуюся с крючка. Нам не следует гнаться за ней; она откормится в глубине и, нагуляв вес, снова вернется.

БУРЖ, 26 июня 1940 года

Вечером гость, который через месье Альбера осторожно попросил доложить о себе — мо-

лодой человек, с вопросом во взоре разглядывавший меня. Это был брат хозяйки дома, и я вполне допускал, что еще несколько дней тому назад на нем сидел мундир. Он сообщил мне, что в качестве инженера находится здесь по пути в Санс, чтобы налаживать там работу разрушенных фабрик, и что он воспользовался проездом, чтобы спросить у меня разрешения забрать с собой из спальни портрет сестры. Несмотря на внешне безукоризненную выправку, он, по-видимому, очень страдал, как я прочитал по выражению его глаз.

Поэтому я тотчас же проводил его наверх, и, увидав как печально и пристально оглядывает он коридоры, я, хотя он указал мне комнату в левом флигеле, сделал вид, будто неправильно его понял, и повел его по всей анфиладе, начиная с правого флигеля. Таким образом, ему невольно представился удобный случай обозреть собственность. Затем он снял с гвоздя портрет, а я передал ему небольшой золотой перстень с печаткой, прежде попавшийся мне на глаза. Я вспомнил о нем, потому что увидел похожий у него на пальце. Кроме того, я решил подбодрить его, предложив ему и его сестре, о которой он рассказал мне, что она-де в настоящий момент находится в Лиможе, вернуться обратно, чтобы на правах хозяев следить за таким красивым владением — после чего он, снова пристально взглянув на меня, воскликнул: да возможно

ли, дескать, такое? Поскольку французский язык для выражения подобных вещей имеет в своем распоряжении красивые и устойчивые фигуры речи, то я ограничился тем, что ответил:

— Не вижу в том ничего предосудительного.

Затем он торопливо удалился, как мне показалось, несколько более воодушевленный, нежели вначале. Благодаря его визиту во мне снова возник вопрос о собственности, а вместе с ним и вопрос о счастье и несчастье. Что значит имущество, которое нас окружает? — в тот миг, когда все рушится, мы еще раз спешим вернуться в богатый свой дом, но не уносим оттуда ничего, кроме какой-то картинки. Мне показалось, что я смог немного заглянуть ему в душу и прочесть по глазам то, о чем я знал на собственном опыте. В переломный момент, когда отчизна повержена в прах, мы познаем такие глубочайшие источники боли, в сравнении с которыми все индивидуальные страдания, гнетущие нас, представляются лишь тоненькими ручейками.

Вечером перед зданием кафедрального собора состоялась Большая вечерняя заря той армии, в состав которой мы входили с начала наступления. Я принимал в ней участие в числе группы новых кавалеров Железного креста. Древние пилоны и арки сияли в баг-

ряном свете факелов и в лучах прожекторов; к сожалению, огромные ворота со знаменитым изображением Страшного суда, которые я с удовольствием бы увидел, еще были заложены широким поясом мешков с песком.

Я снова и снова переживаю мгновения, когда мировой театр и мировая действительность перекрещиваются в сознании — мгновения, которые исторически питают меня и мешают мне целиком соскользнуть в созерцание. Люди тогда кажутся заряженными магнетизмом — так, у меня сложилось впечатление, что не капелла играла, а ею играли. Палочки от литавр поднимались и опускались под действием какой-то высшей силы, а мускульная сила музыкантов играла второстепенную роль. Я ощущал нити театра марионеток. Время от времени мы собираемся в подобные конstellации, чтобы потом снова рассыпаться, будто карты, отбрасываемые после игры в сторону.

БУРЖ, 27 июня 1940 года

К обеду пришла мадам Сесиль, с которой я познакомился перед парижским поездом, где дал ей какую-то справку. Местье Альбер закупил в городе всевозможной снеди, кроме того, имелась капелька «Hospices de Beaune». Поэтому мы слегка помузицировали на *flûte à champagne*. Много шарма, прав-

да, почти без индивидуальности; но если быть честным, кто ж предпочтет тому обратное. Разведена, двое маленьких детей, которые находятся у бабушки и о которых она говорит самым приятным образом, приблизительно, как садовница.

— В жаркие дни я одеваю их в купальные костюмчики и выпускаю играть, а вечером поливаю их из душа водой, настоявшейся на солнце. У них просто прекрасные тела.

Сразу после еды — в саду, где я прошу научить меня французским названиям цветов. Так гвоздика перистая, например, зовется *œillet de poète*¹, физалис² — *amour en cage*³, а несколько простоватый одуванчик⁴ — *pissenlit*. Затем я заглянул еще в кухню к месье Альберу, ибо мне показалось, что он подавал на стол сегодня не в столь веселом настроении, как обычно. Когда я спросил его, он посмотрел мне прямо в лицо:

— Что касается вас, *mon capitaine*, то вас я не забуду никогда в жизни. И если вам случится когда-нибудь проезжать через мой родной город, я угощу вас самым отменным обедом, какой когда-либо готовил.

¹ Гвоздика поэта.

² По-немецки он называется «еврейская вишня», «*Juden-kirsche*».

³ Любовь в футляре.

⁴ По-немецки он называется «львиный зуб», «*Löwenzahn*».

Вечером появился Рэм с двумя письмами от Перпетуи.

БУРЖ, 28 июня 1940 года

В полдень мы обедали в palais Bourbon¹. В несколько пустоватой трапезной висел пожелтевший в череде столетий, но по-прежнему изумительный гобелен, на котором была изображена Ниобея со своими детьми. Исключительное своеобразие и роскошь этого вида высокого ремесла видны по тому, как выполнены одежды. Они одновременно и *materia prima*² картины, и часть работы. Иными словами: если основной фон, как правило, лишь ограниченным образом поддерживает впечатление, производимое картиной, то здесь она сама превращается в картину посредством того, что ткань гобелена отождествляется с тканью одежд. Таким образом, действующие лица возникают из физической глубины и выступают из обрамления, наделенные такой жизнью, которая иным способом совершенно недостижима. Они похожи на нарисованных бабочек, снабженных настоящими крыльями. А потому для этого искусства целесообразно использовать такие мотивы, которые позволяют изобразить как

¹ Бурбонский дворец (фр.).

² Первичная материя (лат.).

можно больше фигур, одетых как можно богаче.

Во второй половине дня визит мадам Сесиль; она дала мне урок языка. Различия — сначала в саду, между *le châtaignier*¹ и *le marronnier*². Потом за ужином, между *goûter*³ и *déguster*⁴. И, наконец, на берегу, у небольшого островка, приспособленного для ловли форели, между *rêcher*⁵ и *récher*⁶, наглядно.

БУРЖ, 29 июня 1940 года

Охотничья езда⁷ за арсеналом и по учебному полю. Потом в замке завтрак, приготовленный господином Камбю из «Escargot d'or»⁸. Он начался с гербового зверя — виноградных улиток, изумительно приготовленных с пряными травами, и завершился ароматизированным тонкими ликерами фруктовым салатом. Вдобавок — пелотоновый огонь «Veuve Clicquot».

¹ Каштановое дерево, каштан (*фр.*).

² Каштан, каштановое дерево (*фр.*).

³ Пробовать, отведывать; находить приятным (*фр.*).

⁴ Дегустировать, пробовать; смаковать (*фр.*).

⁵ Удить / ловит рыбу (*фр.*).

⁶ Грешить (*фр.*).

⁷ Спортивная дисциплина, выездка.

⁸ «Золотая улитка» (*фр.*).

После походных лишений мы погружены в индифферентное курортное существование и живем как норманны, вторгшиеся в край виноградных лоз. Меня все же радует, что мне посчастливилось дополнить картину и увидеть другую сторону войны — движение по свободному пространству, которым нам так и не удалось овладеть в 1918 году.

БУРЖ, 30 июня 1940 года

Воскресная прогулка по кладбищу Сен-Лазар. Даже в таких местах в глаза бросается слабая связь романца с природой и вместе с тем более сильная связь с обществом. Прогулка напомнила мне кладбище на Монпарнасе, где я бродил словно по какому-то некрополю, равно как и Палермское кладбище с его мраморным великолепием.

Первую половину дня я провел с «Отчетом о происшествии с неизвестным», а также за работой *pour la roi de Prusse*. С превышением власти приходится считаться в армиях всего мира; это не так существенно, если только не утрачивается мера чести. То же самое относится и к отдельному человеку, а значит, имеет силу для всех нас: человек может ошибаться, если только в нем сохраняется зародыш, ячейка праведной жизни. Тогда он сам исцеляется за счет внутренних ресурсов. Этому процессу может помочь наказание,

а именно, помочь болью — в этом состоит даже не столько ее воспитательное, сколько трансцендентальное значение. В тяжелых случаях смерть становится последней возможностью исцеления.

БУРЖ, 1 июля 1940 года

Мадам Сесиль. Непринужденная болтовня в саду о хорошей кухне, например о луковом супе: как его готовить по будням, а как — по воскресным дням. Затем о паштете из дикого кролика: прежде чем облекать его в хлебное тесто и панировать, большим пальцем продавливают углубления и заполняют их выдержанным коньяком. Наконец, о «жаворонках на канapé». Там, где мы говорим «подрумянить», французы употребляют более эlegantное *dorer*. Вообще, различные способы схватывать значения слов напоминают разные по форме пинцеты, которыми берут одни и те же предметы. Сходный результат достигается и в случае более редких выражений, например, в слове *la culbute*: «кувырок».

Потом разговор о бывшем супруге. Мужчины, когда случается возможность рассмотреть их через женскую оптику, предстают в совершенно ином свете — в свете, который хотя и падает не под прямым углом, но зато делает зримой оборотную сторону. Мы, собственно говоря, видим друг друга только

en face. Вальяжно устроившись в пронизанном солнцем саду, я немного наслаждался тем тайным, кошачьим превосходством, с каким такая вот капризная дамочка держит мужчин в поле своего зрения. В таких садовых беседках мы нередко, чувствуя себя верхом на белом коне, служим лишь источником развлечения.

БУРЖ, 2 июля 1940 года

Последний день в Бурже. В первой половине дня со Спинелли — по букинистам в поисках гравюр и цветных эстампов, однако ничего примечательного нам так и не попало. Во второй половине дня снова визит мадам Сесиль: она осталась на ужин и вручила мне на прощание письмо, распечатать которое я должен был лишь завтра.

По доходящим до меня слухам, нам предстоит пешком добраться до Цвайбрюккена, чтобы 25 июля поездом выдвинуться в Берген, а затем отправиться в отпуск на неопределенный срок. Так должна была завершиться самая быстрая кампания из тех, что мне доводилось видеть.

ЛЕ ТАЛЛАН, 3 июля 1940 года

Пеший переход до района Анришамо, где переночевали в усадьбе уединенного поместья

Ле Таллан. Дорогой я ехал верхом рядом с Хилбрехтом. Я охотно слушаю его истории, потому что в его лице познакомился с особым типом солдата.

Когда я впервые услышал: «Зарядить боевыми патронами и поставить на предохранительный взвод», то почувствовал себя конфирмантом, стоявшим перед алтарем.

По прибытии в Ле Таллан я осушил полбутылки вина и потом два часа спал в занятой мною комнате, выложенной камнем. Несмотря на струившийся с полей зной, оно было погружено в чудную прохладу и полумрак. На этой древней ферме, стены которой нимало не изменились с самого XIV столетия, время, мне кажется, течет куда медленнее — так, здесь по сей день отапливают каминами и жгут только восковые свечи. Выдвижной ящик моей прикроватной тумбочки был застлан газетой за 1875 год.

На склоне дня я отправился бродить по полям — тут мы находимся в древнем герцогстве Бери, которое мне весьма по душе. Интересно наблюдать, как здесь возделывают сельскохозяйственные угодья: обширные пастбища и скудные поля — все обсажено высокой живой изгородью, над которой возвышаются могучие дубы, яблони, тополя да благородные каштаны, со свечками белых цветов. Тенистые проселки тянутся подобно густым крытым аллеям, а с холмов перед взором распахиваются

широкие просторы. Местность, таким образом, одновременно преподносит и открытую, и лабиринтную стороны.

ПАРАССИ, 4 июля 1940 года

Не слишком поздно после полуночи мы собрались на леталланской кухне пить кофе. Компанию нам составили владелица поместья, одна учительница да стряпуха. Они восседали на приподнятой площадке у камина. В самом камине обуглившиеся дрова время от времени вспыхивали новыми язычками пламени, что давало повод к всевозможным шуткам и прибауткам. Мы пребывали в том расположении духа, какое иной раз свойственно этому часу; всеми овладело что-то похожее на утренний хмель.

В этом-то настроении речь у нас зашла о *bassinoires*: широких, округлых противнях из красной меди для раскаленных древесных углей. Крышки их нередко украшаются богатыми узорами прорезных отверстий. Противни эти служат для обогрева постели перед отходом ко сну и переносятся на длинных черенках, впрочем, нынче они уже вышли из употребления, поскольку их использование предусматривает наличие прислуги. Хозяйка хвалила эти противни, и мы затеяли в несколько раблезианском духе спор о преимуществах того или иного вида постельных

грелок, в результате которого победительницей была, в конце концов, признана «шестнадцатилетняя черкесская невольница».

Мы маршем прошли до Парасси, где я переночевал в домике одного рабочего. Здесь с нами распрощался подполковник Фоглер. Майор д-р Отто сменяет его на посту командира батальона.

ФЕРМА ЛЕ КАДУ, 5 июля 1940 года

В час ночи меня разбудил хозяин дома: «Le réveil sonnait»¹. Ночной марш, плавно переходящий в дневной. Когда около полудня мы под Бонни переходили большой понтонный мост через Луару, стояла гнетущая духота.

Размещение на маленькой ферме Ле Каду. Жители лишь совсем недавно воротились обратно и были несказанно рады вновь оказаться у родных очагов. Несмотря на то, что за время отсутствия у них пропало много скота и домашнего скарба, я нашел их веселыми, даже исполненными какой-то внутренней ясности, нашедшей живой отклик в моей душе. Я ощутил в ней возобновление союза с исконной почвой, воспоминание о священном моменте первого заселения. В этом состоянии всякая работа, всякая ухватка превращается в источник радости — в них открывается не-

¹ Здесь: «Подъем!» (фр.)

что неповторимое, во все времена важное, что пронизывает повседневность; и после невзгод и боли жизнь вспыхивает новой, сулящей счастье глубиной.

МЭЗОН ЛЯ ФЮМЕ, 6 июля 1940 года

Разбужен в четыре часа. В усиливающуюся жару мы промаршировали до Мазилле и там, на лысой вершине горы, устроили полуденный привал. Колодец небольшой фермы, возле которого я велел сполоснуть котелки, уходил в толщу мергеля метров на пятьдесят. В нарастающий зной мы к вечеру достигли района Туси и остались на примеченной наверху ферме. Бойцы держались, как и должно держаться солдатам на марше, то есть, буквально, на последнем дыхании. То тут, то там кто-нибудь из них выбывал из строя, но темп марша не снижался. Я тоже смертельно устал.

Прибыли мы в сильный ливень. Но стоило нам появиться, как небо прояснилось. Как обычно, в это время года я любовался лилиями Мадонны¹; один прекрасный куст цвел в фермерском садике. Я разговорился о ней с хозяйкой, и та рассказала мне, что из цветов и листьев этого растения получается благодаря алкогольной вытяжке чудесное средство для остановки кровотечения.

¹ Белоснежная лилия (*lilia candidum*).

Характерные черты этой женщины: маленькая, сухая, в высшей степени энергичная, с зоркими, как у хищной птицы, глазами и узким подбородком. Она показала себя не в пример смысленнее своего мужа, который при виде такой уймы народа, растекшегося по всему домашнему хозяйству, сейчас же потерял голову. Так, когда лошади уже начали было обгладывать в садике листья капусты и кочаны салата, она позаботилась о том, чтобы выпроводить их оттуда, заявив мне, что сплошная-де сырость повредит животным. Затем она самолично сопровождала солдат, дабы показать им стойла и сено, не преминув прежде побеспокоиться и о том, чтобы я, в ком она подозревала колдуна-повелителя погоды, получил яйца и вино. Я размышлял потом об этом человеческом типе, а еще о том, что всех этих невероятных затрат воли хватает только на то, чтобы обеспечить себе мало-мальски приемлемое местечко под солнцем.

ЛЯ ТЮИЛЬРИ, 7 июля 1940 года

Уже в два часа был снова разбужен. Поскольку я на протяжении всего марша был назначен командиром авангардного отряда, который должен загодя подготавливать места расквартирования, то через Оллан, Сенан, Жуаньи и Бюсси я на машине проехал вперед до района Диксмон, и в Ля Тюильри обеспечил постой для батальона.

Сам я устроился здесь на постоялом дворе «Clos des roses»¹. Очевидно, он знал и лучшие времена, но сейчас его владелец вел образ жизни, отчасти напоминавший вышедшего на пенсию полицейского чиновника, а отчасти — крестьянина. У него-то я с Рэмом и наслаждаюсь тем, что со времен существования походов и войн, зовется у солдат «хорошей квартирой». Правда, наука этим не ограничивается. Надо еще уметь открывать источники изобилия; а посему сразу по въезде я первым делом сошелся с детьми и подарил им кое-что для копилки. Вслед за тем появилась яичница-глазунья, кролик, зеленые бобы, картофель в уксусе и растительном масле, и сыр; детишки, снуя один за другим, как муравьи, тоже притащили к десерту всякую мелочь: дочурка Леонна, например, ром для кофе, принесенного до этого ее братиком. Так все снова и снова попадаешь в дома, которые благодаря появлению солдата преисполняются таким хлебосольным волнением, как будто за стол к ним собственной персоной уселся ненасытный Геракл.

В отведенной мне комнате я снова обнаружил пол, привлечший мое внимание еще в Монмирели: красные кирпичные плитки, пригнанные по примеру пчелиных сот и выкрашенные блестящей олифой. Вымощенный

¹ «Розарий» (фр.).

так пол прохладен, прост и ненавязчиво рационален.

Во второй половине дня прогулка по полям и холмам. На склонах обширные поляны сиреневой скабиозы с вкраплениями отдельных кустиков золотисто-желтого зверобоя образовывали узор, характерный для пика лета. К этому добавлялось витиеватое жужжание бронзовок и шмелей. Вид скабиоз по-прежнему таит для меня что-то электрически возбуждающее: я, как ребенок, верил, что собирающий их накликает грозу.

На обочине проселков и в городке сложены огромные груды кремня, кажется, молнией высеченного из мергеля; его используют здесь для строительства домов. Кремни вспыхивают в лучах солнца дымчато-коричневыми, красочно-розовыми и карнеолово¹-красными тонами, подобно насыпям драгоценных камней в стране сокровищ.

ЛЯ ТЮИЛЬРИ, 8 июля 1940 года

Во сне у меня завязалась дискуссия с полковником фон Тайсеном. Он сидел за письменным столом и, когда мы оба высказались, протянул мне объемистую папку с документами. Я взял ее с собой на дом для изучения и нашел заполненной протоколами заседаний и допросов, а также заключениями экс-

¹ От *carne* — плоть (*лат.*).

пертизы. Речь в них шла об одном деле чести, возникшем из-за того, что во время командно-штабного учения, разбиравшего битву при Саламине, разгорелись препирательства. Основная масса офицеров приняла сторону персов, тогда как новый командующий встал на сторону греков. В протоколах некоторых допросов я с удивлением прочитал ряд важных высказываний, в которых греки объявлялись последователями непроработанных принципов и ниспровергателями старых устоев и династий, а также нашел прекрасные описания жизни в гарнизонах Вавилона, Сард и Экбатаны.

Все это явилось как бы некой арабской моих духовных взаимоотношений с фон Тайсеном. Вообще странно, как знакомые предстают мне во сне — ведь среди них есть и те, с кем я когда-то поступил несправедливо и о ком вспоминаю всегда с известной долей смущения. Но стоило им мне присниться, как чувство это с пробуждением проходило — будто они прощали меня.

ПЭСИ - КОСДОН, 9 июля 1940 года

Снова вперед, минуя Диксмон, через Вильнев на Пэси-Косдон. В автомобиле я обратил внимание, как внутренняя поверхность фар отражает дорогу. В их параболически отшлифованной металлической форме объекты, например, дома и деревья, — воспроизводят-

ся с большой четкостью, чтобы затем уменьшаться по мере вращения по кривой. Таким образом, они непрерывно подводятся к нулевой точке и исчезают в ничто. Все в целом походит на приспособление для объяснения индусских философов. Об этой теории я хочу проконсультироваться с братом Физикусом.

Во второй половине дня купание в узком, окруженном высоким камышом ручье, в котором текла быстрая и холодная, как лед, вода молочного, серо-зеленого окраса. Потом на солнцепеке я предавался размышлениям о поэтапности в творчестве автора. Опус можно сравнить с домом, к которому ведет вход с общедоступной улицы. Ранние произведения опираются на признанные образцы, и лишь с течением лет формируется собственный стиль. Автор вводит читателя по анфиладе, постепенно преобразующейся, в свой мир.

Вечером разговор с хозяином дома, пожилым рабочим. Во время Мировой войны он лежал в окопах напротив меня под Ренневиллем; мы тогда наступали. «Мы понесли большой урон». Во время этой беседы мне снова бросилось в глаза различие между *hommes* и *Menschen*¹. Удивительно чувство общности, товарищества, какое эта Большая война оставила после себя во всех ее солдатах, безразлично какого племени. Вот что отличает грандиозные события.

¹ Люди (*фр.* и *нем.*).

ВИЛЛЬШЕТИФ, 10 июля 1940 года

Через Труа в Вилльшетиф. В Труа сильные разрушения. Западные предместья выгорели дотла, остались лишь остовы каменных стен, узорами пчелиных сот расписавшие землю.

Во второй половине дня прогулка в Белли; среди лесной лощины я наткнулся на скромную могилу, крест которой, в качестве завершающей детали, украшала консервная банка. Кажется, страсть венчать чем-нибудь могилы лежит глубоко в человеческом инстинкте; эта мысль впервые посетила меня, когда я увидел каменные тюрбаны на мусульманских кладбищах.

В разбитом броневике я нашел письма: любовные письма к солдатам и секретную документацию, описывающую расположение минных полей.

ДЬЕНВИЛЛЬ, 11 июля 1940 года

Проезд через Пиней и Бревонн в уже изрядно переполненный Дьенвилль. Разместить здесь еще один батальон и одну санитарно-медицинскую роту казалось чем-то сродни чуду. Но мне оно удалось. Я обошел командиров и попросил их чуточку потесниться.

Порядочный человек в последнюю очередь думает о себе — таким образом, в полдень я один оказался еще без крыши над го-

ловой и по-настоящему обрадовался, когда в боковом переулке обнаружил комнату, которая еще, казалось, не попадалась до сих пор на глаза ни одному охотнику. Дородная хозяйка с подкупающей любезностью показала мне ее и под конец объявила, что порядка ради должна упомянуть еще об одной мелочи, а именно о том, что несколько недель тому назад в этом помещении от инфекционной болезни скончался-де ее муж. Я тут же оставил эту затею и предпочел, как теперь стало ясно, будучи далеко не первым, отправиться на дальнейшие поиски — в таких каморках живешь ведь не только телом, но и воображением.

В конце концов, я наткнулся еще на один домишко, который, покинутый жильцами, являл собой картину какого-то разбойничьего гнезда. С помощью двух разбитных дам, обитающих по соседству, мамыши с дочкой, и пары ординарцев я снова разгреб груды обломков и одолжил во временное пользование кое-какие постельные принадлежности. Я, похоже, угодил в распутный угол, ибо на помощь нам явилась еще одна соседка, которая, сбитая и эластичная, как красавицы у Вийона, рассыпалась во всевозможных кокетливых опасениях относительно угрозы, исходящей, по ее мнению, от мужчин. Так, прежде чем с двумя ординарцами подняться на чердак, она поинтересовалась, не съедят ли ее, дескать,

там, наверху, и, прощаясь, высказалась в том смысле, что домашнее-де хозяйство должно быть укомплектовано полностью, вплоть до женщины. Вскоре затем она, несколько возбужденная, ввалилась снова:

— Capitaine, у вас в порядке вещей залезать женщинам под юбки?

— Разумеется, — если те ничего не имеют против.

— Ах, спасибо, я только это и хотела узнать.

С этими словами она снова вылетела из комнаты. Так, всегда встречаются типы, чьему вкусу отвечает беспорядок.

Во второй половине дня в церкви, где проходила церемония отпевания. Священнослужитель, человек уже преклонного возраста, был преисполнен достоинства, в лице его удачно соединились черты крестьянские, аристократические и духовные. Одевание: черная, с узором вышитого серебром чертополоха, мантия, черный берет с алой кисточкой. Он по кругу обходил гроб; то обволакивая его облаком ладана, то окропляя святой водой. Причетники — в белых стихарях, подпоясанных черными шарфами; между запевами они время от времени обменивались друг с другом плутоватыми улыбками. Верный своей привычке во всех без исключения странах мира следовать за незнакомыми покойниками, я присоединился к похоронной процессии.

Позднее — прогулка по берегу реки Об в замковом саду. Течение ее быстро, вода холодная, изумительно зеленая, почти как в верховьях Инна. Воздействие красочных водоемов достигает очарования, если их белое ложе окаймлено ослепительной галькой. Здесь я погрузился в размышления о задаче своей, о путешествиях, но особенно о том воздействии, какого должен достичь я словом. Меньше чем год назад алхимия еще казалась мне вершиной всего, она сулила незримую власть над силами и вещами посредством волшебного заклинания, посредством колдовских чар. И все же много лучшим мне представляется теперь слово, способное возносить нас в такие невесомые эфирные сферы, где больше не нужно крыл. Ведь и эти пестрые оболочки мы когда-нибудь с себя скинем.

ВО - СЮР - БЛЭЗ, 12 июля 1940 года

Проведя ночь в разбойничьем гнезде, я через Шомеснель, Сулэн, Дулеван и Доммартен приехал в Во-сюр-Блэз. В канцелярии бургомистра я нашел толковых служащих, умело содействующих подготовке мест расквартирования и, вообще, всей работе авангардного отряда. Мэр, который вчера, в Дьенвилле, сопровождал меня всюду, несмотря на свои семьдесят два года и обилие хворей, сегодня тоже проявил завидную предприимчивость.

В муниципальном совете я познакомился с таким типом людей, который мне по душе — им по плечу нестабильность ситуации и они одарены врожденным пониманием общественного блага.

Покончив с распределением квартир, я остановился в доме священника, который за ужином угостил меня хорошим анжуйским вином — коричнево-желтым, как темные сорта янтаря, и приятным на вкус. За столом разговор о собрате из Дьенвилля, которого он знал и хвалил, чем подтвердил мое физиогномическое впечатление, затем о символическом погребении. Здесь мой хозяин оттаял окончательно; покачивая головой, он время от времени удовлетворенно ронял: «Tiens, tiens, tiens»¹. Чертополох же на хоральной мантии, по его словам, задуман как индивидуальное художественное оформление; впрочем, в христианском укладе ему все-таки отводится и символическое значение.

Как и весь городок, этот священник и его экономка тоже бежали, ибо прошел слух, что священнослужители, якобы, расстреливались. Его сообщение о бегстве было замечательно тем, как он комментировал картину множества выгоревших автомобилей, представших взору по обочинам дорог. Они, стало быть, отправились в путь ранним утром,

¹ «Вот-вот-вот» (*фр.*).

пастор на одной из телег для перевозки с поля снопов, экономка на изначально неисправной автомашине, которую пришлось тащить на буксире. Дороги были заполнены марширующими войсками и сорвавшимися с насиженных мест жителями. Еще прежде, чем они добрались до Доммартена, раздались исполненные ужаса крики:

— Они приближаются — *les voila*¹!

Появившиеся на большой высоте девять пикирующих бомбардировщиков обрушились с ревущими сиренами на колонну, стреляя из пулеметов и сбрасывая бомбы. Все спрыгивают с телег, ищут укрытия на обочине дороги. Взрывы вспарывают дорожное покрытие. Священник снова поднимается и слышит обращенные к нему крики:

— Ложитесь на землю, они возвращаются.

— Но для меня это было невозможно, потому что я слышал стоны раненых и умирающих, которым надо было дать отпущение грехов. Поскольку их оказалось слишком много, я отпустил им грехи всем вместе.

В этот момент начался второй налет, и осколком, пробившим ему бедро, священник был сбит на землю. Автомобиль тоже охватил огонь, резкой вспышкой пламени обожгло экономку. Священника куда-то унесли на носилках, а он все сжимал в руке мешок

¹ Вон там (*фр.*).

с церковными драгоценностями. Экономка потеряла его след, тащилась дальше как могла до самого Кот-д'Ора и, в конце концов, была помещена в немецкий лазарет, где ей заживили кожу, лохмотьями свисавшую у нее с ног. Затем она вернулась в Во, где тем временем объявился Тото — пес, пропавший после взрыва и потом снова пойманный в лесах. Священника лишь несколько дней назад выписали из больницы, и, принимая во внимание все, что довелось ему испытать, его добрый юмор изумлял меня. Он так и сыпал шутками да анекдотами, коими умел мастерски уснастить разговор. Так, к примеру, когда я отказался от предложенной мне сигареты:

«Папа предлагает одному кардиналу понюшку табаку.

— Благодарю, Ваше Преосвященство, но я избавлен от этого порока.

— Кабы то был порок, вы б непременно его имели».

Или, иллюстрируя увеличение в сельской местности случаев прелюбодеяния:

«Один тугоухий видит, как служитель магистрата делает какое-то объявление, и осведомляется у соседа, о чем это тот говорит. Сосед, шутник, и отвечает:

— Все рогоносцы должны сегодня после обеда явиться в мэрию.

На что тугоухий:

— Зайди-ка за мной, когда будешь проходить мимо».

О разнице между французской и швейцарской кухней — за обеденным столом в одной из женевских гостиниц.

«Швейцарец:

— Вы едите слишком много хлеба.

Француз:

— Зато вы слишком много всего остального!»

Экономка, мадам Луиза, все еще не оправилась от сильного потрясения, она без конца говорила, не могла видеть никакого оружия, переносить звук самолета, даже звонка пугалась. Я подшутил над ней, сказав, что она, как относящаяся к духовенству, не должна была бы все же так бояться.

— Оно-то конечно, но поскольку я здесь очень необходима, то пусть Господь обойдется пока без меня.

Так, под аккомпанемент разнообразных острот воистину приятно и прошел вечер.

КЛЭР - ФОНТЭН, 13 июля 1940 года

Утром прогулка, сначала к расположенному поблизости литейному цеху, где я наблюдал за проворным вращением гигантского водяного колеса из железа. После этого — в Донблэн. Там я присел передохнуть в церквушке. На тронутых временем стенах из-под

отслоившейся известки проглядывали древние фрески. Кровля основательно прохудилась; на хорах с места на место перелетали голуби и воробьи. Проселок вытянулся вдоль полей, опустошенных колорадским жуком. Я видел несметные массы личинок, но совсем немного имаго. При прикосновении к ним из сочленений наружу выступает желтый сок — этот жук, как большинство кризомелид, кажется, не употребляется птицами в пищу. Впрочем, цвет этого сока совпадает с изысканной цветовой гаммой — от светло-желтого до темно-коричневого, — которая характерна для этих насекомых. *Natura* наносит краски то бледными, то густыми мазками.

В полдень у священника угощался приготовленной мадам Луизой *jardinière*: горох, картофель, бобы и баранина. Затем прощание, при котором священник молвил, что едва, дескать, успеваешь сойтись с человеком и оценить его, как уже снова приходится расставаться. Это меня порадовало; живя по квартирам, я в каком-то смысле выхожу на ловлю людей.

Через Моранкур, Жуанвилль в Пансэ, одно из самых маленьких и убогих захолустий, с разрушениями, сохранившимися еще со времен Мировой войны, и опустелыми домами, поскольку жители просто побросали свои владения на произвол судьбы, за что их упрекать невозможно. Хотя я планировал

организовать размещение еще в Эффинкуре, под руку, однако, подвернулось лучшее место для бивака. Потом я вернулся обратно в Тоннан и в придорожном доме занял квартиру, которую в ответ на первую же мою просьбу мне предложила приветливая женщина. Расстройство желудка; для меня был заварен чай, а в ответ на вопрос о грелке, принесен завернутый во фланель горячий утюг.

Несмотря на то, что я жил у дороги — а это было несколько небезопасно — я все же и в этом случае не отказался от своей старой привычки: не запирает дверь спальни, это черта всех искателей приключений. Не следует оставлять фортуна топтаться за порогом. Правда, действительность посылает обычно пьяниц да взломщиков.

КЛЭР - ФОНТЭН, 14 июля 1940 года

С утра я предпринял попытку еще немного улучшить места расквартирования, а затем совершил прогулку по бесплодным полям От-Марна. Нищета, брошенные дворы, грязь.

Муж хозяйки, у которой я жил, пропал без вести. Она оставалась в местечке до тех пор, пока рядом с домом не начали падать бомбы, и тогда с двумя детьми своей экономки спряталась в водопроводной трубе, которая тянулась под улицей и которую я попросил показать мне. После этого она, как и все мест-

ные жители, сломя голову пустилась бежать оттуда и только после долгих скитаний вернулась обратно. В разговоре она отвечала фразами, полными меланхолии. Так, например, на вопрос о детях:

— Нет. Да и зачем? Чтобы они смотрели на то, что творится?

На сожаление, что-де наше присутствие в доме добавляет ей хлопот:

— Работа — это единственное, что отвлекает от мыслей.

Как и все французы, с которыми мне довелось до сих пор разговаривать, она, как я увидел, тоже была недовольна правительством и его политикой. В самом деле, слепота последнего, проявившаяся, например, в резком сокращении рабочей недели накануне судьбоносных событий, была просто поразительна. Тому, кто хочет жить так роскошно, следовало бы держаться подальше от оружия. Также я находил странной боязнь нас, боязнь распространившуюся задолго до того, как мы снова начали вооружаться, уже сразу после Мировой войны. И это несмотря на значительное превосходство в материальной силе. Благодаря таким признакам исход событий дает себя почувствовать задолго до их начала. Наряду с этим боязнь, естественно, соответствует и области низкого давления в показаниях барометра; она притягивает непогоду.

НЁВИЛЛЬ - ЛЕ - ВЭКУЛЁР,

15 июля 1940 года

Во второй половине дня через Уденкур, Монтиньи и Вэкулёр в Нёвилль-ле-Вэкулёр, где места расквартирования показались мне чуть лучше. Приют я нашел в доме одного вышедшего на пенсию служащего Северной железной дороги, который, как и многие, ему подобные, по завершении срока службы вернулся в родные края. К сожалению, мухи из всех окрестных коровников слетаются на свидание в мою комнату.

В постели, как обычно очень удобной, я читал во французском переводе «Голубой карбункул» Конан Дойла. Такого рода вещи увлекают читателя описаниями подробностей охоты на человека и изощренных способов выслеживания.

НЁВИЛЛЬ - ЛЕ - ВЭКУЛЁР,

16 июля 1940 года

Из-за затора на дороге под Нанси продолжение марша дивизии задерживается на день. Поэтому я еще раз вернулся в Пансэ, а к обеду был в Невилле.

Во второй половине дня я, поскольку мы находились совсем рядом, совершил вылазку в Домреми. Городок опоясывали свежие могилы, например, могила лейтенанта Якоба

Райнерса, павшего там в возрасте двадцати трех лет 26 июля у самой дороги на Гро.

Я видел дом со скромной обстановкой и ту самую комнату, где родилась дева¹. Все, на мой взгляд, содержалось хорошо и скромно, совершенно безо всякой примеси музейности, какую я обнаружил затем в небольшой церкви. Здесь на одной иконе я прочитал прекрасное изречение: «*Vitam pro fide dedit*»² — мне кажется, что только по-латыни вещи могут быть выражены в столь чеканной лапидарности.

Решив выпить чашку кофе, я заглянул в небольшую гостиницу, причем хозяйка тотчас же поприветствовала меня обычным:

— Ah, mon pauvre monsieur, tout est pillé.³

Итак, мы поехали дальше, в Нёфшато. Старый, тесно застроенный город нес на себе следы бомбардировок; вдоль домов тоже тянулись линии воронок от танковых снарядов. Жизнь на улицах казалась парализованной, словно с перерезанными сухожилиями; она еще не пришла в себя. После таких катастроф работа возобновляется, прежде всего, на полях, затем подключаются торговля и ремесло. Но прежде всего человек опять начинает

¹ Речь идет о Жанне д'Арк, Орлеанской деве, которая родилась в деревне Домреми в 1412 году.

² Отдал жизнь за веру (*лат.*).

³ — Ах, мой бедный господин, все уже разграблено (*фр.*).

играть, как я увидел на примере детей. Один офицер, принимавший участие во вступлении в Париж, рассказал мне, что первым человеком, на которого они наткнулись на обезлюдивших улицах, оказался пожилой рыболов, мирно сидевший на берегу Сены.

Затем мы посетили еще высокий феодальный замок Бурлемон, стоявший посреди великолепного парка, с лужаек которого, подобно скалам и островам в зеленом море, поднимались мощные, до самой земли окутанные листвою группы деревьев. С балюстрады я обозрел местность с холмами и темными лесами; она показалась мне замкнутой, прохладно-таинственной — одним словом, почвой, на которой девственность может достичь своей наивысшей, неодолимой ступени.

Вернувшись обратно, я еще перемолвился с хозяевами. Жена удивляет сочетанием заботливых, добродушных черт в кругу близких и, одновременно, крайней жесткости и слепоты в отношении всего непривычного, что обнаруживается в простодушно-прямых высказываниях. Так, она поведала мне, что до нашего вступления в их местности располагались войска из черных и биваком стояли прямо в сырых лесах. На мой вопрос: «Вероятно, в палатках?» — она ответила отрицательно:

— *C'est des sauvages. Ils vivent comme ça*¹.

¹ — Это же дикари. Они прямо так и жили (*фр.*).

По поводу приготовления горемычного кролика, которому предстояло составить мою обеденную трапезу:

— Я им вырываю глаза, чтобы кровь лучше стекала.

Все это произносит она вежливым, даже любезным тоном.

Перед сном я прочитал еще одну историю Дойла: «Палец инженера». Мучения человека, затолкнутого в камеру гидравлического пресса, показаны в «Колодце и маятнике» Э. А. По, чье творчество представляет собой большой, изначальный поток, от которого потом ответвились все жанры фантастики. Впрочем, в его изображении маятника сокрыта мистерия, которую не под силу понять тому, у кого нет определенного фактического опыта.

ЖОНДРЕВИЛЛЬ, 17 июля 1940 года

После обеда я поехал вперед, в Жондревилль. Дорогой я занимал себя мыслями или, скорее, черновыми набросками мыслей, в которых ум едва ли отдает себе отчет. Как если бы мыслительной субстанции предшествовала какая-то другая, более тонкая, которая благодаря эрозии в известной мере размягчает материю и по-новому расчленяет ее. Так ум, полугрезя, играет вещами, еще не видя их, но как бы нащупывая их своими щупальцами. Свету предшествует тьма.

Только мы проехали без остановки, город сильно разрушен. Одна из башен кафедрального собора обвалилась, похоже, от прямого попадания. Большая церковная крыша тоже сгорела.

В Жондревилле я нашел приют у бургомистра или, скорее, у исполняющего его обязанности. Городок принадлежит к числу тех лотарингских гнезд, что привлекли мое внимание еще во время Мировой войны. В них, приближаясь с востока, впервые сталкиваешься с архитектурным стилем, приспособленным к солнцу. Создается то же впечатление, что и при въезде с севера в Южный Тироль. Не беленные, лишённые окон фасады выгорели, черепица плоских крыш — серая, розовая либо блекло-красная, с крапинками белесых лишайников. На коньках местами еще сохранился свежий золотистый цвет. Все вместе лежит в пределах той цветовой гаммы, что при сиянии в зените стоящего солнца насыщается пестрыми огоньками и уподобляется металлам, сила излучения которых проявляется лишь при накаливании.

Вечером, прохаживаясь по садам, я увидел в сумерках темное существо. Оно прошмыгнуло мимо меня через дорогу, размахивая расположенными впереди головы светлыми крыльями. Когда оно уже собиралось скрыться в каком-то сарае, я сообразил, что это черная кошка, несущая в зубах черного голубя

с белыми крыльями. Стало быть, я увидел одну из тех картинок-загадок, на которых радость и боль почти неразличимо вписаны друг в друга и которые в жизни отнюдь не редкость. Мы тем яснее различаем черты их, тем вернее, чем выше находимся сами, и чем больше света действует вокруг нас.

ЗАЛОНН, 18 июля 1940 года

С утра прогулка по Мозельским пастбищам, где в тихих протоках стариц можно было наблюдать необычайно пышно разросшуюся болотную и водную флору. Путь мой лежал мимо растянувшейся вдоль берега постирочной, где со смехом и гомоном трудились у воды женщины. Они стояли на коленях перед открытыми ящиками, полоскали вещи в реке, намыливали их на белом бордюрном камне и долго охаживали плоской колотушкой, пока с них не сходила вся грязь. Стирка, которая у нас стала исключительно домашним делом, здесь по-прежнему относится к действиям, совершаемым совместно; и постирочные являются учреждениями общественными.

В полдень супруга бургомистра подала мне к обеду курицу, затем через Нанси я поехал в небольшой городок Залонн, где нашел приют у одного железнодорожника. Здесь мы обнаружили первые брызги немецкого языка; городок этот до Мировой войны был

немецким. На узком погосте, обнимавшем церковь, мы увидели ряд свежих могил павших солдат. Из стальных касок, лежавших на них, в лобной части одной имелось пять небольших пулевых отверстий, а выше — длинная и широкая борозда, расколовшая ее.

ЭДЕЛИНГЕН, 19 июля 1940 года

Через Шато-Сале, Мёрхинген и Баронвилль в Аделанж, который на новых дорожных указателях уже щеголяет названием Эделинген. Здесь немецкий язык не просто преобладает, но становится единственным языком общения. Разместился в доме бургомистра.

Вечером я еще успел пройтись по полям. Их тяжелая, красно-бурая земля нередко скрывает в себе раковины в форме рога изобилия или, точнее, древнеримской погребальной лампы. Мне посчастливилось найти экземпляр, крышка которого осталась закрытой. Правая створка этой окаменелости развилась сильнее; однако неправильность не только не портила ее, но даже поднимала до уровня украшения, поскольку ненормально развившаяся широкая ее половинка была разделена красивой складкой. Так, уже в природе, в процессе развития, предварительно моделируются все те параметры, какие только может изобрести человеческое искусство. Наша свобода заключается в обнару-

жении изначально сформированного — создавая, мы проникаем к уже сотворенному. Самое большее, чего мы можем достичь, так это предчувствия неизменной меры прекрасного — как, например, под игрой волн Эгейского моря взор угадывает на дне древние урны и статуи. То же самое справедливо и в отношении нашей жизни — удачей можно считать, если нам хотя бы смутно удастся ощутить предчувствие того, что, как семя в почве, извечно заключено в ней.

Вечером я размышлял еще о значении раковин и улиток в архитектуре барокко. Тенденция этих существ к завитку и асимметрии уже на природном уровне выражает стремление к новым формам. Рокайли в зодчестве равным образом указывают на зародыш всего склонного к изменению, индивидуального, фантазии. Следовало бы проследить, как он пускает усики.

Впрочем, орнаменту в виде раковины, равно как и всему, что мы видим символически, присуще и противоположное — склонность к длительности, к математическому затвердению, к окаменелости. На примере садов и парков хорошо видно, как взаимодействуют первое и второе. А в пристрастии к зеркалам лучше всего наблюдать прямое встречное движение — человек понимает, что симметрия находится под угрозой, и желает

восстановить ее посредством добавления многого изображения.

В тайном языке моделей, по которым мы начинаем сегодня строить, вырисовываются долгие периоды уравновешенности, которые последуют за периодами беспокойств. Такой вывод можно сделать также из того, что все большее количество труда сковывается планом; так будущее заранее дает знать о себе.

ЭДЕЛИНГЕН, 20 июля 1940 года

Нам предстоит провести в этом захолустье еще несколько дней. В домах испытываешь чувство, будто древоточцы и мухи измельчили утварь в труху, а снаружи будто все потонуло под слоем навоза. Бурые ручейки, там и сям образующие подернутые радужной пленкой лужи, сочась и капая, стекают вниз по деревенской улице. Множество разрушенных и сгоревших домов, а по проселкам валяются груды брошенного военного снаряжения. Среди всего этого в глухом и, как мне кажется, вырванном из времени настроении живут и возятся люди; все вместе с таким же успехом могло представлять картину времен Тридцатилетней войны.

Мой шестидесятилетний хозяин — тощий, с длинным, острым и несколько скошенным носом человек, с чаще всего меланхолически-отсутствующим, но все же лукавым взглядом.

Физиогномически он напоминает мне птицу, однако из числа давно вымерших. Есть лица, которые принадлежат такому типу людей, о котором лишь смутно догадываешься, но толком так ничего и не знаешь. Надо бы основательно проштудировать фавнов под коньками большого собора, чтобы получить представление о такого рода характерах.

В первой половине дня явилась в дом женщина лет тридцати и попросила помочь ей выкопать мужа, который погиб недалеко отсюда за считанные минуты до прекращения боевых действий. Ее лицо перекосила переполнявшая ее боль, хотя мой хозяин и сказал, что нельзя - де так убиваться. Она, например, заявила, что готова руками вырыть покойника из земли, лишь бы еще хоть одним глазком его увидеть. Подобные встречи здесь происходят сплошь и рядом, поскольку бастионы были отчасти заняты местными. Так знакомишься и с непосредственным действием выстрелов, которое обычно так и остается вне поля зрения стрелка. Пуля поражает многое; видишь, как падает птица, и любишься летящими во все стороны перьями, но не видишь яиц, птенцов и самку в гнезде, куда она никогда уже не вернется.

Вечером я предпринял короткую вылазку в Бушдорф, чтоб навестить Спинелли, и, по свойственной мне привычке, завернул на кладбище, которое, как то нередко бывает

в деревнях Лотарингии, подковой огибало церковь. Здесь я обнаружил большую редкость — хранилище костей, которое в виде грота было встроено в стену церковного двора. Содержало оно черепов, вероятно, двести. Нагромождение венчал фриз из прочих останков, а на свободном месте перед ним лежали длинные бедренные и тазовые кости. Складывалось общее впечатление некой кладки выцветших, несколько позеленевших костей, в массив которой была вставлена мозаика темных глазных впадин. Узор их привел меня в замешательство; я как будто почувствовал мягкий морской прибой, бьющий об этот утес смерти. «Мы все жили» — доносилось оттуда. И все же досадно, что сегодня страшатся таких поучительных изображений, высокой пышности смерти, смысл которой еще понимали в эпоху барокко. Грот замыкался деревянной решеткой и низким каменным парапетом, в котором находилось чашеобразное углубление, видимо, для святой воды.

В Эделингене я завел об этом разговор с хозяином, и, как ожидал, тот весьма живо откликнулся. От него я узнал, что прежде умерших со всей округи хоронили в Бушдорфе, потому-то и дорога туда из Эделингена еще и по сей день называется Похоронной. Могильщик, приготавливающий новые места, сносил затем старые кости в это хранили-

ще и укладывал их там слой за слоем. Раньше возвышение из черепов достигало до самого потолка грота; еще будучи мальчишкой, мой хозяин видел его таким. Но поскольку нижние пласты мало-помалу со временем истлевали, высота его осела. Народ знал черепа; каждый мог «показать своих бабушку и дедушку», поскольку ведь было известно, кто лежал в могилах.

ЭДЕЛИНГЕН, 21 июля 1940 года

Грозовой ливень, и поскольку в моей мушиной камерке стало уж слишком пустынно, я отправился на небольшую субтильную охоту¹. На завядшем картофельном поле я опять изучал колорадского жука — когда солнце стоит высоко, он оживает, взбирается на самый кончик травинки и проворно взлетает. Я смотрел, как они роятся, подобно пчелам, и при виде этого зрелища мне казалось сомнительным, чтобы хоть одной области в Европе удалось надолго избежать их миграции. И снова я искал раковины, но среди тысяч и тысяч экземпляров не нашел ни одной столь же совершенной, как та, что досталась мне с первого взгляда.

Вечером почта, среди писем — одна серьезная исповедь. Даже оставляя подобное без

¹ См. комм. к записи от 1 июля 1939 г.

ответа, уже самым актом чтения выполняешь важное задание.

Когда на деревенской улице мне случается встретить мужчин, мы иной раз заводим разговор о последних неделях и месяцах. При этом я не устаю изумляться разнице в нашем восприятии происходящего. Так, одному непременно хотелось видеть мертвых в тех местах, где их не было, и тому подобное. Нередко такого рода фантазии пронимают до такой степени, что услышанное передается дальше в прямой форме. Например, не говорят: «Один артиллерист рассказал мне, что там целый склад-де взлетел на воздух». А иначе: «Там целый склад взлетел на воздух». Тогда в обмене воспоминаниями образуется некое истолкование текста; фактический материал в определенных местах утрируется, а в других реконструируется.

Вышеизложенное весьма существенно, ибо факты стекаются к нам по грубой поверхности необработанными фрагментами, а нередко подобны лаве, которая несет грунт и камни. При размышлении ум пытается придать целому, разбитому на части, осмысленную фигуру. Это может происходить посредством сокращения; со случайного происшествия как бы снимается шлак. С другой стороны, добавления тоже могут наглядно прояснять картину, как, к примеру, удачно

придуманные анекдоты передают самую суть истории.

ЭДЕЛИНГЕН, 22 июля 1940 года

Среди пожертвованных в местные церкви икон особенно часто встречается изображение мученической смерти святого Эразма. Связанный по рукам и ногам, с небольшим разрезом ниже грудины, он лежит на земле, тогда как изрядная часть написанных киноварью кишок намотана на лебедку. Два слуги, обслуживающие механизм, с молодцеватым видом, как после хорошо исполненных трудов, стоят справа и слева от него — вообще, все вместе производит впечатление какого-то церемониального действия. Как мне рассказал хозяин, иконы эти были установлены в старину по причине холерного мора, опустошившего край.

Рэм, сопровождающий меня вот уже девять месяцев, испытывает торможение речи. Это выражается в том, что он безуспешно пытается ответить на обращение к нему, отчего лицо его слегка перекашивает. Между тем только рождение первого слова доставляет ему затруднение; окончание фразы следует затем без особых помех.

Лишь сегодня, поскольку об этом заговорил Спинелли, мне стало ясно, что все дело

здесь в дефекте речи — сам я до сих пор считал это его характерным свойством. Сие показательно для моего общения с людьми, и в моральном плане тоже.

Чтение: «Кондор» Штифтера¹, — литературный первенец, написанный еще под влиянием Жан-Поля. И все же дикие лозы уже обрезаны, что в прозе тоже способствует завязи. Красивое место, которым автор жертвует ради целого, не пропадает втуне; оно усиливает невидимую гармонию.

ЭДЕЛИНГЕН, 23 июля 1940 года

Как всегда после войны, из-за разбросанных повсюду боеприпасов происходит много несчастных случаев. Так, несколько дней назад в лесу за Бушдорфом пятеро работников развлекались метанием ручных гранат, обнаруженных ими в одном из брошенных оборонительных сооружений. При этом один осколок, по-видимому, угодил в огромное скопление взрывчатых веществ, должно быть, в штабель дисковых противотанковых мин. Взвился такой шквал огня, что повалил деревья по всей округе, заставил содрогнуться окрестные деревни, а людей разнес в клочья.

¹ *Адальберт Штифтер* (1805—1868), австрийский писатель. Сборники новелл «Этюды» (1844—1850), «Пестрые камни» (1853), роман «Бабье лето» (1857) и «Витико» (1866—1867).

Вчера в соседней деревне трое ребятишек затеяли игру с плитками прессованного пороха, лежавшего повсюду на огневых оружейных позициях. Им случилось видеть, как родители используют на растопку такие плитки, и они набили ими железную печку, подвернувшемуся им в лесу под руку. Стоило им поджечь порох, как наружу ударил мощный язык пламени, вызвавший смертельные ожоги.

Из-за закопанных повсюду в этом укрепленном районе мин нажимного действия нужно быть особенно осмотрительным. На каждом шагу Арес¹ разбросал свои кровавые игрушки.

ВАДГАССЕН, 24 июля 1940 года

Через Фалькенберг, Санкт-Авольд, Лаутербак до самого Вадгассена, где и находилась наша железнодорожная станция. Мы перешли через линию Мажино и пересекли предполье с безлюдными населенными пунктами. В одичалых садах среди фиолетовой флоры чертополоха ярко горели королевские свечи². Перед стальной дверью распластался мертвый козел, совершенно высохший, с дырами в спине, сквозь которые видны были похожие

¹ В греческой мифологии *Арес* — бог войны. В римской мифологии ему соответствует *Марс*.

² *Verbascum L.*, коровяк, семейство норичниковых.

на клетку ребра. Он скалил зубы, как будто улыбался нам на прощание, — последний из бесчисленных трупов, которые нам довелось видеть.

На границе. Прохождение торжественным маршем мимо полковника под всплески музыки. В Вадгассене мы встретили первых жителей, снова налаживающих жизнь в своих домах и садах. Если бы все могли так вернуться на родину.

НАУКА ОБ ИЗБЫТКЕ

В начале апреля 1939 года Эрнст Юнгер вместе с семьей перебрался из Юберлингена на Боденском озере, где жил с декабря 1936 года, в нижнесаксонскую деревушку Кирххорст, расположенную к северо-востоку от Ганновера. Семья поселилась в бывшем пасторском доме недалеко от кладбища. Это был просторный, пришедший в некоторое запустение каменный дом, с одичавшим садом, в котором росли старые липы и буки. Здесь, в благоприятном для работы северном климате, Юнгер через несколько месяцев завершил рукопись новеллы «На мраморных утесах», первоначально носившей слегка вычурное название «Королева змей».

25 апреля по почте приходит военный билет, и чуткий ко всем изменениям автор, «внесенный государством в реестр» в чине лейтенанта для поручений, догадывается о скорой мобилизации.

Политика этих недель напоминает ему об августе 1914-го — времени накануне Первой мировой войны. 28 апреля Юнгер слушает по радио двухчасовое выступление фюрера перед Рейхстагом, в котором властно объявлено о расторжении германо-польского Пакта о ненападении. Перед этим ему во сне является Кньеболо — в дневниках так именуется Гитлер, — болезненный и меланхолический. Он дарит Юнгеру конфеты в золоченых обертках, цвет которых постепенно сменяется сине-голубым. Автор отказывается толковать этот сновидческий образ, но расшифровать его не составляет большого труда, особенно тем, кто знаком с фигурами и капрично «Сердца искателя приключений». Лазурь — «зерцало таинственных глубин и бесконечных далей», она символизирует светлую радость духа и таинство трансценденции. Соблазняя властью, Гитлер надеется получить взамен свободу писателя. Уже очень скоро Юнгеру наяву предстоит пережить дьявольское искушение. В начале августа рейхсминистр иностранных дел Йохим фон Риббентроп приглашает в замок Фушль под Зальцбургом видных немецких писателей и публицистов, задумывая своего рода brain-trust и предлагая «национальному писателю» Юнгеру пост за рубежом. Он отклоняет заманчивое предложение, как летом 1933 года отказался от членства в Немецкой академии поэзии.

Дистанцию по отношению к режиму Юнгер подчеркивает еще раз 29 марта 1940 года. Он записывает, что в свой 45-й день рождения утром,

у открытого настежь окна, прочел 73-й псалом. В синодальном переводе Библии он стоит под 72-м номером. «Я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их; на работе человеческой нет их, и с прочими людьми не подвергаются ударам. Оттого гордость, как ожерелье, обложила их, и дерзость, как наряд, одевает их; выкатились от жира глаза их, бродят помыслы в сердце; над всем издеваются, злобно разглашают клевету, говорят свысока; поднимают к небесам уста свои, и язык их расхаживает по земле...». Хотя от «Партийной проверочной комиссии по защите национал-социалистической литературы» (так называемой «комиссии Булера») нельзя было ожидать досконального знания текста Священного Писания, однако автор шел на известный риск — особенно после выхода в свет «Мраморных утесов» с их опасными аллегориями и леденящим кровь описанием Живодерни. Читатели Юнгера уловили в этом эпизоде как скрытый апокалиптический тон, так и новый выпад в адрес «паладинов дьявола», «лемуров» и «мавританцев».

Описанный выше «сон в руку» — отнюдь не случайный эпизод. В ретроспективе визионерская тема оказывается путеводной нитью в лабиринте дневников Второй мировой войны, а потому треть «Садов и дорог» — а ими как раз открываются «Излучения» в собрании сочинений Юнгера — стоит под знаком «Мраморных утесов». Вот автобиографический отрывок из одного поздне-

го эссе, следующий за описанием приглашения в Фушль и восполняющий пробелы дневника: «До известной степени успокоенный, я вернулся обратно в Кирххорст, полагая, что предстоит партия в покер. Видимо, так оно и задумывалось. А тот факт, что это было мне в сущности лучше известно, подтверждает текст «На мраморных утесах», который занимал тогда все мои мысли. Повесть относится не столько к литературе, сколько к области визионерства и может служить примером того, что в Вестфалии и у нас, в Нижней Саксонии, называют *Vorbrand*, «дым от пожара». Эта небольшая книжица сразу же, в первые дни войны, стала предметом оживленных политических дискуссий, что было неизбежно и вовсе не противоречило сути дела, поскольку у темы судьбы также бывает и политическая инструментовка. В сущности я проиграл войну, не успев ее начать. Правда, наше сознание многослойно, и прозрения редко достигают до самой основы, до дна. Иногда я думал, что ошибся, — так было, когда мы входили в Париж. Но потом в отдельных событиях, о которых мне ничего не могло быть известно, я находил все новые подтверждения своей догадке. Я имею в виду 20 июля 1944 года — если и говорить о «сне в руку», то это был как раз тот случай. Только мы редко запоминаем содержание снов, которые предшествовали событиям».

В конце августа 1939 года Эрнста Юнгера призывают в вермахт и присваивают звание капитана. В ноябре он прослушивает краткосроч-

ные офицерские курсы и несет службу на Западном вале («линии Зигфрида») на Верхнем Рейне под Гребферном. Период, получивший позднее название «Странной войны», или «Сидячей войны», ярко характеризуется двумя фразами из дневника: «Появляются французы, но мы в них не стреляем, и они в нас тоже. Между укреплениями и рвами пахнут землю крестьяне и собирают урожай свеклы». Солдатские будни и короткие отпуска в первые месяцы войны сопровождаются интенсивным чтением — Библия, Геббель, Блуа, Бернанос. Наконец, 23 мая 1940 года он, командир роты «родного» 73-го ганноверского пехотного полка в составе группы армий «А», выступает в поход в западном направлении и 26 мая пересекает линию Мажино. Теперь теоретик «тотальной мобилизации» сам часть маневренной войны, танкового блицкрига на востоке Франции, среди ландшафта, столь хорошо знакомого ему с Первой мировой войны. Как и в 1914 году, Юнгер боится пропустить «крещение огнем». 27 мая его рота покидает Седан и проходит мимо стоящего у дороги генерала. «Он поприветствовал роту и поинтересовался моим самочувствием, когда, подъехав к нему верхом, я отдавал рапорт.

— Благодарю, господин генерал, хорошо. Можно ли надеяться, что мы, наконец, вступим в бой?

— Вступите, сударь, вступите — под Сен-Кентеном».

Впрочем, за исключением этого кокетливого пассажа, на страницах дневника нет и следа герои-

ческих переживаний «Стальных гроз». В бой рота Юнгера так и не вступила, ни под Сен-Кентеном, ни позже. А уже в конце июня 1940 года молниеносная французская кампания закончилась. Кавалер ордена «Pour le mérite» был награжден Железным крестом второй степени за вынос с поля боя раненого артиллериста. В этой символической детали, как и во многих других, Юнгер видит то, что отличает эту войну от предыдущей. Теперь перед ним открывается одно грандиозное фойе смерти, абсолютно вымерший и обезлюдевший мир, в котором само существование духа находится под угрозой уничтожения. Автор-солдат пытается смягчить ужасы войны заботой о французских военнопленных, защитой населения и культурного наследия завоеванной страны. Один юный офицер, выведенный в дневнике под именем Спинелли, сохранил в памяти слова своего командира, сказанные во время похода: «Входите в любой дом, как если бы это был ваш собственный, и не забывайте о том, что могли бы оказаться в том же положении, что и эти несчастные».

«Сады и дороги» вышли в 1942 году и стали первой и последней книгой, опубликованной Юнгером в годы войны. Ее спокойный тон, как и само название, резко контрастирует с манифестами 20-х годов. Если автор «Огня и крови» обращался к молодому поколению фронтовиков с национал-революционным призывом, воспевая «новую расу, прошедшую школу войны» и «волю, образующую с техникой единое целое», то «Сады

и дороги» — с начала и до конца — повествование о том, как вообще возможно неучаствующее участие и, в частности, как возможно поэтическое и философское существование в самом центре большой войны. Едва ли такой дневник мог возникнуть на Восточном фронте («Кавказские заметки» конца 1942 года скорее исключение), однако читали его — в издании, напечатанном на дешевой бумаге, со скромным рисунком клевера и одуванчика на суперобложке — не только штабные офицеры в парижском отеле «Рафаэль», но и простые солдаты в болотах под Ленинградом вроде студента Мюнхенского университета Ойгена Раппа, утонченного и совсем чуждого Марсу персонажа «Швабской хроники» Херманна Ленца.

Очарование юнгеровского стиля — в умелом чередовании перспектив, какое возникает при взгляде на картинки-загадки. Это картинки, где два образа совмещены. Смена аспекта происходит мгновенно, не в результате зрительного или волевого усилия, а скорее спонтанно, легко. Другая особенность таких перевертышей в том, что перебор деталей, фрагментов изображения ничего не дает — но важно, в каком порядке они расположились в момент созерцания. Каждая часть подчинена целому, которое и нужно распознать, дабы впервые раскрылись и заиграли детали.

Казалось бы, всего лишь один из писательских кунштюков. Тем не менее, это не так. Речь идет не о чем ином, как о методе или пути, который сам

автор экспериментально называет «новой теологией» или «экзегезой в духе XX столетия». В ней нет ни систематики, ни догматики, хотя путь предполагает все же новый язык и новую оптику. Правда, их нельзя назвать «средствами», поскольку они суть сама эта теология. Язык приобретает в ней новую прозрачность, позволяющую причаститься высшему порядку. «Новая теология с описательным характером» следует девизу «Любя познавать» и отказывается от вторжения в мир, от властно-распорядительного жеста. Ее задача — не проецировать на творение рациональные схемы, а утверждать согласие божественных и человеческих вещей, выражая его в языке.

Оптика заключается в умении «описать петлю» — уйти от абстрактных конструкций и схем, оставить общее и направить внимание на особенное, увидеть в поверхности глубину. Мир, как наставляет магистр Нигромонтан, подобен залу, где есть множество дверей, которыми пользуется каждый, и лишь несколько дверей, видных немногим. В то мгновение, когда описывается петля, как раз и осуществляется теологический акт зрения; тогда язык сгущается или уплотняется (по-немецки можно было бы сказать: *dichtet*) до действительности, становится событием мира.

В «Сердце искателя приключений» новая теология называется «наукой об избытке». Впрочем, обозначение науки применимо к ней лишь очень условно. Юнгер вспоминает слова Гесиода о том, что боги прячут от людей пищу. Изречение

это, «подобно луне, обращено к нам лишь знакомой стороной. Оно предполагает, что избыток существует, и им распоряжаются боги. Жизнь таит в себе два направления: одно ведет к заботе, другое — к избытку, окруженному жертвенными огнями. Наша наука по своему устройству подчинена заботе и отвращена от праздничной стороны; она неразрывно связана с нуждой, как измеряющий — с мерой, а считающий — с числом». В самом деле, в любой науке бросается в глаза скудость и нужда, поскольку научные усилия подчинены планированию и расчету. Ученый похож на глухонемого, которого какой-то шутник пригласил на грандиозное оперное представление. Он видит какие-то действия на сцене и постепенно начинает улавливать их связь с движениями оркестра. Несмотря на множество проницательных и бесполезных наблюдений, которые может сделать такой человек, от него навсегда останется скрытым, что все атомы, стихии, жизнь, свет обладают своим собственным голосом. «Да, если бы мы могли слышать этот голос, мы могли бы летать без самолетов, а тела были бы прозрачны для наших глаз без рентгеновских лучей!»

Новая теология сулит удивительные приключения. Еще с ее помощью можно уловить «отблески незримого изобилия, обитающего в глубине», узнать волшебное слово, открывающее доступ в пещеру с несметными богатствами, наконец, подражая плодоносящей силе Земли, научиться «превращать в золото все, чего касается наша рука».

Задача новой теологии — «именовать образы, известные нам с давних пор». Автор умело владеет этим искусством — впрочем, такое упражнение в зрении доступно для каждого. И тех, кто успешно с ним справится, ожидает немалая награда — «познание, узнавание и светлая радость».

Изобилие и нужда, счастье и страдание, творчество и разрушение, радость и боль — две эти стороны жизни почти неразличимо вписаны друг в друга, как на той самой картинке-загадке. Знание об избытке обладает исцеляющей силой, помогает сохранить свободу в чреве Левиафана, перенести боль среди тотального уничтожения, вселяет надежду на возвращение в родное отечество. В конце дневника описана встреча с темным существом со светлыми крыльями впереди головы, которое на поверку оказывается черной кошкой, несущей в зубах черного голубя с белыми крыльями. Такие образы выступают из полумрака, различить их непросто — для этого нужен свет. Белый свет в русском языке означает мир. «Мы сами образуем собой мир, и то, что мы переживаем, подчинено не случаю. Вещи притягиваются и отбираются благодаря нашему состоянию: мир таков, какими свойствами обладаем мы. Каждый из нас, следовательно, в состоянии изменить мир — в этом громадное значение, которым наделены люди. Вот почему так важно, чтобы мы работали над собой».

Александр Михайловский

Эрнст Юнгер

Сады и дороги

Дневник

Издатели:

Александр Иванов

Михаил Котомин

Пр-директор — Анастасия Размахнина

e-mail: a.razmahnina@admarginem.ru

Художник — Андрей Бондаренко

Корректор — Алла Полякова

Компьютерная верстка — Марина Гришина

Оптовая торговля — Максим Сурков

тел.: 8-910-428-67-88; e-mail: adbooks@mail.ru

«Книжный Клуб 36.6»

107078, Москва, Рязанский пер., д. 3

тел.: +7 (495) 926-45-44 (многоканальный)

факс: +7 (495) 265-13-05

e-mail: club366@aha.ru, <http://www.club366.ru>

Подписано в печать 14.10.08

Формат издания 80×100/32

Печать офсетная

Тираж 1600 экз. Заказ № 0818130

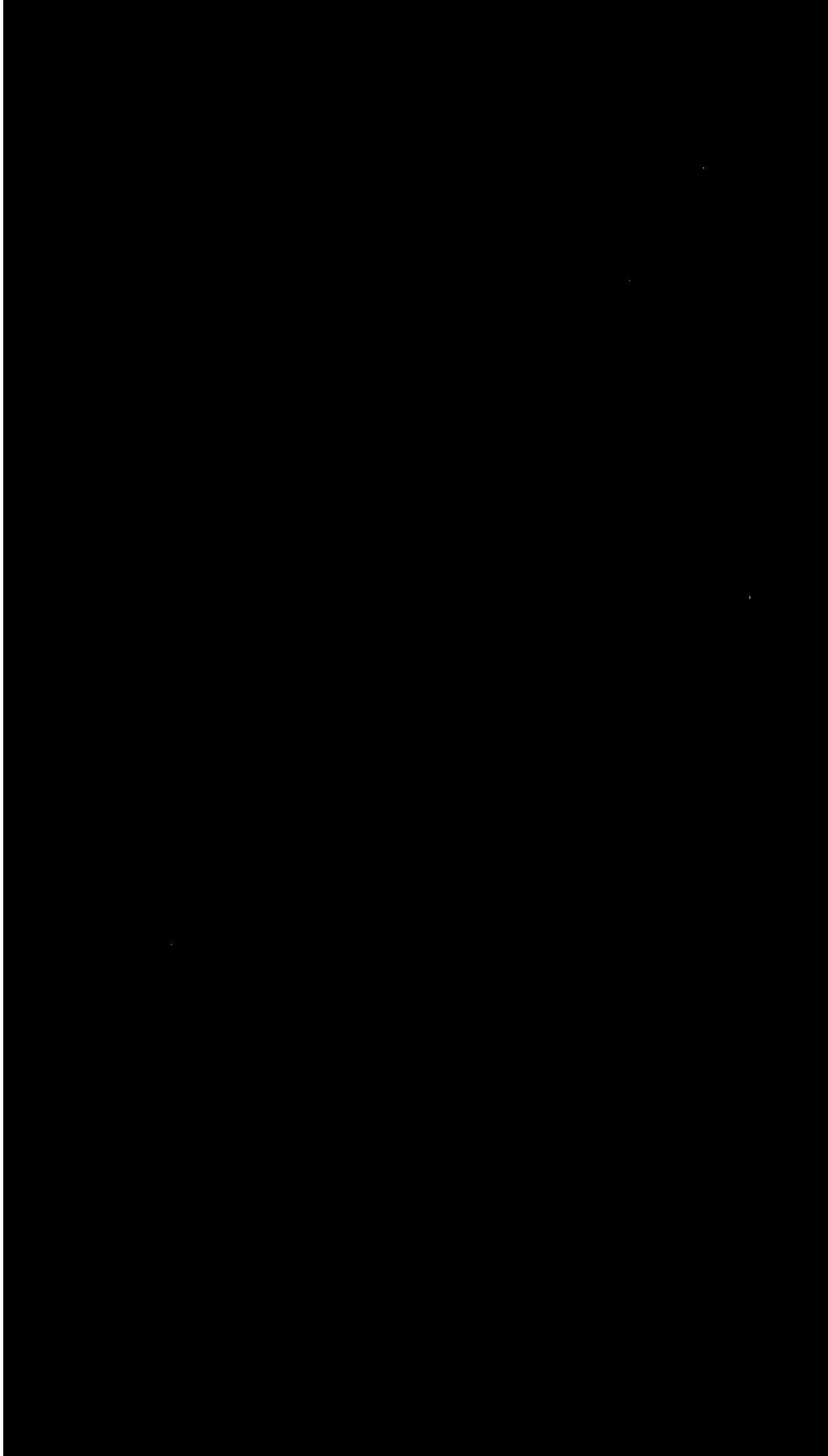
ООО «Ад Маргинем Пресс»

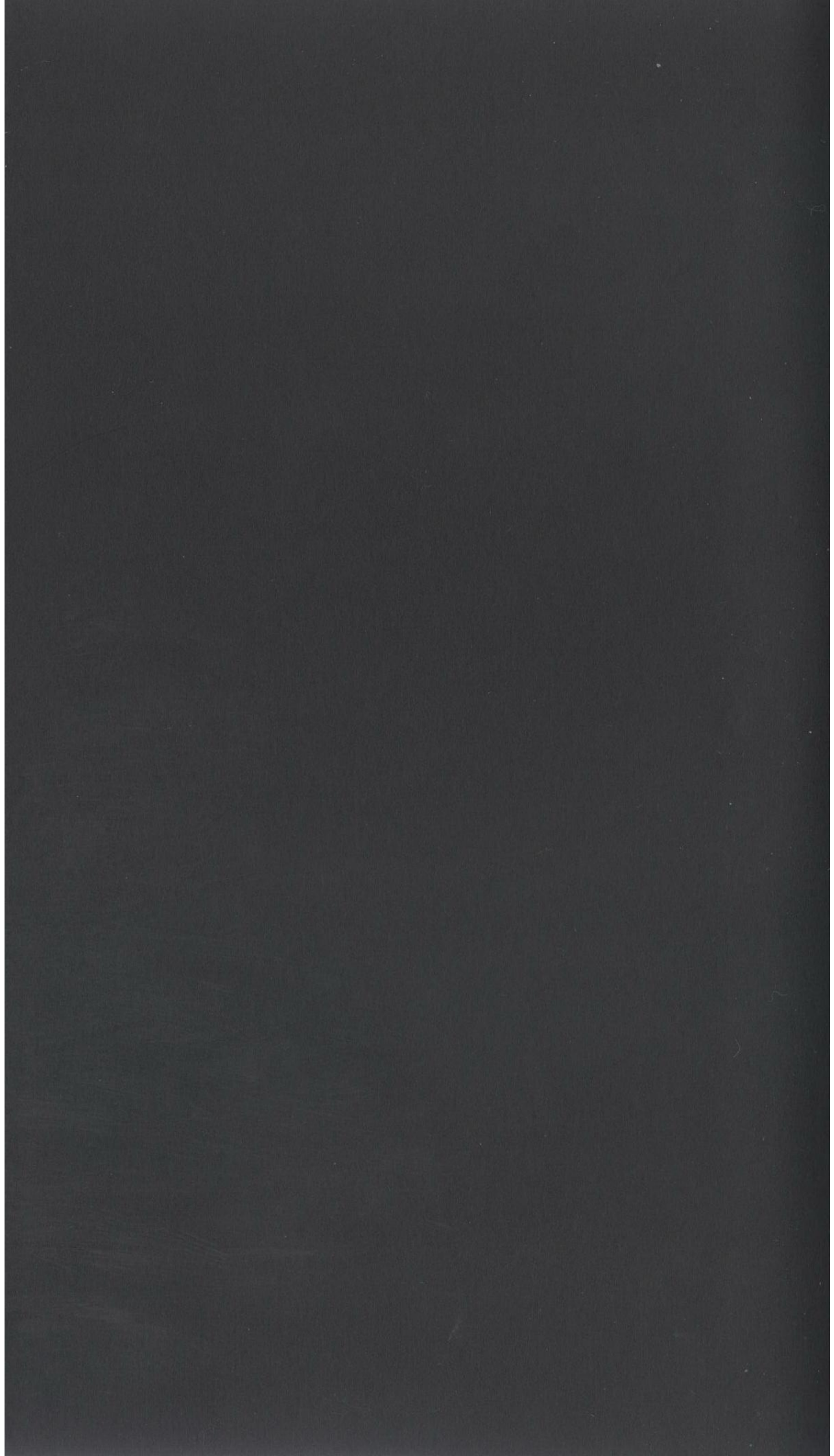
105082, Москва, Переведеновский пер., д. 18, стр. 2

тел./факс: (495) 988-15-32, e-mail: info@admarginem.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, д. 97

2
5

Ernst Jünger

GÄRTEN UND STRAßEN Klett-Cotta

9 785911 030407 >